ДЕМ МИХАЙЛОВ

НИЗШИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Безымянный мир, где рождаешься уже взрослым и в долгах. Мир, где даже твои руки и ноги тебе не принадлежат, а являются собственностью бездушной системы. Безумно жестокий мир, где жизнь не стоит ни единого сола, где ты добровольно низший со стертой памятью, где за ошибки, долги и преступления тебя лишают конечности за конечностью, медленно превращая в беспомощного червя с человеческим лицом… Мир со стальными небом и землей, с узкими давящими стенами, складывающимися в бесконечный стальной лабиринт. Мир, где в торговых автоматах продают шизу и дубины, где за тобой охотятся кровожадные безголовые плуксы, а самая страшная участь – превратиться в откормленную свинью.Внимание! В произведении присутствуют сцены жестокости и насилия!

- Дем Михайлов
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая

Дем Михайлов
Низший

Глава первая

Перечень последних событий:
Гидрация – успешно.
Комплектация – успешно.
Реанимация – успешно.

У меня зеленые буквы перед глазами? Но веки закрыты. Как я могу видеть буквы? Целые слова…

Комплектация? Гидрация? Гидрация чего? И как же сильно у меня болит голова. И левый локоть… и что-то саднит в пояснице. Противно так саднит. Нудная постоянная боль. Плохая боль. Это не от ушиба. Это что-то серьезное и хроническое… я это твердо знаю… или ощущаю?

– Эй! Одиннадцатый! Очнись уже! Давай! – нетерпеливый злой голос звучит в правом ухе.

Да она – а это она, судя по тембру голоса – прямо орет мне в ухо!

– Две единицы! Подъем! Подъем! Подъем!

Я попытался шевельнуть губами. Засипел горлом. Скрипнул зубами. Из этого набора жалких действий и звуков сложилась едва слышная просьба:

– Не ори так…

– Времени нет, одиннадцатый! Совсем нет. Ну зачем я повелась на этот чертов лимс! Вставай! Сейчас будет сигнал!

– Сигнал?… – я с недоумением пытался уловить смысл, но не понимал ничего.

Почти ничего.

От меня требовали немедленно подняться. При этом называли одиннадцатым, а не по имени. Имени… а как мое имя? Имя… Не могу вспомнить.

Кто я?

И снова равнодушная тишина внутри. Разум попытался найти затребованную информацию, нырнул в глубинные слои памяти – я даже услышал плеск мысленных волн – но там на глубине не нашлось ничего. И меня это почему-то не удивило. Потому как только что я получил четкое знание – океаны моей памяти пусты. В них нет жизни. В них не найдется даже завалящей рыбешки, способной передать мне хоть какую-то информацию о моем прошлом. Все живое в моей памяти поймано в мелкую-мелкую сеть и утащено далеко-далеко. Так далеко, что сознанию туда не добраться.

– Давай же чертов низушек! Вставай!

«Низушек»? Это она мне?

Одиннадцатый. Низушек.

– Ну же, две единицы! Подъем, прошу тебя! Прошу! Из-за тебя и меня накажут! – в женском голосе отчетливо проявился страх. Животный страх. Несдерживаемый.

От испуга в ее голосе мне стало так нехорошо, что забылись собственные боли в голове, руке и пояснице. Я через «не хочу» шевельнулся, застонал, переворачиваясь на бок. Только сейчас осознал, что лежал на спине. Сплюнул, почувствовал, как по щеке пополз тягучий сгусток. Шевельнул руками и в голос вскрикнул – левая рука отозвалась всплеском чудовищной боли. Ладно… и я как раз лежу на левом боку. Пора бы осмотреться…

Меня пронзил легкий укол паники – на приказ открыться веки дернулись, но не более того. Что такое…

– Вот… сейчас вытру…

По лицу прошлись жесткой – слишком жесткой! – тряпкой. Я разом взбодрился, сонливость начала уходить. Еще бы… по лицу будто теркой для овощей провели.

Попробовать еще раз… веки послушно приоткрылись, по глазам ударил нестерпимо яркий свет. Я невольно застонал, зажмурился. Дернувшись, невольно потревожил левый локоть и скорчился от жуткой боли. Что-то очень не так…

– Рука… – прохрипел я, не открывая глаз – Левая рука.

– С руками тебе не повезло – ответил женский голос – Зато с родными частями полный порядок. Торс, голова – просто отличные. Ноги – полное дерьмо. Но руки еще хуже.

– Что?

– Я говорю – комплект тебе паршивый достался. Совсем паршивый. Не повезло тебе, одиннадцатый.

– Почему ты называешь меня одиннадцатым?

– Как на груди набито – так и называю. Две единицы. Вставай! Ну же! Скоро сигнал! Затем осмотр! А мы уже должны стоять там! Вставай!

– Я болен… мне очень плохо… воды… дай воды…

– Потом! Встань, одиннадцатый! Встань! Давай. Я помогу.

Поразительно… но она меня будто и не слышала. Мне было невероятно плохо. Полная дезориентация. Тотальная слабость. Я не чувствовал ног и рук – за исключением болевого пожара в левом локте. Поясница раскалывалась. В висках стучали молоты. К горлу подкатил комок рвоты… и неохотно отступил обратно в желудок.

Со мной произошло что-то очень нехорошее. Возможно авария? Раз я ничего не помню. Пострадала голова…

– Моя память…

– Само собой стерта! Ты низушек! Воспоминаний нет. Все заблокировано.

– Что?!

– Слушай! Либо встаешь – либо я ухожу. А без меня ты до коридора не дойдешь. И на осмотре не засветишься. А значит – никаких дневных работ на твою долю и никакой оплаты! Чем будет платить за комплект конечностей? Это аренда! И платить надо каждый день! Чем оплатишь еду? А душ? Вставай, одиннадцатый! Если сегодня не наешься и не напьешься – тебе конец!

Я слушал, я очень внимательно слушал, преодолевая слабость и боль. Я изо всех сил пытался понять, но не понимал.

Что она говорит? Она сумасшедшая?

– Ну же!

В ее голосе прозвучало столько страха, столько боли…

Я дал себе время. Немного. Десять секунд. Чтобы собраться с духом. И медленно считал от десяти до одного. Боль и слабость от удивления немного отступили, чуть притихли. И я этим воспользовался.

– Два! Один!

Извернувшись, перевернулся на живот, подтянул под себя непослушные ноги. Правая рука со шлепком уперлась в мокрый липкий пол и начала помогать торсу выпрямиться. Чуть приоткрыл левый глаз. Закрыл. Приоткрыл правый. Закрыл. Давай… давай…

Крепкая рука вцепилась мне в плечо, помогла выпрямиться. Приоткрыв глаза, увидел грязную железную стену и тут же к ней прислонился. Замер, глядя вниз. И глядел я с огромным удивлением. Видел живот. Плотный, плоский, мускулистый, без малейших следов дряблости. Отчетливо видны квадратики брюшных мышц. Кожа дряблая, сморщенная, виден узор вен. Но такое впечатление, что это временно, что это пройдет. А вот ниже начинаются странности… и я не про широкую резинку коротких шорт или скорее трусов. Я про то, что ниже трусов – а там… там мои ноги… вот только разве может такое быть, чтобы мускулистый живот переходил в столь же нормальный и крепкий таз, из которого выходило две свободно болтающиеся в штанинах шорт старческие ноги-спички. Что это? Узловатые колени, босые ступни с почернелыми ногтями.

Руки…

Я дернул подбородком, глянул на левую руку. И бессильно выругался от шока – из мускулистого плеча росла тощая ручонка с огромным раздутым синим локтем. Из правого плеча росло такое же убожество.

– Какого…

– Давай за мной! Держись за стенку – тараторила девушка.

Я наконец-то ее увидел. Совсем молодая девчонка. От природы смуглая. Стройная. Однорукая. Коротко и плохо стриженная. Из штанин шорт растут мускулистые антрацитово-черные ноги. На правой щеке старый шрам, лоб пересечен свежим красным рубцом, левый глаз заплыл от столь же недавнего сильного удара. Да и губы разбиты. Над воротом майки видно две цифры. Девятка и единица.

– Давай! Давай!

Меня бесцеремонно толкали и, держась за стену, я послушно сделал первый шаг. И едва не упал – нога едва выдержала вес моего тела.

– Будет легче. Ноги окрепнут – ободрила меня незнакомка.

Тут явно не больница. А она точно не медсестра. И даже не санитарка.

– Что происходит? Что со мной? Почему…

– Послушай! Молчи и шагай. В главном коридоре тебя активируют. И сам все поймешь. Все просто. А я получу за тебя два сола. И все довольны! Шагай…

– Активируют? Сола?

– Почти пришли. Сюда… еще шаг…

Через шаг я оказался в чуть ярче освещенном месте. В коридоре. Широком коридоре с грязным полом. И мы тут были не одни. Мы оказались окружены немалым числом людей, выглядящих так же, как и я. Только они более истощенные. Мужчины в шортах, у женщин еще и майки. Конечности… их конечности… мои приспособившиеся к свету глаза ползли от одной фигуры к другой, а разум никак не мог поверить увиденному. Казалось, какой-то злобный великан оторвал у всех этих ребят руки-ноги, после чего принялся лепить их обратно, не особо заморачиваясь, кому и какие достанутся.

Что происходит?

Какой уже раз я задаю себе этот вопрос? Наверное, раз в сотый за последние три минуты.

Внезапно раздавшийся протяжный гудок заставил меня вздрогнуть в испуге, а остальных оживиться. Все как один поспешно выпрямлялись, сводили лопатки вместе, упирали руки в бока, начинали улыбаться, принимать небрежные позы.

– Выпрямись, двойная единица! – прошипела девяносто первая – Не касайся стены! Стой свободно и уверенно – будто у тебя полно сил!

Я опустил глаза, прижался подбородком к груди и увидел наконец две жирные черные единицы у себя на левой грудной

мышце. Незнакомка не соврала. Я одиннадцатый.

Оглядел стоящих рядом. Никто. Никто из них не касался стен – хотя только что практически все облокачивались на них.

Мороз по коже. Они все выглядят натужно улыбающимися смертельно больными людьми. Так обреченный на смерть глава семьи деланно уверенно и спокойно улыбается детям и жене пришедшим его навестить в хосписе, хотя в душе он вопит от страха и нежелания умирать.

Я выпрямился. Меня повело. Сумел удержать равновесие и застыл в максимально вертикальном положении, борясь с желанием опуститься на пол и завыть от жуткой головной боли. Перед глазами чернело. Я бы упал. И плевать на жалобные слова девяносто первой. Но над головой послышался ровный механический шум, и я поднял лицо. Поднял только для того, чтобы напороться взглядом на бесстрастный объектив, торчащий из большой металлической полусферы, передвигающейся по прикрепленному на потолке рельсу. Из полусферы торчало не меньше двадцати таких визоров и все они были обращены вниз – на выстроившихся в коридоре людей. По моему лицу и груди пробежало несколько лазерных лучей. Скользнули по цифрам на груди. Задержались на правом плече. Я скосил туда глаза и увидел длинный штрихкод незамеченный ранее.

Щелчок… еще один…

И если первый донесся из-под потолка, то второй послышался прямо у меня в голове. Я вздрогнул, уставился перед собой застывшим взором, изумленно читая вновь появившиеся зеленые строки:

Активация интерфейса – успешно.
Перечень последних трех событий:
Комплектация – успешно.
Реанимация – успешно.
Активация интерфейса – успешно.

Что-то замигало на зрительной периферии, я услышал легкий повторяющийся звон. Девяносто первая с нескрываемым облегчением испустила продолжительный вздох.

– Два сола моих…

Полусфера на потолке с гудением ушла по коридору дальше. Люди вокруг загомонили, заулыбались. Кто-то зевал, потягивался, переговаривался с соседом. Общее напряжение спало. Шатнувшись, я со шлепком ударился спиной о стену. Колени с хрустом подломились, и я сполз на пол. Девяносто первая шагнула прочь… на полушаге замерла, поколебалась и, как-то странно выругавшись, подсела ко мне, помогла усесться

удобней, торопливо заговорила:

– Время еще есть. Полчаса. Часы увидишь, скосив глаза вниз-влево. Там же настройка таймера. Но все равно будет короткий гудок. Это время завтрака. Смотри куда все идут – и топай туда же.

Я слабо помотал головой, мне стало плохо только от одной мысли о том, чтобы впихнуть в себя еду. Воды бы… пару глотков. Не больше.

Щеку обожгло ударом. Сердито глянув на меня, она понизила голос:

– Не дури, одиннадцатый. Не дури! Знаю, что тебе плохо. Но завтрак пропускать нельзя. Питательных веществ в обрез. Упустишь калории – не наверстаешь. Ясно?

– Ясно…

– Пихай в себя через не хочу. Да и порции крохотные. Воды выпей столько, сколько сможешь. Потом, как только хоть немного придешь в себя и разберешься в сегодняшнем своем статусе…

– Что?

– Разберешься в своем сегодняшнем статусе! Сам поймешь – изучи интерфейс. Это главное.

– Ясно… слушай…

– Засунь свои вопросы себе в задницу, одиннадцатый! Мое бонусное задание было простым – разбудить тебя, поднять, доставить до коридора. Задание выполнено. Награда получена. Я сейчас здесь только по доброте своей. Понял?

– Понял.

– Вот и хорошо. Еще тебе совет – никому не верь! Ни на что не соглашайся. Понял?

– Понял.

– Никому и ни за что не одалживай ни единого сола! Ни единого!

– Что такое «сол»?

– Деньги! Монеты! Самое-самое главное для всех нас – зарабатывать свои солы каждый день! Одна аренда чего стоит – ты платишь четыре сола в день за аренду комплекта!

– Что за долбаный комплект? – вот и первая вспышка эмоций. А я уж боялся оказаться роботом… но нет…

– Вот твой комплект – ее единственная рука поочередно коснулась моих рук и ног – За каждую конечность каждый день система забирает по одному солу. Всего четыре. За комплект. И никаких скидок – горько улыбнулась она, поднимаясь.

– Погоди… – мой разум пытался ухватиться хоть за что-то, поддержать разговор – А ты? Ты платишь три сола каждый день? Ведь…

Глянув на плечо с ровно обрезанной коротенькой культей, она усмехнулась еще раз:

– Я тоже плачу четыре. Потому что утеря руки произошла по моей вине. Каждый день с меня забирают один сол ни за что. И последний тебе совет, новичок – не забывай про казуал.

– Про что?

– Сам поймешь. Следи за экранами и своим номером – одиннадцать. Если засветятся цифры на одном из экранов – торопись, у тебя всего минута. Затем очередь следующего. И бойся подножек – игры редко, сыграть хотят все. Ради этого собьют с ног, ударят по голове.

– Да что за…

– Просто будь осторожен! И поглядывай на экраны. Они светятся только вечерами – днем ежедневные задания.

– Я не понимаю…

– Разберешься. Удачи! – она наклонилась, тряхнула меня за плечо – Держись. Выживай. Это главное. Пока!

И она ушла, оставив меня скрюченного сидеть у стены.

Больно. Мне прямо вот очень больно. Поясница – еще терпимо. А вот голова и левый локоть… еще немного и я сначала отгрызу себе левую руку, а затем разобью голову о стену. Надо как-то отвлечься…

Что говорила девяносто пятая? Нет. Девяносто первая – так она себя назвала. Девяносто первая. Надо запомнить. Судя по тому, что я подыхаю под стенкой от боли, а из проходящих мимо зевающих людей на меня даже никто не глянул… девяносто первая самая добрая из здешнего люда.

Девяносто первая.

Почему цифры? Почему не имена? Ведь обычно людей называют по именам, которые они получили от родителей. Верно? У каждого человека есть имя и фамилия. И он с гордостью несет их по жизни…

Моя голова… перед глазами пошли черные круги. Захрипев, я начал заваливаться на правый бок. До слуха донесся глухой обрывок диалога:

– Новичку конец.

– Ага. Кто-то заработает лишние три сола на похоронке.

– Повезет кому-то…

Это они обо мне? Мне конец? Вздрогнув, я уперся слабой правой рукой и заставил тело выпрямиться, снова оперся лопатками о стену. Преодолевая боль, повернул голову, глянул в сторону. Вон там толпятся люди. Я вижу их сквозь сгущающийся перед глазами серый туман. Люди подходят к стенам, кажется, входят прямо в стены. Когда появляются снова, что-то жуют или

вытирают рты. Пьют… пьют! Там наверняка дают воду!..

Что мне надо прямо сейчас?

Ответ очевиден – вода. Мне нужна вода. Чем больше – тем лучше. Я помню про горящую перед глазами непонятную на первый взгляд надпись:

Гидрация – успешно.

Что-то сухое успешно сделали мокрым. Или же едва влажным – если я прав и речь идет не о каком-то постороннем предмете, а о моем теле. Все вписывается в эту теорию.

Комплектация – успешно.

Тут речь о моем арендованном комплекте конечностей, как бы жутко это не звучало.

Реанимация – успешно.

Тут и пояснений не требуется.

Если все сложить воедино… мое сухое тело успешно напитали водой, следом снабдили первыми попавшимися конечностями, а под конец реанимировали, вернув жизнь в меня бедолагу. Ну а следом я очутился в каком-то закутке, где меня растормошила однорукая девушка с номером девяносто один.

У меня адски болит голова. Я не могу нормально думать. Во мне все трещит. Сморщенная кожа на животе снова начала ссыхаться, я чувствую натянутость в щеках и лбу, глаза с натугой поворачиваются в орбитах и их словно бы заклинивает.

Вода… мне нужна вода…

Встать!

Я поднялся рывком. Проехался плечом по стене, уперся правой ладонью. Накренился, ноги шагнули сами собой – вялые, медленные, дрожащие. Ничего… ничего… давай… тут недолго… двигай арендованным комплектом, одиннадцатый. Двигай. И не забывай держать левый локоть прижатым к боку – если кто-то из проходящих мимо равнодушных людей заденет за него, я свалюсь на пол в болевом шоке. И вряд ли уже поднимусь. И вскоре кому-то повезет заработать три сола на моей похоронке… почему они сказали «похоронка», а не похороны?

Почему мне достались руки и ноги старика?

Почему мне вообще пришили чужие конечности?

А что с моими руками и ногами?

Глянул на скребущее по стене плечо. Кольцевой безобразный шрам заметен сразу – он красный, тянется бугром прямо по

плечу. Руки-ноги вставлены вместе с суставами? Это продвинутая технология или отсталая? Почему я ничего не помню?

Еще через шаг мое плечо оказалась у квадратной дверцы в стене. Узкая и высокая. Она заподлицо. Но контуры видны четко – широкая зеленая линия обрамляет дверцу. В нижней части дверцы черный стеклянный квадратик. Глянул на соседей и сориентировался. Встал перед дверцей, чуть отодвинулся, выждал секунду.

Механический голос равнодушно оповестил о опознании:

– Одиннадцатый. ОРН.

Надпись с тем же содержанием засветилась перед моим затуманенным взором:

Одиннадцатый. (ОРН).

Дверца бесшумно ушла вверх, открывая глубокую освещенную нишу с металлическим дырчатым изогнутым креслом. Очень широкие подлокотники. Единственная круглая ножка поддерживает всю конструкцию. Я неуклюже развернулся, опустился, с облегчением снимая непосильную ношу с ног. Дверь бесшумно закрылась, отрезая меня от коридора и взглядов окружающих.

До закрытия 01:59… 01:58…

Первое что я увидел – поднявшийся из подлокотника прозрачный и большой пластиковый стакан доверху полный воды. Я взял его дрожащей рукой.

Памятка: питьевая емкость должна быть возвращена на место.

Прижал посудину к потрескавшимся губам, начал пить, даже скорее вливать в себя драгоценную влагу и не останавливался, пока в стакане оставалась хотя бы капля. Поставил пустой стакан на прежнее место. Замер в надежде, сквозь серый туман и радужную рябь глядя на так быстро опустевшую емкость.

До закрытия 01:41… 01:40…

Легкое журчание. И стакан быстро наполнился снова.

Первый (из трех суточных) водный лимит исчерпан. (ОРН).

Я уже не удивлялся появляющимся и исчезающим надписям

перед глазами.

Это ведь дополненная реальность? Разве это не обыденность?

Второй стакан я выпил с той же жадностью. Не пролил ни капли. Если я правильно подсчитал объем стакана – во мне литр воды. И пусть она побыстрей в меня впитается.

Инъекция. (ОРН).

Перед глазами появилась подсвеченная зеленым схематичная анимация. На ней зеленый человечек спокойно сидел на кресле и ничего не делал. Над головой человечка появлялись цифры от трех до нуля. Конец анимации.

Инъекция? Инъекция чего? Стоит ли соглашаться?

Стоит. Однозначно. Ведь не убить же меня хотят.

Пискнуло. Я прикрыл глаза. Отсчет пошел.

Три.

Сдавленно охнул, ощутив короткий огненный тычок снизу в нижнюю челюсть.

Два. Еще один огненный тычок.

Один…

Третий укол.

Ноль.

Процедура завершена.

Ввод иммунодепрессантов (ОРН) – успешно.

Введение суточной дозы витаминов (ОРН) – успешно.

Введение дозы обезболивающего (Р) – успешно.

Заберите первый прием пищи.

Щелчок. Из второго подлокотника выскочил небольшой желтовато-серый кубик. Замер у моих пальцев.

Это и есть «первый прием пищи»? Так себе завтрак по объему… у него грани в два сантиметра.

Забрав кубик, медленно и осторожно покинул кресло, шагнул в коридор. За мной бесшумно закрылась створка. Где я только что побывал? Медпункт? Столовая? Все вместе?

Шагая вдоль стены, скользя на этот раз левым плечом, вернулся к месту, где меня оставила девяносто первая. Меня по-прежнему все игнорировали – как и я их. Каким-то чутьем я понял – попытайся я начать задавать вопросы и тут же буду грубо послан.

Я блаженствовал – боль быстро утихала, уже снизившись до вполне терпимой и опускаясь все ниже, вот-вот собираясь добраться до радостной отметки «едва ощутимая». Скорее бы…

– Одиннадцатый.

Знакомый голос! Я радостно улыбнулся подошедшей однорукой знакомой. Та на улыбку не ответила, зато прикипела взглядом к моему сжатому кулаку. Я сориентировался быстро. Протянул ей кулак с зажатым кубиком.

– Возьми. Ответишь на несколько вопросов?

– Я же говорила – съешь даже через силу. Это еда. А еда – это энергия. А энергию нужно потратить на работу, чтобы вечером получить солы. Не шути с едой. Съешь.

– Уже узнал что-то полезное – впервые улыбнулся я – Возьми. При всем желании я не смогу съесть ни кусочка. Даже не собираюсь грызть.

– Его и не надо – девушка забрала кубик, спрятав его в небольшой и явно самодельной поясной сумке – Копишь слюну. Кладешь кубик на язык. Он через пару секунд рассыплется в пыль, что напитается слюной и станет вязкой. Глотаешь. Вот и позавтракал. Или пообедал. Лучше кубик в воду бросать и пить коктейль. Что спросить хочешь?

– Много чего – признался я – Но мне бы присесть для начала.

– Быстрее. Чем быстрее начнем работу – тем больше шансов выполнить дневную норму. Садись и спрашивай.

Опустившись – с радостью ощутив, что ноги стали чуть сильнее и послушней – я не стал тратить время впустую и задал первый пришедший в голову вопрос:

– ОРН?

– Обычная рабочая норма. Считай это своим рангом, низушек.

– Р?

– Разово. Обезболивающие вкололи?

– Верно.

– В первый день их всем новичкам вкалывают. Чтобы не спятили от боли в голове и теле.

– Нузушек?

– Добровольно низший.

– Не понял…

– Я сама не очень понимаю. Это наш статус. Ты, я, остальные здешние – мы все низшие. И согласились на это добровольно. Как и на блокировку памяти.

– Вот про память…

– Блокирована у всех. Про это сильно не расспрашивай – людям не нравится.

– Ясно…

– Что еще?

– Где мы?

– В жопе.

Грубое выражение как нельзя подходило к моему случаю. Я и правда в полной заднице. Но, пошевелив во рту начавшим напитываться водой языком, переспросил:

– Где-где?

– Где слышал, двойная единица. Мы в заднице. Глубокой. И выход отсюда только один – смерть.

Плохо… что-то безнадежности становится многовато. Я про себя ничего не помню, не знаю своего характера, к примеру, но мне упорно кажется, что я человек веселый и стремящийся к позитиву.

А тут такой тягучий хлюпающий мрак безнадежности… едва тлеющие угольки жизни в глубине глаз почти безразличной ко всему молодой еще совсем однорукой девчонки.

– Спрашивай, одиннадцатый.

– ОРН – мой статус. Низший – мой статус. Это как понять? Запутался.

– Все просто – низший… это ты по жизни, понял? Низшим здесь рожден, низшим здесь же умрешь. Низший – твоя фамилия, как у каждого здесь. Я низшая девяносто первая. Ты низший одиннадцатый. Вот так.

– Ясно…

– ОРН – это внутренний статус. Он твой пока ты каждый день выполняешь полученное утром задание от системы. Это важно, одиннадцатый. Если провалишь задание – тебе конец. Норму обеспечения уменьшат сразу же, солов не заплатят, уйдешь в долг по аренде комплекта, снизят дозы иммунодепрессантов. Держись за ОРН руками и зубами. Как закончим болтать и тратить время впустую – выясняй свое задание и начинай его выполнять.

– Я но ногах еле стою. Боль только-только утихла. Внутри меня что-то скрипит и хрустит, когда нагибаюсь и выпрямляюсь. Мне нехорошо. Очень нехорошо.

– Да всем плевать – жестко ответила девушка и с размаху наградила меня еще одной затрещиной – по той же щеке – Всем плевать на твое «мне нехорошо»! Все только и ждут, когда ты сдохнешь – ведь на твое тело система кому-то выдаст задание «похоронку»! А это лишние солы!

Обжигающая боль встряхнула. Клубящаяся в голове отупелая муть немного разошлась. Внутри проснулась злость. Меня ударили. Это больно и обидно. Я зол. Отупелая муть начала расходиться быстрее.

– Ударь еще раз – попросил я – Посильнее.

– Не говори, что тебе понравилось…

– Скорее разозлило и захотелось пнуть тебя так сильно, чтобы ты…

– Поняла. Держи.

Шлеп… и многострадальная щека заполыхала огнем. Тряхнув головой, поблагодарил:

– Спасибо.

– Мне пора.

– Еще пару вопросов!

– Слушай… тебе кажется – ты должен узнать так много! Но на самом деле – ты знаешь уже пятьдесят процентов того, что знает здесь каждый старожил.

– Еще минуту.

– Давай.

– Где мы все же?

– Никто понятия не имеет. Если кто и знает – никому не говорит. Глухая тема.

– У меня что-то серьезное с левой рукой – я показал чудовищно раздутый локоть – Они напортачили с моим комплектом. Пусть все старое и обвислое, пусть слабое – но пусть хотя бы работает!

– Согнуть можешь? – коротко спросила девушка, оценив мой локоть долгим пристальным взглядом.

– Ну… это очень больно. Мне вкололи сейчас болеутоляющее, но…

– Я не это спросила, низушек! Хватит плакаться! Я тебя спросила – согнуть можешь?

Меня снова окатила злость смешанная с накатившим раздражением. Разве так положено общаться с человеком, чей левый локоть напоминает огромную посинелую помидорину готовую вот-вот лопнуть? Где хоть капля сострадания?

– Сейчас…

Стиснув зубы, я шевельнул левой рукой, сжал и разжал пальцы, после чего принялся за самое неприятное – начал сгибать руку в локте. И тут же замычал от боли. От рвущей нервы сильной боли. Слишком сильной. И это с обезболивающими…

Но руку я согнул. Не полностью, но согнул.

Девяносто первая неопределенно повела головой и поднялась:

– Тебе не повезло, одиннадцатый. Пальцы работают, запястье вертится, в плече проблем нет, локоть сгибается. Рука работает.

– Да когда локоть сгибается – меня выгибает от дикой боли!

– Рука работает – повторила девушка – А больно тебе или нет – всем плевать. Особенно системе. Комплект тебе не заменят. И руку менять не станут. Если с рукой случится что-то по твоей вине – останешься одноруким как я. С двумя руками беда произойдет или с ногами – превратишься в окончательного

калеку и либо сдохнешь от голода, либо откажешься от остатков комплекта и будешь за еду и воду делать всякое, пресмыкаясь, как червь с человеческим лицом…

Ее передернуло. Спустя миг передернуло и меня, когда я представил, чем может заниматься человек без конечностей, лишенный возможности выполнять работу, но не хотящий умирать.

– А если я не захочу пресмыкаться? Но и от голода не захочу медленно подыхать…

– Тут просто. Доползешь до Медоса и попросишь сделать тебе последний укол. Подтвердишь желание… и все…

– Вот как…

– Слушай… – она нагнулась ко мне – Не загружайся этим. Ты должен знать одну главную вещь – всегда выполняй ежедневное задание системы. И все. У тебя не будет проблем. Чтобы понять куда идти – ищи указатели на стенах, полу и потолке. Не спрашивай ни у кого! Это тебе со мной повезло. Тут полно мерзких гриферов, выглядящих нормальными людьми. Но это злобные твари. Заведут тебя, опоздаешь с заданием, могут и запереть где-нибудь. И все. Норма не выполнена, получишь первое предупреждение… Не расспрашивай никого. Не выгляди зеленым новичком! Сам пытайся разобраться. Если же помощь нужна и придется просить – пока тебе не скажут точную цену при свидетелях – надежных свидетелях! – не соглашайся помощь принимать. Попадешь в беду!

– Ясно… кто такие…

Меня не слышали.

– Когда реально освоишься – найди себе постоянную пати. Крепкого и надежного напарника. Лучше двух. Будете друг друга прикрывать. Выполнять работы вместе. Защищать друг друга. Если один заболеет – напарники прикроют, отработают за него. Понял? Тебе нужно пати. Официальное. Подтвержденное системой. Сам ты хиляк, да еще и почти однорукий. В первую очередь ищи себе танка. Крепкого, сильного и не трусливого. Такого, чтобы не побежал от первого плукса.

– Твою мать… – выругался я и замотал головой, что не успевала вмещать в себя столько новой информации.

О чем говорит эта озлобленная девчонка?

Гриферы?

Пати?

Танки?

Плуксы?

Первые три понятия я знаю – это древние игровые понятия. Но тут не игра! Я в реальной жизни, мне больно, я нихрена не

понимаю, я в месте больше всего напоминающее тюрьму.

Плуксы? Что за плуксы?

– Удачи!

– Стой!

– Да что тебе еще?! Я сполна отплатила за завтрак!

– Давай ко мне в пати! – сказал я, глядя на нее снизу-вверх, обнимая здоровой рукой колени, а левую безжизненно уронив на пол.

– Брать такого как ты к себе? Новичок… двойная единица… без обид… но ты себя со стороны видел? Что ты можешь?

– Ты не знаешь, что я могу – ответил я – Я сам пока не знаю, что я могу. Так что не суди так сразу.

– Нет. Тебя не возьму.

– Ты не поняла. Я и не собирался к тебе в пати. Ты давай ко мне.

Ответом был смех и взмах руки. Девушка повернулась и зашагала по коридору. Пока она не ушла слишком далеко, я сказал ей в спину:

– Подумай! Мое предложение пока в силе!

Она ушла.

Я же, при помощи правой ладони, убедился в том, что пол подо мной сухой и не слишком холодный. Слова девяносто первой о болезнях заставили задуматься. Мимо меня шел и шел народ. Двигался в разные стороны. Большинство смотрят в пол. Загребают ногами. Их конечности… что сказать – мне есть чему позавидовать. Но… на третьей минуте я твердо знал – ни у кого из них нет конечностей реально молодых. Очень много шрамов. Не все пальцы на месте.

А я?

Оглядел ладони и ступни. Облегченно выдохнул – хотя бы здесь повезло. Хотя на левом мизинце отсутствует крайняя фаланга. Но это мелочь.

Оценив руки и ноги, шумно выдохнул. Мне пришили комплект рухляди. Комплект полного хлама.

Мой торс?

Внешний осмотр принес немало информации. Торс у меня подтянутый, подкачанный, грудные и брюшные мышцы в более чем неплохом состоянии. Шея на ощупь толстая и крепкая. Спинные мышцы сильные. Поясница… там что-то болит. Сейчас едва-едва ощутимо. Позднее, когда кончится действие обезболивающих, заболит сильнее – но вряд ли я это замечу. Потому что первым делом болевым облаком взорвется левый локоть и кроме него я вряд ли замечу остальные очаги боли.

Локоть выглядит безобразно…

Зато голова перестала болеть и мыслить я стал ясно. Все тело начало оживать. Хруст при движениях стал тише, зато в животе оживленно бурчало, что забурлило в кишечнике, исчезло странное ощущение зажатости в шее, будто позвонки начали отмокать и двигаться свободней. Может и с поясницей все наладится? А там и локтю станет легче…

Статус. Система. Она все время повторяла эти слова. А еще это равномерное мигание на зрительной периферии. Чуть скосив глаза, ожидаемо увидел зеленое мигающее слово:

МЕНЮ.

Едва я обратил на него внимание, слово замигало чаще. Появилась еще одна зеленая анимация, показывающая, как движениями глаз или же пальцев любой руки я могу управлять виртуальным интерфейсом.

Попробую более привычным путем. Опустив правую руку на колено, трижды коснулся друг друга подушечками большого и указательного пальцев. Появилась отчетливо видимая стрелка. Движением указательного пальца подведя ее к «МЕНЮ», щелкнул.

Статус.
Физическое состояние.
Финансы.
Задания.

Статус…

Номер: Одиннадцатый.
Ранг: Низший (добровольный).
Текущий статус: ОРН. (стандартное трехразовое питание и водоснабжение).

На этом информация заканчивалась. Скудно. Стоило ради трех строчек делать подменю?

Физическое состояние.

Общее физическое состояние: норма.

Состояние и статус комплекта:
ПВК: норма.
ЛВК: норма.
ПНК: норма.
ЛНК: норма.

Они издеваются? Разобраться несложно в аббревиатурах. ПВК – правая верхняя конечность.

Ткнул курсом в строчку «ЛВК: норма». Едва слышно брякнуло, высветилось сообщение:

Недоступно для ранга «Низший».

Прекрасно…

Вот причина такой скудости в меню и информации – мой ранг накладывает ограничения. Погрузиться глубже в меню не смогу. Пробуем следующий пункт.

Финансы…

Баланс: 0
Задолженности: да.
Список задолженностей:
Аренда комплекта: 4 сола.
Оплата иммунодепрессантов: 1 сол.
Оплата витаминов: 1 сол.
Оплата первого приема пищи: 1 сол.
Оплата первого водного лимита: 1 сол.

Общая сумма задолженности: 8 солов.

Внимательно изучив каждую строчку, задумчиво потер лоб. Курсор суматошно запрыгал по виртуальному экрану. Ничего себе. Я уже должен системе 8 солов, которых у меня нет. Впереди долгий день и если верить информации из первого подменю, то при моем ОРН мне положено трехразовое стандартное питание и водоснабжение. Еще два литра воды и два желтоватых кубика? Итого еще четыре сола долга прибудет к вечеру. А это… арифметика проста – к вечеру я буду должен системе 12 солов.

Ну и последнее меню из списка. Самое многообещающее.

Задания…

Задание: Сбор серой слизи. Облегченное (Р).

Описание: Собрать и доставить в приемник сорок стандартных емкостей серой слизи.

Место выполнения: Зона 3, блок 6.

Время выполнения: До вечернего сигнала окончания работ.

Награда: 15 солов.

Все…

Математические способности проявили себя еще раз. Пятнадцать минус двенадцать – равно трем. Если я сумею подняться, отыскать указанный в описании адрес и выполнить

задание, то к вечеру я буду без долгов, а на моем балансе появится три сола.

Три сола…

Это много или мало?

Само собой мало. Смогу оплатить ежедневную аренду комплекта – трех конечностей из четырех.

На этом информация в подсвеченных зеленым менюшках исчерпывалась. Закрыв меню, убрав курсор, глянул перед собой. Оценив все куда более трезвым взглядом, понял, что ошибался. Не просто коридор. Это настоящая улица, а не коридор. Да и атмосфера вокруг, если честно, очень напоминает городскую. Оживленная утренняя суматоха. Люди поодиночке и группами спешат на работу. Разве что нет даже намека на транспорт, но это может быть и пешеходная улица.

Эмоции?

Мрачности много. Угрюмости тоже хватает. Но есть и спокойные лица. А пару раз я заметил даже улыбки.

То есть – рано пока паниковать и считать себя заброшенным в ад?

Пока рановато.

Вопросов не убавилось, но это только мотивирует – еще одна причина подняться и заставить свои ужасные конечности поработать. Кстати, о работе ног… они ведь должны окрепнуть от постоянной нагрузки, верно? Окрепнуть хотя бы немного. Достаточно для того, чтобы позволить мне идти хотя бы медленным шагом, не опираясь при этом о стену.

А это что?

По противоположной стене тянулись цветные полосы. Каждая снабжена надписью и стрелкой. Верхняя зеленая стрелка гласила «Зона 3». И указывала недвусмысленно. Спасибо. Теперь я хотя бы знаю куда мне двигаться. Упираясь правой рукой – левую плотно прижав к телу – начал вставать. Напряг ноги, медленно-медленно выжал себя вверх, чувствуя работу бедренных мышц-разгибателей. Что-то похрустывало в коленях. Спишу на недостаточную гидрацию. Мне бы еще литр воды.

Хм… а куда мне изливать отходы жизнедеятельности? В ближайшее время вряд ли мочевой пузырь даст о себе знать, но все же?

Стрелки на стенах дали и эту информацию – судя по указателям, ближайшие туалет находился в пределах пятидесяти метров. Вот и отлично.

Ну что, одиннадцатый? Можно топать?

– Один – тихо сказал я – С ударением на начале. Один… так лучше. Давай, Один! Делай первый нормальный шаг…

Качнувшись, чуть сдвинул вперед правую ногу. Оперся на нее. Опираясь о стену, шагнул еще. В душе вспыхнула радость – я двигаюсь. Я шагаю. И делаю это куда лучше, чем еще полчаса назад. Организм оживает.

Как там говорится? Пока я двигаюсь – я существую? Или там сказано чуть иначе…

Точно!

Пока я действую – я существую!

Еще шаг! Еще шажок!

Вспыхнувший экран заставил меня подпрыгнуть. Ну как подпрыгнуть – даже от земли не оторвался. Но испугался. Отодвинулся от стены, глянул на светящийся экран довольно больших размеров. Коротко огляделся – такие же экраны засветились и в других местах. Люди останавливались, смотрели на экраны с непонятным напряжением и ожиданием. Кто-то рядом со мной лихорадочно шептал:

– Пусть буду я. Пусть буду я.

На желтоватом и словно бы выцветшем фоне вспыхнула цифра «11». Крупная, отчетливо различимая. А под ней, чуть меньшим шрифтом:

«Игровой вызов!».

Там же появился таймер на убывание – пятьдесят девять секунд, пятьдесят восемь.

Застывшие люди колыхнулись, выдохнули, посыпались разочарованные и злые слова. Кто-то прошелся по моему «позывному» – а ведь это именно мой позывной засветился на экране. Именно меня система приглашала принять некий игровой вызов…

Глава вторая

«Игровой вызов!».

Стоя перед экраном, я внимательно изучал эти два слова, никуда не торопясь, но не забывая поглядывать на тикающие секунды.

00:17… 00:16…

– Чего тянешь? – не выдержал кто-то сзади. Я не стал оборачиваться и смотреть.

Продолжил изучать экран. Через пару секунд обнаружил расположенный вниз черный знакомый квадратик. Потянулся прикоснуться большим пальцем правой руки… и меня толкнули. Сильно. Шатнувшись, я едва не упал. Раздавшийся смех – редкий и жидкий – дал понять, что это история частая.

Те самые гриферы?

Мозг думал, а наполненное медленно засыпающей болью тело действовало. Удержавшись на ногах, я снова шагнул к экрану. Резко повернул голову, хрустнула и отозвалась болью шея. Уставился на качнувшегося ко мне бритого здоровяка с накачанным стариковскими руками. Такое вот странное сочетание. За конечностями этот бугай явно следил и не забывал отжиматься и подтягиваться. Взгляд нехороший, мрачный. Глядя ему в лицо, вытянул руку, коснулся квадратика. Победный писк дал знать – я успел. Что-то прошипев, бугай отступил, толкнул пару доходяг плечом, утек в задние ряды.

Пятьдесят восьмой – вот номер того, кто попытался мне помешать. Я запомнил.

А пока…

Взглянул на экран. Смотреть старался бесстрастно. Я помнил слова девяносто первой. Из ее слов выходило, что здесь нельзя казаться слабым, нельзя выглядеть неуверенной в себе жертвой. Но бесстрастность удержать удалось с большим трудом.

Игровой вызов… оказался чем-то весьма странным, если судить по появившемуся на экране меню.

Крестики-Нолики.
Три раунда.
Выберите уровень сложности:
Легкий.
Нормальный.
Тяжелый.

Вы блин серьезно?

Крестики-Нолики?

Кто в детстве не играл в эту игру? Именно что в детстве. Кажется… я не помню. Но судя по моим удивленным эмоциям, я не особо ошибся, причисляя, возможно и незаслуженно, эту игру к детским. Одно я помню совершено точно – при должном умении игроков каждый раунд будет заканчиваться ничьей.

А тут еще и уровень сложности предлагают выбрать. Какой-то здесь подвох… я, конечно, не мастер игры в Крестики-Нолики – опять же, наверное, ведь не помню – но не считаю эту игру запредельно сложной. К чему аж три уровня сложности?

– Выбирай тяжелый!

Хриплый совет сзади я проигнорировал. Но почувствовал какие-то подлые нотки в голосе советчика. Или во мне начала просыпаться паранойя?

Вытянув руку, ткнул «легкий». Меню исчезло, на экране возникла знакомая решетка. Чей ход первый? От этого зависит очень многое. Либо победа – либо ничья. Проигрыш я вряд ли допущу. А как трактуется ничья? Именно ничьей или есть некоторые поблажки?

Ничего не происходило. И я коснулся центра решетки, где тут же появился красный крестик. Шлеп. В центральной ячейке верхнего яруса возник нолик. Я бы так не сходил… отправлю как я свой крестик в нижний левый угол…

Все три раунда закончились за пару минут. Моей полной победой. Мой противник играл на крайне посредственном уровне.

«ПОБЕДА!». И подсвеченная золотом цифра «11». Приятно… но что дальше?

Зеленые цифры и слова дали мне понять, что игровой вызов надо принимать всегда и стремиться победить в нем любой ценой – потому как это выгодно. Чертовски выгодно!

Игровой вызов завершен.
Итог: **победа**.
Награда: 3 сола.
Победная серия: 1/3.
Бонус к награде (ИВ): 0%
Бонус к шансу получения ИВ: 0%
Шанс получения дополнительного приза: 0%

– Надо было выбирать среднюю сложность – тихо заметила ковыляющая мимо женщина с усталым выражением лица и не разгибающейся правой ногой.

– Учту – столь же тихо ответил я.

На этом поздравительная часть игрового вызова была

завершена. Я поплелся дальше, поглядывая на стенные указатели и гадая, сколько шагов мне еще придется сделать, чтобы достичь третьей зоны и шестого блока. Плелся я рядом с хромой женщиной и не удержался от вопроса:

– Зачем тот парень пытался мне помешать?

– Принять ИВ?

– Да.

– Так делают часто. Очень часто, одиннадцатый – прошелестела женщина и звучащая в ее голосе вселенская усталость пугала до чертиков – Тебе повезло. Будь их двое – могли бы подхватить будто невзначай, оттащить на пару шагов, подержать так. И отпустить, когда останется на таймере всего пару секунд. Не успеешь все равно. Зато толпу повеселишь…

– Подло!

– Еще бы…

– И для чего?

– Если за минуту не примешь брошенный тебе ИВ – он отменится, после чего сразу же будет брошен другому.

– Так какой шанс что шанс выпадет тому, кто мешал ответить на вызов другому?

– Сам посчитай. Но шанс неважен. Просто подойдет к тому, кто получил и принял твой ИВ. Если победит – поделится частью награды. Нет – так немного и потерял.

– Я понял – медленно произнес я, невольно сбавляя шаг.

Хромая усталая женщина передвигалась быстрее меня! А я едва удерживался у нее в хвосте. Я точно не спринтер – с такими-то ножками.

– Хорошо, что понял – не оборачиваясь прошелестела женщина – Дольше проживешь.

Хотел я ей сказать: «Стоит ли так жить?». Но предпочел удержать язык за зубами.

С игровым вызовом все ясно – если счастливый шанс заработать чуток лишних солов выпал не тебе, а какому-то чужаку, то вполне разумно, пусть и жутко подло, оттащить счастливчика от экрана и не дать ему воспользоваться шансом. Система еще раз прокрутит генератор случайных чисел и вызов будет брошен другому. Может быть и тебе. А если нет – подойдешь к новому счастливчику победителю и потребуешь часть награды.

Почему тот бугай просто не дал мне в рыло? Я копов тут не видел. И всем на все плевать. От сильного удара я бы точно рухнул. А может и отключился бы. Да просто пни он меня в бедро – я бы упал. И нескоро бы поднялся. Но он этого не сделал. Почему? Ответ прост – чего-то боялся. Кого-то. Подняв глаза, я

посмотрел на рельс под потолком. Там как раз с гудением проезжала металлическая полусфера утыканная электронными глазами.

Их слишком много этих глаз – так мне кажется. Возможно некоторые из них служат глазами иного рода – сканеры, сенсоры, просвечивающие аппараты. Наверняка в стенах и потолке скрыты дополнительные камеры наблюдения.

Вот их и боялся бугай – когда он меня толкнул, сделал шаг и обернулся, когда мы встретились глазами, я поймал момент, когда он торопливо взглянул на потолок. И при этом его лицо на долю мгновения исказил страх. Он боялся быть пойманным на своем подлом поступке. А раз боялся быть пойманным – значит есть и наказания.

О… я так обрадовался победе, что не проверил баланс. Там должны появиться целых три сола. С радостью сделав еще одну остановку, оперся плечом о стену, активировал интерфейс и проверил раздел финансов. Глянул на цифры… с губ сорвался смешок. Ну да. Глупо было надеяться. Система своего не упустит.

Баланс: 0
Задолженности: да.
Список задолженностей:
Аренда комплекта: 1 сол.
Оплата иммунодепрессантов: 1 сол.
Оплата витаминов: 1 сол.
Оплата первого приема пищи: 1 сол.
Оплата первого водного лимита: 1 сол.

Общая сумма задолженности: 5 солов.

Так что радоваться нечему особо. Зато уменьшилась общая сумма долга и это уже неплохо. Я помнил про грядущие обед, ужин и водные лимиты. За них мне придется заплатить еще четыре сола – из пока незаработанных денег.

Задание… задание…

– Задание – пробормотал я, отлипая от стены и продолжая движение – Задание… ОРН… задание… ОРН…

Я произносил эти два слова как бесконечную мантру. Разом за разом. И это помогало мне преодолевать слабость и дурноту, помогало мне двигаться по широкому магистральному коридору к своей цели – к неизвестно как далеко находящейся третьей зоне.

Задание…

ОРН…

Задание…

ОРН…

Шаг за шагом, одиннадцатый. Нет. Не одиннадцатый. Я вам не робот – и плевать кому «вам» – чтобы быть одиннадцатым. Один! Лучше пока ничего не придумал. Но все лучше, чем «одиннадцатый», «двойная единица», «две единицы».

Шаг за шагом, Один. Шаг за шагом.

Задание…

ОРН…

Задание…

* * *

Зона 3. Блок 6.

Я добрался. Я на месте. Стою у входа в блок № 6.

Стою. Смотрю… и вижу, что дело плохо.

Чтобы попасть сюда, мне пришлось пройти по большому коридору метров пятьсот, затем, следуя указателям, свернуть направо и пройти еще метров триста. Это если считать примерно, беря два моих семенящих шага за один метр. Я сделал почти две тысячи шагов на подгибающихся ножках-макаронинах и добравшись, чуть осмотревшись, понял, что лучше бы я остался на месте и дал себе отдых.

Зона 3 состояла из шести блоков. Каждый блок представлял собой овальный закольцованный коридор похожий на вытянутую шестеренку с прямоугольными зубчиками. Стальные стены, пол и потолок. По потолку неспешно наматывают круги две небольшие полусферы. Стены в серых брызгах. Пол же в серых лужах… и по этим лужам, оскальзываясь, порой падая, держа в руках по одному, реже по два ведра доверху заполненных серой тягучей слизью, бегут, идут, бредут, хромают и даже ползут распаренные перепачканные трудяги. Ведра качаются в трясущихся руках, через край срываются серые капли. Вот кто-то упал… и ведро с лязгом ударилось о стену, опрокинулось, жижа растеклась по полу, пополнив и без того солидную лужу.

А я все гадал по пути – что такое «стандартная емкость»?

А вот она емкость-то стандартная – ведро! Стальное блестящее ведро литров на двадцать, наверное. К низу оно не сужается. Это бачок с железной тонкой дужкой. Тяжеленный, чтоб его, бачок!

В этот-то самый момент я и начал неудержимо смеяться, забившись в угол у входа в третью зону, прикрыв лицо ладонью. В этот-то самый момент я и понял, что если и сдохну – то в веселье, а не унынии. И постараюсь все воспринимать в первую очередь

оптимистично, затем реалистично. И к лешему пессимизм.

Черт… как же разительно отличались сухие деловитые строки задания от происходящего действа по его выполнению!

Задание: Сбор серой слизи. Облегченное (Р).

Описание: Собрать и доставить в приемник сорок стандартных емкостей серой слизи.

Место выполнения: Зона 3, блок 6.

Время выполнения: До вечернего сигнала окончания работ.

Награда: 15 солов.

Как сухо и точно написано!

И какая удивительная возня в закольцованном овальном коридоре… как тут все одновременно ожесточенно, уныло, уперто и невероятно грязно!

Отсмеявшись, вытянул руку и провел пальцами по стене, собрав немного серой податливой массы. Потер в пальцах, поднес к носу, принюхался. Лизнуть не решился. Пахнет странно. Тут удивительная смесь из запахов муки, водорослей, машинной смазки и чего-то достаточно едкого, кисловатого, химического. Слизь не жгла кожу, пахла слабо, походила на густое тесто. Главный ее недостаток с практической точки зрения – она скользкая. Что это вообще такое? Пять тонн муки смешали с тремя тоннами моторного масла и разбавили получившуюся гадость парой бочек уксуса? Звучит бредово. Но тут вообще все бредово, так что и моя версия вполне достойна для рассмотрения. Как еще назвать происходящий передо мной процесс, если не бредовым?

Не меньше тридцати взрослых и разумных людей, скрежеща зубами, находясь в различном физическом состоянии, упорно таскают по ведрышку, реже по два. Понятия не имею кем я был раньше – память блокирована намертво, причем как-то хитро блокирована – личного ничего не помню, а вот стоит взглянуть на выполнение «ССС» – так вот сложилась в голове аббревиатурка задания – как сразу вижу, что люди очень и очень нерационально тратят свои силы. Каждый бегает или хромает. Вот если бы они выстроились в шеренгу и просто передавали бы полные и пустые ведра друг дружке, смещаясь по шеренге на шаг вперед через каждый сорок «стандартных емкостей»… они бы устали гораздо меньше и выполнили бы задание гораздо быстрее.

Мне прямо захотелось вскинуть руки над головой и воскликнуть с надрывом: «Люди! Внемлите! Я укажу вам путь!»… Но я промолчал. И, стоя в углу, никому не мешая, задумчиво растирая остатки собранной серой слизи между пальцами, молча

наблюдал. Смеяться больше не хотелось. Ноги дрожали после долгой прогулки. Локоть сильно болел. А вот голова работала отлично.

Почему, работай они вместе, им следовало смещаться по шеренге через каждые сорок ведер или около того?

Так ведь задания у каждого личные. У меня вот разово облегченное:

Задание: Сбор серой слизи. Облегченное (Р).

Описание: Собрать и доставить в приемник сорок стандартных емкостей серой слизи.

Надо понимать по причине того, что сегодня мой первый день в этом унылом бедламе, система сделала мне поблажку, сухо указав это как «облегченное» и не забыв добавить – (Р) – чтобы не сильно радовался. Боюсь, что завтра, коли выпадет такое же задание, мне придется таскать уже не сорок стандартных емкостей слизи, а куда больше. Мне и подумать об этом страшно.

И задание каждый сдает у приемника – выглядящего просто и функционально. Длинная щель в стене, чей нижний край на уровне колена, а верхний на уровне пояса человека среднего роста. Длина щели метра четыре. Стена над щелью на полметра вдавлена вглубь. Удобно подойти ближе. Внутри щели конвейерная лента, что непрерывно движется.

Процесс сдачи полного ведра предельно просто – подошел и поставил на ленту. Даже приподнимать его не требуется. Поставил – и топай дальше вдоль стены, где на небольшом выступе перед открытым окошком стоит блестящее чистенькое пустое ведро. Подхватил его – и снова за сбор слизи. Вот тут все разумно. Если бы пришлось тратить время на вытряхивание густой и липкой слизи из перепачканного и тоже скользкого ведра…

Ставившие очередное ведро не задерживались. Все отработано. Поставил ведро на ленту. Сделал несколько шагов. Взял чистое ведро. Пошел дальше – видимо, к источнику слизи. Нигде ничего рядом с лентой не звякало, не бибибикало и не светилось, как-то отмечая очередное ведро. Стало быть информация передается напрямую работяге.

Ладно. Тут понял. Теперь время брести дальше – я пока изучил только половину процесса. Пропустив пару крепких с виду подтянутых парней, последовал за ними, прикрываясь от возможных толчков их спинами. Усталые люди раскачиваются как сломавшие ритм метрономы. А у меня больной локоть… именно поэтому можно смело считать, что у меня только одна рука. Я и помыслить не могу, чтобы взять в левую руку любой предмет –

пусть даже это будет стакан воды или ложка. Локоть на такую наглую вольность мгновенно взорвется болью.

Из активов у меня крепкий торс, сносно работающая правая рука и едва держащие мой вес ноги-соломинки. Ноги – проблема. Не представляю, как я взвалю на них дополнительный вес приблизительно в двадцать кило. Ну может вес чуть меньше… лучше бы меньше…

Взял звякнувшее ведро. Взвесил. Легкое. Килограмм с небольшим. Несколько раз согнул и разогнул правую руку – пора потихоньку разрабатывать и приучать к постоянным нагрузкам. Семенящие ноги незаметно донесли меня до первого «зубчика» – примыкающего к коридору большого квадратного помещения. Как раз сюда свернули впередиидущие.

Ага…

Да у нас тут… протечка?

Как еще это описать?

С потолка и стен медленно сползала серая слизь. Откуда именно она вытекала не понять – все залеплено тягучей серой массой.

Что над нами? Даже предположить не берусь. И меня сейчас беспокоит совсем другое. Отойдя в сторону, внимательно наблюдая за другими. А те действуют споро, привычно. Подходят к стене украшенной самым «жирным» языком серой жижи. Ставят ведро, руками сгребают в него солидную порцию слизи. Если требуется – гребок ладонями повторяют. Хотя чаще всего избыток и слизь переваливает через края, шлепается на пол. Ведро подхватывается за дужку и выносится в коридор. Дальше я уже знаю.

Ладно… ведро доверху? Заглядываю внутрь. Тонкую линию отсечки замечаю сразу. Она сантиметрах в трех от верхней кромки. Вот досюда, стало быть? Попробуем…

Подойдя к стене, ставлю ведро. Правой рукой помогаю серой массе поскорее сползти и шлепнуть в ведро. Шмяк… поглядев на итог, повторяю. Шмяк… с этим справился. А сейчас будет момент Хы, он же Х, он же Икс. Наклонившись, берусь за уже ставшую скользкой дужку, потихоньку выпрямляюсь. Чужая мне рука вытягивается, вытягивается… охаю – что-то щелкает в плече, затем стреляет в локте. Но ведро с чавканьем отрывается от пола. Перекосившись, стою в странной позе и понимаю – теперь надо как-то этот груз доставить до транспортной ленты у выхода из блока.

– Ну давай, низушек – командую себе.

Шажок! Удивительно – но я сумел. И даже не упал! Еще шажок. И еще. Что ж сегодня за день такой – день неуверенных

шагов.

Остановиться пришлось через десять шагов. Опустив ведро у стеночки, оценил свое состояние. Пальцы режет. Колени болят. Спина нормально. Еще ноет правое плечо. Позволить себе небольшую передышку. Впе-е-еред…

Бам! Мое небрежно пнутое проходящим мимо парнем ведро завалилось, вылив все содержимое на пол. Визгливо засмеялась прижимающаяся к его руке девчонка со стоящими дыбом светлыми волосами, при ходьбе вовсю качающая бедрами.

– Эй – окликнул я парня.

Тот обернулся с веселой готовностью. И снова этот молниеносный короткий взгляд на потолок – нет ли одной из двух полусфер-наблюдателей. Вверх взгляд испуганный. На меня – уверенный, наполненный спокойной наглостью крутого крепкого самца. Парень очень молод, его руки принадлежат мужику лет под пятьдесят, но мужик был крепким. Смуглые ноги в рельефных мышцах. Поза нарочито дерзкая. Крутизной так и пыхает. На груди первый из увиденных мною трехзначных номер – сто семь.

В глазах стоящей рядом девушки нетерпеливое ожидание. Сейчас обиженный ее парнем доходяга что-то вякнет просительно, ну может рискнет оскорбить – и тут же поплатится за это.

Я ожидания девушки не оправдал. Прижавшись плечом к спасительной стене, указал на опрокинутое ведро, широко улыбнулся:

– Не делай так больше. Советую.

Прозвучало круто. Вот только я понимал, что совершаю огромную ошибку. Сам ведь отметил – парень очень молод. А еще рядом с ним девушка – и перед ней он никак не может прогнуться, никак не может допустить, чтобы возникло даже малейшее сомнение в его смелости и крутизне.

Я тупой баклан. И мне придется поплатиться за это.

Ожидаемый ответ последовал незамедлительно и не отличался новизной:

– А то чо будет?

Мысленно застонав, я все же сумел внешне остаться спокойным:

– Сам увидишь. Слушай, я с тобой враждовать не…

– Вот и увидим – оборвав меня, коротко пообещал сто седьмой и, повернувшись, зашагал по коридору. Девчонка показала мне сначала выставленный средний палец, затем язык, затем, секунду подумав, еще раз средний палец. И поспешила за бойфрендом, виляя бедрами пуще прежнего. Как она с такой

походкой ведра носит? Иль не для того рождена?

– Вот я лось – медленно произнес я, подбирая ведро – Ну лось же… определенно лось…

Чудилось мне, что конфликтам я не чуждый. Что конфликтовать приходилось и прежде. Привычное мне дело. С чего я это взял? А с того, что я не запаниковал при столкновении с явно более сильным противником, не подался инстинктивно назад, сердце если и заколотилось чуть сильней – то именно «чуть», а не пустилось в судорожный неконтролируемый пляс. Я пожалел о своей несдержанности – но заодно подумал, что раз рефлекторно пошел на конфликт, то, стало быть, делал это и раньше. И скорей всего предыдущие конфликты частенько заканчивались в мою пользу, раз уж так смело окликнул удаляющегося парня.

Что еще я понял за эти секунды?

Что в его глазах на долю секунды сверкнул страх, когда он увидел мой торс. Но страх исчез, стоило ему углядеть мои руки и ноги. Колосс на глиняных ногах – вот я кто. И с гнилыми руками. На свое тело я взглянул по иному, оценивающе и после минуты осмотра заключил – это предельно функциональное тело. Поджарое, мускулистое, жесткое. Даже сейчас это тело громко заявляло – не лезь ко мне!

Что ж… хоть что-то полезное из нежданной стычки удалось извлечь.

Повторим процесс наполнения!

Подобрав ведро, добрался до комнаты, подставил ведро под сползающий шмат слизи, помог ему оторваться и шлепнуться. Уцепился за дужку и пошел. Десять шагов. Передышка. Десять шагов. Передышка. Пять шагов. Передышка. Пять шагов. Передышка. Три шага. Передышка. Еще три шага. И ведро на ленте уезжает прочь. А я, уже привычно привалившись к стене, задумчиво и спокойно дышу, разглядывая трясущиеся ноги. Какая жуть… я почему-то не визжу от ужаса, видя растущие из своего «родного» тела жалкие макаронины в редких пигментных пятнах, с дряблыми остатками мышц, узорами тоненьких хилых вен, с заскорузлыми пятками и почерневшими слоящимися ногтями. А должен бы. Может чего-то вкалывают? Некое успокоительное заставляющее ровно относиться к изуродованному организму?

Стоп. Что с ведрами?

Задание: Сбор серой слизи. Облегченное (Р).

Описание: Собрать и доставить в приемник тридцать девять стандартных емкостей серой слизи.

Строчки сами собой появились перед глазами и терпеливо

светились, ожидая, когда на них обратят внимание. Теперь известно точно – подсчет проводится прямо у приемника. Четко сработано.

Система молодец. А трудящие здесь – придурки. Могли бы организоваться. Всем было бы легче. Или нет? Я проводил взглядом крепко сбитую женщину, шириной плеч и мускулистостью рук могущую посрамить немало мужиков. Она с легкостью несла сразу два ведра. За ней следом поспешал отдувающийся седенький мужчина. Эти двое работают вместе. Его выгодна понятна. А ее?

– Не торопись – с удивительной нежностью произнесла оглянувшаяся женщина – Не натруди спину.

– Все хорошо – просипел седенький мужичонка – Держусь.

Ну вот и подтверждение. Вздохнув, я поплелся за следующей пустой «стандартной емкостью». Прикинул сколько времени ушло на одно ведро и немного приуныл. Если считать вместе с конфликтом и первой неудачей – все заняло двадцать минут.

Каждый раз тратить треть часа на ведро…

Три ведра в час.

Тридцать ведер за десять часов.

И даже если здесь двенадцатичасовая рабочая смена – понятия не имею, когда вечерний сигнал – то я все равно не укладываюсь в лимит.

Если смогу ускориться и дотаскивать ведро за пятнадцать минут, то начинает брезжить надежда на успех. Но хватит ли сил? Сомневаюсь. Ноги уже едва держат.

Как бы то ни было – буду пытаться.

Может смогу делать ведро в десять минут. Обернуть бы чем-нибудь саднящую от дужки правую ладонь. И перетянуть бы колени… но не трусы же рвать на полоски?

Попробую пока так. Может и получится – не каждый же раз буду натыкаться на очередного грифера?

Не получилось.

Я прекратил попытки через три часа, поняв, что все равно не успею. Правая ладонь горела огнем, натруженную руку потряхивало, сильно болел напряженный бок – из-за постоянной перекошенности в правую сторону. Пытался ходить ровно, но тогда бак задевал и так едва стоящие ноги. Что самое плохое – снова заболела голова и резко обострилась боль в левом локте. Его буквально рвало на части. Про странный зуд в плечах и бедрах – где кольцевые шрамы – даже думать не хотел.

Я остановился. Не стану разбивать голову о стену. Даже если ускорюсь – я не успею. Нажитый мной враг со своей подругой при

каждой встрече устраивали пакость, если мы были вне обзора мотающихся по рельсам полусфер. У этих злобных крысят потрясающее чутье – даже не глядя определяли опасность и, опустив головы, проходили мимо, не трогая меня, но бормоча злые обещания. А при следующей встрече меня ждал тычок в спину, подножка или же резкий удар по полному ведру. Как раз после очередной подножки я и остановился, поняв, что лишь чудом сейчас на приземлился на неловко отставленный распухший локоть. Не вставая, проводил взглядом гогочущую парочку. Девчонка снова обернулась, снова показала средний палец и, звучно поцеловав парня в щетинистую щеку, сказала:

– Бойся, придурок! Он Барс! А ты…

Она не договорила. Судя по застывшему в натуге лицу, просто не нашла подходящего сравнения для такого ничтожества как я. Барс гордо промолчал. Девчонка же добавила, странным гордым жестом ткнув себя указательным пальцем в центр лба:

– Я Букса! А Букса – это круто! Бойся!

Они ушли, скрывшись за поворотом. Я же, полежав чуток, подтащил к себе пустое ведро, осторожно поднялся, бормоча:

– Барс, Букса и Придурок. Отчаянная драма в кольце серой слизи.

Неуклюжая шутка добавила сил. И пытливости – я решил попробовать набрать полное ведро слизи прямо рядом с приемником. Тут многие падали, слизь растекалась хлюпающими лужами. Ее растащили по полу, но шанс есть. Выбрав место у стены, поставил ведро, уселся, начал собирать. Зачерпнул раз пять горстью… и остановился. Одной рукой набрать нереально. К тому же на меня обрушился дождь ругательств и угроз от идущих мимо. После звонкого пинка по почти пустому ведру, я убрался с их пути и подвел неутешительные итоги.

А итоги реально плохи – сегодняшнее задание своими силами я не выполню. И даже не мешай мне Барс с Буксой, я бы все равно не сумел выполнить назначенную норму. Слишком я пока слаб. А система не слишком справедлива к таким как я. Мне бы пару деньков на то, чтобы прийти в себя. Нормальное питание, немного спорта…

Ведро я с остатками слизи я поставил на ленту. И покинул шестой блок, не оборачиваясь и не ища взглядом обидчиков. Стоило вернуться к коридору, в стене мигнул красный огонек, раздался короткий писк, открылась узкая дверь, за которой обнаружилась душевая.

Требуется незамедлительное принятие душа.

Сказано в приказном порядке. Глянув на себя, молча

повернулся и шагнул в душевую. Металлические стены с имитацией под кафель. В полу решетка. В потолке такая же. Наверху зафырчало и на меня обрушился поток едва теплой воды. Душ длился секунд пять. Зашипело. Голову и плечи оросило чем-то едва пахнущим цитрусовыми. Сообразив, старательно принялся растирать мыло по всему телу. На это дали еще десять секунд. Снова зафырчало и я поспешно вскинул руки. Получив порцию воды, закрутился, затоптался, спеша смыть с себя остатки слизи и мыла. Душ тут явно недолгий…

Вывалившись обратно в коридор, по наитию первым делом проверил раздел финансов. И коротко, но емко выругался. В список моих долгов добавилась новая строчка:

Баланс: 0
Задолженности: да.
Список задолженностей:
Аренда комплекта: 1 сола.
Оплата иммунодепрессантов: 1 сол.
Оплата витаминов: 1 сол.
Оплата первого приема пищи: 1 сол.
Оплата первого водного лимита: 1 сол.
Оплата душевой процедуры: 1 сол.
Общая сумма задолженности: 6 солов.

Хорошо хоть мыло отдельно не посчитали! И на этом спасибо! Работу я не выполнил, зато пришлось потратиться на душ и залезть в долги еще глубже. А день только-только за полдень перешагнул – если верить часам интерфейса.

Будущее мое радужным не казалось…

Доковыляв до магистрального коридора, уселся на лавку – представляющую собой просто выступ стены покрытый пластиком поверх повсеместного здесь металла. Под металлом текло что-то горячее и сидеть было приятно. Усевшись поудобней, принялся думать.

Задание провалил. Когда раздастся вечерний сигнал меня ждут неизбежные проблемы. Но какие? И как можно сэкономить? Как уменьшить грядущие долги? От чего я могу отказаться?

Да выбирать особо не из чего. Сегодня меня ждет два съестных и два водных рациона. От воды я отказаться точно не смогу – уже ощущаю жажду. Влитый в себя литр давно всосался в каждую пору организма. В мочевой пузырь, похоже, ни капли не упало – пытался в душе, но безуспешно.

Отказаться от еды? Тоже не вариант. Если я хочу выбраться из закручивающейся вокруг меня песчаной воронки, то должен действовать. А для действия нужна энергия, кою могу получить

только из еды. Тут не удастся сэкономить ни единого сола.

Как заработать хотя бы сол? Да никак.

Мимо тек и тек людской поток. Пытаться кого-то остановить дежурным «Извините» или «Вы не могли бы» бесполезно. Надо спрашивать сразу в лоб. Не вставая, повысил голос и бросил в толпу:

– Я новичок. Задание только начал, но не выполнил. Мне хотя бы сол за него заплатят?

Через секунду получил кучу ответов. Не уверен, ибо не помню, но кажется, что столько одновременных «нет» я не слышал еще ни разу в жизни. И в прискорбно большом количестве этих «нет» звучала злорадность. Зато можно быть уверенным в их правдивости. Даже сола получить не удастся.

– А туалеты платные?

И снова немало «нет». На этот раз злорадности нет. И ответов куда меньше прошлого раза.

Все логично – кто будет платить сол за посещение туалета, если можно это сделать бесплатно в любом укромном уголке? И здравствуй ужасная антисанитария…

Люди вдруг сначала ускорились, уходя с центра ближе к стенам, потом наоборот замедлились. Не успел я удивиться такому сбою в жизненном ритме, как послышался знакомый, но более короткий гудок. Вот теперь все ясно. Обеденное время. Повсюду открывались проходы к креслам. Люди устало опускались на металлические ложа и двери закрывались.

Сложноватая система для простой выдачи стакана воды и кубика с питательными веществами. Это с одной стороны. А с другой – у системы всегда полный доступ к телу усевшегося и полный контроль над ним. Да еще и происходит все за закрытыми дверями.

Интересно, здесь бунты бывают? А если да – то сколько минут они длятся? Система контролирует самое главное – еду, воду, медикаменты. Прекрати я получать иммунодепрессанты – как быстро я сдохну оттого, что мой организм примется отторгать чуждое ему дряблое мясо? Обезболивающие, душевые кабины.

Нет. В этом месте не бывает мятежей. Здесь с испугом смотрят на потолок. С таким испугом в давние темные времена люди глядели в небеса – обитель гневных божеств, могущих в любой момент покарать грешника.

Попытался встать. И не смог – ноги как в желе превратились. Удивленно потыкал пальцем вялую плоть бедер, помассировал голени, покрутил стопами, разгоняя кровь. Вы чего удумали, макаронины? Жрать не хотите, что ли? Может и укольчик бодрящий шибанут! А ну подъем!

Уж не знаю, что помогло – массаж или соблазн укольчика – но встать я сумел и, шатаясь, поплелся к ближайшей нише. То-то система удивится, если я вдруг не смогу встать с решетчатого ложа…

Удивительно, но вода была подслащена. Пить приятно. И выпил я все до капли. Видел у нескольких здешних кое-какие емкости на поясах и в руках. Нет, не ведра. Раздутые пластиковые бутылки по большей части. Каждая литра на два. Мне бы такую – не слишком ведь умно три раза в день вливать в себя по литру воды.

Часть воды удержал во рту, запихнул туда желтоватый кубик. Секунда… другая… и кубик исчез. По языку растекался, судя по насыщенному вкусу, говяжий бульон. Сделав пару жевательных движений, проглотил. Вот и пообедал. С намеком распахнулась дверь – свободен.

– Задание выполнить не смогу – не выдержал я и поведал потолку горькую правду.

Потолок остался бесстрастен. Сползя с кресла, выбрался в коридор и… вернулся на лавку. А что мне еще делать? Ноги не ходят, руки не работают, из груди рвутся мощные зевки. А на скамейке немало вытянувшихся и замерших доходяг вроде меня. Улегшись на правый бок, закрыл глаза и тут же заснул. Даже не по собственном желанию. Сознание отключилось благодаря неслышимому, незримому, но жесткому приказу уставшего организма…

Проснулся через четыре часа. И проснулся от жажды. Да какого же черта? За сегодня я влил в себя два литра воды – день еще не кончился, еле подошел к семнадцати часам. Ни разу не сходил в туалет. Не потел. Откуда такое обезвоживание? Я будто пыльная губка, пролежавшая лет сорок на полке в кладовке, после чего ко мне пришили четыре безвольные нитки и бросили в работу – забыв при этом смочить!

Голова снова тяжелая, внутри черепа пока едва слышные отголоски подступающей боли. Провел по лицу ладонью – правой, само собой, левую руку уже на автомате не использую – глянул на пальцы. Подержал ладонь перед глазами, покрутил задумчиво. Пальцы определенно стали чуть толще и порозовели. Я потихоньку оживаю. Усевшись, неспешно провел оценку своего состояния. Покрутил плечами и шеей, постукал челюстью, поводил глазами, потянулся, напряг по очереди конечности.

Что ж. Вот первая позитивная новость – вода, витамины, питание и трехчасовой сон отлично помогли мне. Исчезло множество глубинных болей в плоти и костях. Почти прекратился

зуд в опоясывающих конечности шрамах. Челюсть не щелкает как у пластикового клоуна. Внутри тела было тихо. Ничего там больше не скрипело – и это отличная новость! При каждом таком скрипе мне начинало казаться, что мои сердце и печень сделаны из полиэтилена и дешевых сортов древесины.

Чего не хватает?

Тут все очевидно – не хватает еще воды, еды, ударной дозы витаминов, разумных физических нагрузок и сна.

Вода…

Глянул влево. Рядом со мной сидел худой как щепка мужик. Длинные волосы, густая борода закрыла лицо по скулы, где-то в этих зарослях поблескивают глаза. Ноги скрещены, между желтоватых бедер зажата пузатая пластиковая бутылка с обмотанной вокруг горлышка тряпичной лямкой. Бутылку бережно прикрывают разноцветные руки – белая и черная. Первая достаточно сильная на вид, жилистая. Черная же немного отстает. С чем мужику не повезло, так это со спиной – я со своего места отчетливо вижу, что у него с позвоночником серьезные нелады. У него хребет чуть ли не зигзагом идет…

А моя поясница? Побаливает. Сначала забыл про нее. А стоило изогнуться – и со злой радостью она тут же дала о себе знать.

– Привет, соседям – сказал я – Как спалось?

– Воду не дам. Ни глотка – ответ быстрый, злой, мужик подался вперед, накрывая заветную бутылку всем телом. Стал похож на самурая воткнувшего себе в живот полосу заточенного металла.

Кто такой самурай? Рыцарь из Японии? Что такое Япония? Почему я вижу картинку встающего над морем солнца?

– Мне нужен глоток воды.

– Не дам! И даже не пытайся – я сильнее!

«Зато трусливей» – мысленно заметил я.

– Один большой глоток воды – размеренно сказал я – Он мне нужен. Здесь появился сегодня утром. Обезвоживание меня просто калечит. Один глоток воды мне серьезно поможет.

– Я же сказал – нет! Нет, мужик! Что ты не понимаешь? – мужик зашевелился, начал вставать. Он чуть повернулся, и я увидел его номер – 444. Запоминающаяся цифра.

– Стой – жестко велел я.

И сам удивился – столько стали зазвенело в моем голосе. Проходящая мимо тройка работяг вздрогнула, приостановилась, удивленно глянула друг на друга и снова зашагала дальше. А вот номер 444 остался на месте. Как сверчок приколотый иглой. Еще живой. Но уже беспомощный.

– Слушай, мужик. Мне самому надо. Еле ОРН вытягиваю. Экономлю на всем. Воду почти не покупаю. По глоточку цежу – забубнил 444 – Кому дашь глоток сделать – больше половины выпивают. А то и все. Так разве можно? Не пойдет, мужик. Без обид ладно? Только без обид.

– Успокойся – чуть тише сказал – Посмотри на меня. Эй… посмотри на меня.

Тот с огромной неохотой повернул голову, мелькнул глянул на меня и тут же отвернулся. Что за типичное поведение оленя на капоте?

– Эй… слышишь меня?

– Ну…

– Дай мне в долг один большой глоток воды – размеренно сказал я – Обратно отдам литр воды. Дашь два больших глотка – сколько мне в рот влезет – отдам два литра воды. Я тебя не граблю. Я предлагаю тебе сделку.

– Так и быть – согласился разноцветный.

Согласился слишком быстро. Он даже не вник в мои слова. Просто поддался давлению. Держался насколько хватало его ментальной прочности, но стоило давлению продолжиться – и его тонюсенькая скорлупа брони с жалобным хрустом проломилась под моим натиском. Это блин не победа. Это блин не переговоры и даже не битва умов.

Мне протянули бутылку. Странная посудина. Очень широкое и длинное горлышко, раздутое тулово, ни намека на этикетку.

А мужик точно олень капотный – протянул бутылку, разжал обреченно пальцы и отвернулся. Давай мол, грабь, скотина. Знаем мы про твои два глотка… И сейчас, не глядя, он будет напряженно прислушиваться к булькам воды льющейся в мое горло, пытаясь заранее посчитать сколько миллилитров драгоценной влаги лишается. Олень… просто олень пугливый…

– Эй!

Снова блеснули испуганно глаза в зарослях.

– Смотри – сказал я, откручивая крышку – И считай глотки. Раз.

Вода хлынула в раскрытый рот. Противно теплая – еще бы! Хранить воду зажав ее между ляжками! Еще бы себе под задницу бутылку засунул! Но вода – это вода. Медленно проглотил, шумно выдохнул.

– Два.

И еще одна порция до отказа наполнила рот. А затем медленно стекла в пищевод. Тщательно закрутив бутылку, вернул ее оленю с тремя четверками на шкуре.

– Спасибо.

– Да это мелочь… – пробубнил тот, забирая бутылку и пряча на место. Он даже не проверил насколько уменьшился уровень воды в бутылке.

Я снова поморщился досадливо – опять олень ведет себя так, как и должен себя вести привязанный к капоту олень. Этот кретин только что самолично обесценил свой товар, сведя сделку к разряду «мелочи» – о которой можно смело забыть и не вспоминать.

– Три четверки! – испуганное вздрагивание. Испуганный взгляд без слов говорящий сразу так много: «Ну зачем я тут сел? Почему сразу не ушел когда вернули бутылку? Опять хочет пить? Не дам! Если только один глоток и не больше. Так и скажу!…».

– Спасибо за воду – поблагодарил я еще раз – У нас сделка. Теперь я должен тебе два литра воды. Ты услышал?

– Да-да…

– Эй!

И опять в глазах молчаливое «Ну чего докопался?».

– Повтори!

– Я должен тебе… ой… ты должен мне… два литра… да можно и меньше. Чего там. Литра хватит… вообще – сколько сможешь…

Я только вздохнул. Рожден быть жертвой. Тут мало что можно исправить и потребуется уйма времени даже для небольших подвижек. Зато он не откажется поболтать. Не ответит злым рычащим «Отвали!», как делает подавляющее большинство местных.

– Ответишь на пару вопросов? Я новенький. И, кажется, попал серьезно – не успею выполнить ежедневное задание.

– О блин – оживился тот, в глазах мелькнуло участие – Ты попал… задание – ерунда! А вот долги – это серьезно! Система долгов не прощает, чувак. Система холодна и безжалостна как старая жена!

Ему бы дреды и дымящийся косячок… и прямо идеально бы картинка сошлась…

– Поболтаем чуток? – предложил я, пользуясь моментом.

– Минут десять еще посидеть могу – затем бежать работать. Планку надо держать – ОРН терять нельзя! Спрашивай, чувак. Спрашивай…

О… вот тут он попал… вопросов у меня накопилось предостаточно. Осталось только решить, какие задать в первую очередь…

Глава третья

Разговор получился интересным. Познавательным.

Сразу решил в глубокие раздумья решил не впадать и начал с самого главного вопроса:

– Что будет, если не выполню ОРН?

– Да чего будет… свалишься в урну… первый шаг к банкротству.

– Так… погоди-ка… чувак… Урна – это ты как присказку сейчас использовал? Тип в мусор меня выкинут, если норму не выполню?

– Да нет же! Не удержишься на ОРН – упадешь в УРН. Упрощенная Рабочая Норма. Тебе вообще никто ничего не рассказывал, что ли? А будящий?

– Кто?

– Будящий. Будильник. Звонок. Ну тот, кто тебя разбудил, поднял, чуток пояснил, дотащил до коридора.

– Не тот. Та.

– Да разницы ноль. Тот или та… пояснила про нормы?

– Нет. Сказала читать интерфейс.

– Да чего там читать, чувак? Текста на пять строчек…

– Согласен. Мой звонок… моя звонилка сработала хреново. Так что с нормами?

– ОРН – это твоя текущая норма. Платят больше. У тебя первый день – стало быть объем тебе дали по УРН, а платят по ОРН…

В моей бедной иссушенной голове что-то явственно зашумело. Густая кровь пыталась экстренно доставить глюкозу к начавшему работать мозгу.

ОРН, УРН…

Видя мое внимание, чувак с тремя четверками на груди заговорил быстрее и живее, даже рискнул пару раз отпустить зажатую между ног бутылку. Чем больше он говорил – тем больше я узнавал.

Все просто. Все холодно. Все бесстрастно жестоко. Все предельно рационально.

Каждый приходящий в Зону – а все начинают свой путь отсюда, с коридоров, получивших такое название – является сюда с ОРН. Обычная Рабочая Норма. Соответственно этой норме каждый из местных обитателей ежедневно получает рабочее задание от системы. За выполнение задания на его личный счет начисляются солы.

Легко ли выполнить задание уровня ОРН? Кому как. Многое

зависит от полученного комплекта конечностей. Кому повезло – получили выносливые ноги и крепкие руки. Кому нет… тому нет… жизнь жестока.

Как выглядит обычно задание ОРН?

Если взять за пример задание по сбору серой слизи, то количество «стандартных емкостей» будет равняться восьмидесяти. Плата – пятнадцать солов. Мне сегодня сделали разовую поблажку, назначив задание по уровню УРН, но заплатят по ОРН.

Если мое текущее задание вкратце выглядит так:

> **Задание: Сбор серой слизи. Облегченное (Р).**
> **Описание**: Собрать и доставить в приемник сорок стандартных емкостей серой слизи.
> **Время выполнения**: До вечернего сигнала окончания работ.
> **Награда**: 15 солов.

То обычное орновское будет таким:

> **Задание: Сбор серой слизи.**
> **Описание**: Собрать и доставить в приемник восемьдесят стандартных емкостей серой слизи.
> **Время выполнения**: До вечернего сигнала окончания работ.
> **Награда**: 15 солов.

Если я хотя бы раз не выполню задание уровня ОРН – меня ждет автоматическое понижение рабочего уровня. Никаких поблажек! И системе – а это единственный судья и палач – неинтересна причина, по которой я не выполнил задание.

Не сделано? Понижение! И я сразу лечу в урну. То есть ОРН сменится на УРН – Упрощенная Рабочая Норма. Как там обстоят дела? Плохо там дела. Рабочая норма меньше в два раза, но и оплата соответственная.

Выглядит задание в таком случае так же, как у меня. С небольшими поправками в заголовке и серьезным урезанием в разделе награды.

> **Задание: Сбор серой слизи. Облегченное (УРН)**
> **Описание**: Собрать и доставить в приемник сорок стандартных емкостей серой слизи.
> **Время выполнения**: До вечернего сигнала окончания работ.
> **Награда**: 8 солов.

Восемь солов?

Это чертовски плохо.

Каковы мои минимальные дневные траты? Три сола на еду, еще три на воду, укол иммунодепрессантов, укол витаминов. Все. Дневной заработок ушел целиком. Все восемь солов. А принятие душа? А… да много чего может понадобиться. Я вот от майки не отказался бы. Тут можно купить майку или она только для слабого пола?

Другие задания есть? Более денежные?

Очень редко. Для ОРН и УРН система большей частью выдает задания по сбору слизи, уборке мусора, очистке стен. Задания полегче, но по той же цене попадаются почти полным банкротам?

Что еще за банкроты? Может выгодно ими быть? Раз задания им полегче дают. Я вот тоже сегодня после вечернего гудка превращусь в полного банкрота и уйду в минус. Интересно начинается новая жизнь – аж голова кругом.

Выгодно ли быть банкротами? Тьфу-тьфу-тьфу. Хуже банкротства участи трудно придумать.

Полный банкрот на здешнем жаргоне – человек лишенных всего комплекта арендованных у системы конечностей. Система их и заберет – когда сумма общего долга бедолаги достигнет пятидесяти монет. Едва это случится – ему отсобачат руку в медблоке. Если ты правша – отрежут левую. Если левша – правую.

Руку отрезали – сумма долга уменьшается на двадцать пять солов. Да, чувак. Столько получается и стоит твоя рука. Едва сумма долга опять вырастает до пятидесяти – в медблоке тебе отрежут ногу. На выбор системы. Задолженность уменьшится на тридцать монет. Тебя отпустят с миром. Опять пятьдесят монет долга? Попрощайся со второй ногой и долг уменьшится на тридцатку. Снова довел долг до пятидесяти монет? Ну что ж. Сам виноват. Отдавай последнюю руку. В обмен твой долг будет аннулирован. Ты с системой по нолям.

Вот это и называлось – банкротство.

Ты теряешь все, за долги забирают последнюю руку. И человек превращается в червя с человеческим лицом. Может только ползать и умолять – дайте поесть, дайте попить, помогите сходить в туалет и помыться. Помогите, помогите, помогите… но как долго тебе будут помогать? Разок откликнется на жалобный призыв чья-то еще не совсем зачерствевшая душа. Потом еще кто-то с великой неохотой, но поможет, даст пару глотков воды. Но рано или поздно тебе придется пойти либо в бордель, либо научиться использовать голову по назначению – кое-кто умудряется выживать, веселя народ в регулярных коридорных выступлениях.

Так-то вот, чувак. Прочувствуй. Задумайся. Система холодна и безжалостна. И ее подход действует – глядя на жалобно хныкающих червей, что некогда были людьми, ты сто раз подумаешь, прежде чем решишь, что сегодня устроишь себе выходной. Ты напряжешь все силы без остатка, лишь бы выполнить долбанную дневную норму, чтобы не накапливались долги. Ты будешь день и ночь думать о грамотном распределении финансов, стараясь отложить хотя бы двадцать солов на черный день. Ведь каждый может заболеть! Даже если не станешь брать воду и еду, не станешь платить за витамины – без иммунодепрессантов и оплаты аренды комплекта никуда. А это пять солов в день. Нужны и лекарства от болезни – добро пожаловать в медблок. Два сола за диагностику, еще сол за лекарства. Реже два. Тут уже от хвори зависит. Вот так два дня – и от запаса на черный день не останется ничего. Редко кто из здешних умудряется накопить больше двадцатки.

Есть ли путь из банкротства?

Есть.

Накопи пятьдесят три сола. Зайди… а… ну да… попади в медпункт любым доступным червю способом. Тебе проведут диагностику. И пришьют одну конечность на твой выбор – руку или ногу. Затем вколют иммунодепрессанты. Пятьдесят три сола спишут со счета заранее.

Можно ли выбрать качество конечности? Насчет этого он не в курсе. Но конечность будет рабочая. Разве не это главное?

Получалось у кого-то так?

Пару раз при нем было. Один раз девушка сама заработала на возвращение рук – она и делала уличные выступления, собирая по солу.

Еще одному парню помог брат – пахал как вол, накопил денег, заработал брату сначала на одну руку, затем они уже оба сумели и остальные конечности вернуть.

Стоп. Брату? А как они поняли, что они браться? Ведь у всех блокированы воспоминания.

Так а на кой черт нужны воспоминания, если они близнецы? Тютелька в тютельку. Тут только два варианта – либо родичи, либо клоны. И то и то как-то сближает. Нет?

Ну да. Сближает. Постойте-ка, друзья… вот у меня долг пятьдесят солов. Система точит по моей руке скальпель. А если я не пойду? Не дебил же я! Отсижусь, не стану заходить в нишу с креслом. Выполню задание. Кто вообще добровольно зайдет в медблок, чтобы ему отрезали здоровую руку? Проще удвоить усилия на задании. Чуть уменьшить долг.

Не выйдет.

Почему?

Все просто и грустно. Едва сумма долга поднимается до рокового полтинника, раздел меню «Задание» исчезает. И система тут же выдаст задание по поимке и доставке задолжавшего бедолаги в ближайший медпункт. Достаточно запихнуть его внутрь, двери закроются… и вскоре ты выйдешь без одной из лап. Выйдешь… может выйдешь… а может и выползешь…

Задание по поимке? А если я окажу сопротивление?

Попробовать можешь. Задание не абы кому предложат. За тобой придет пати уровня перн. А это минимум три-четыре опытных чела. Скрутят, дадут под дых. Свяжут. Забросят в медблок. Система вроде как неплохо платит за поимку и доставку должника. Да и отказаться они не могут – это ведь потеря ПРН и спуск обратно к ОРН. Так что – так и так лапу отрежут. Поэтому проще сдаться самому – чтобы на тебе никто не заработал.

Ясно… отныне слово «банкрот» стало для меня звучать совсем иначе. Я ведь буквально сегодня, таща ведро со слизью, уже понимая, что не выполню задание и уйду в минус, думал, что к вечернему гудку превращусь в банкрота. Брр-р… я против!

Ниже УРН что-нибудь есть?

Только банкротство. Это дно, чувак. Самое дно.

А выше?

Еще бы! ПРН. Говорил же.

И это?

Повышенная Рабочая Норма.

Да как… лучше платят, само собой! Но и задания тяжелее. А сколько точно платят – того не знаю. Я ведь простой орк. Хотя частенько спускаюсь и до гоблина. Откуда мне знать про дела полуросликов? Хотя все под эльфами ходим…

Стоп! Хотя все под эльфами ходим…

– Стоп! – велел я и в моем голосе лязгнул металл.

Три четверки испуганно сжался. Пополз к краю скамейки.

– Сиди! – сказал я и тот послушно замер. Я же поторопился смягчить тон, улыбнулся – Извини. Это просто от неожиданности. Ты только что сказал – гоблин? Ты сказал – орк? Полурослик? И что-то про эльфов?

– А-а-а… – обрадованно и успокоено протянулся тот и протянул мне бутылку – Еще глоток? Без сделки – угощаю.

– Уверен?

– Я слабак – смущенно признался мужик – И ты это уже понял, верно, чувак? Но не стал забирать остаток воды.

– Может я это оставил на конец разговора? Чтобы ты не обиделся раньше времени.

– Не подумал…

– Угостишь позже – глотну – улыбнулся я и напомнил – Орки? Гоблины? Мне память конечно отшибло напрочь. Но разве это не…

– Сказки! Конечно! Все это знают. А ты думал здесь настоящие гоблины живут?

– Да нет… но почему ты себя орком назвал?

– Так тут заведено! Привыкнешь.

– Ой вряд ли…

– Серьезно тебе говорю, чувак – привыкнешь. Удобно! Сам попробуй выговорить – УРН, ОРН, ПРН… а там еще и разновидности…

– Какие разновидности? И чего именно?

– Да там полно всего! Ты вот знай про себя главное – ты сейчас ОРК. Стало быть – ОРН. И я орк. Если рухнешь ниже, чувак – на УРН – то ты теперь гоблин.

– А если мне руку отрезали за долги?

– Все еще гоблин! А вот как еще и ногу заберут – ты зомби! Гоблин минус две лапы – зомби.

– Зомби? – повторил я, пристально вглядываясь в мужика. Он прикалывается? Вроде на полном серьезе мне втирает эту ересь.

– Именно! Запомнить легко. Я сам недавно слышал, как лидер бригады Максимус толковал помощнику: «Нам нужно трое дополнительных, сойдут и зомби, лишь бы не слишком тупые». И все сразу понятно. Коротко и ясно. Не приходится долго пояснять типа: «Нам нужно еще трое уровня УРН, но лишенных двух конечностей»… усекаешь, чувак?

– Усекаю – кивнул я – Удобно. И быстро.

– Точно!

– Перечислишь с самого низа?

– Опаздываю я уже…

– Ты быстро.

– Ну смотри… Черви. Тут ясно?

– Само собой. Без ног и рук. Просто перечисляй по восходящей.

– Так… Черви, зомби, гоблины, орки, полуслики. Но это я быстро назвал – там еще разновидности разные. Но ты не напрягайся, чувак – привыкнешь. Выучишь. Учится легко. Про зомби и червей ведь уже запомнил?

– Такое не забудешь – задумчиво сказал я, мысленно выстраивая систему, смотря на нее со стороны и сразу соглашаясь, что это вполне разумно.

Система прозвищ рабочая. Ибо точная, запоминающаяся, без цифр и непонятных нудных сокращений. Но почему за основу взяты именно сказочные мифические расы?

Да уж… придется привыкнуть.

– Это все расы?

– Куда там! – махнул тот рукой и поднялся – Сорри, чувак. Надо бежать. Неохота снова стать гоблином. Мне и в орках неплохо.

– Ты еще говорил про эльфов!

– Про них только и знаю эту присказку. Ее все говорят.

– Все под эльфами ходим?

– Ага. Она самая.

– Еще одну расу ты забыл упомянуть – напомнил я.

– Какую это? Хотя многие не назвал. Но я про них только слышал. Даже и не видел.

– Эту расу ты точно видел. Много раз слышал про нее. И даже щупал.

– Ниче себе… прямо интрига, чувак… и кто?

– Человек! Мы люди, забыл?

– Человек? Ха! Тут ты промахнулся, чувак!

– В смысле?

– Тут – мужик широким жестом обвел весь коридор и окрестности – Тут живут такие как мы. А мы кто?

– Мы люди.

– Нет! Мы низшие! Ты низший. Я низший. И расы наши – низшие! Червь, зомби, гоблин, орк, полурослик – это все низшие расы. А человек – это тебе не низшая раса! Так-то вот! Удачи тебе, одиннадцатый! О! Забыл совсем – глотнешь воды?

– С благодарностью – ответил я.

На этот раз глоток сделал небольшой. Бутылку тщательно закрыли.

– Постой – остановил я его.

– Еще воды?

– Нет. Ты мне помог. Спасибо.

– Да что там…

– Я должен тебе воду – и отдам долг обязательно. Если у тебя возникнут проблемы – скажи. Сделаю что могу, чтобы помочь. Запомнил?

– Спасибо!

– Тебе спасибо. Удачи тебе… орк…

– И тебе, брат орк! Бойся стать гоблином! И лишь бы не червем!

– Лишь бы не червем – пробормотал я, глядя на раздутый левый локоть, что и не думал уменьшаться – Куда я попал, мать вашу? Где я очутился? Черви, зомби, гоблины, орки. Вроде разобрался.

Червь – банкрот. Обнулен системой, но еще жив.

Зомби – искалеченный системой гоблин.

Гоблин – уровень УРН, может быть лишенным одной руки.

Орк – количество конечностей роли вроде не играет, старается регулярно или периодически выполнять норму ОРН.

Полурослик – уровень ПРН. Повышенная рабочая норма. Трудолюбивый и надо полагать запасливый народец.

Народец? Я сказал народец?

Прилипчивая эта система…

И при этом все из перечисленных тройной четверкой рас являются низшими.

Что тоже полностью укладывается в рамки – ведь это наш официальный статус.

Мы все тут Низшие.

Низшие добровольно. Тогда как человек не может быть низшей расой.

Мы не люди. Мы сами себя лишили права называться людьми – если верить системе и местным верованиям.

Вот ведь бред…

– Как дела, зомби? – неожиданно спросил я у мужика, что достаточно ловко прыгал на одной ноге вдоль стены, придерживаясь ее лишь изредка.

– Прикалываешься, урод? – буркнул тот – Как могут быть дела у зомби? Дерьмово!

Ответил и ускакал. А я остался на скамейке, философски созерцая противоположную стену. Есть над чем подумать. Причем не на отвлеченные темы, а на приземленные и важные.

Диагностика. Мне она нужна прямо срочно. Пусть осмотрят мой чертов левый локоть! Но… диагностика стоит два сола. У меня на балансе ноль солов. А к вечеру уйду в минус. А система вряд ли согласится ставить мне диагноз в долг. Даже червям нужно пятьдесят три сола, чтобы оплатить диагностику, руку, укол иммунодепрессантов и заветный статус зомби.

Да что гадать – система согласия может и не даст, но попробовать я обязан. И двинусь в сторону третьей зоны и шестого блока. Видел по пути дверь отмеченную красным крестом. Постучусь – вдруг откроют добрые люди в белом? Хотя здесь нет людей… тут если кто и откроет, то в лучшем случае полурослик…

Первые пятьдесят шагов были адом. Каждое прикосновение измученной непривычной нагрузкой босой подошвы к немилосердно твердому полу отдавалось дикой болью. Затем боль огненным фонтаном достреливало до колена и уже едва заметной болючей струйкой опаляло мышцы бедра. На пятом шаге я придумал добрый десяток причин, почему мне лучше

вернуться назад и пока никуда не ходить. Но я не сдался и продолжил идти, перестав поднимать ноги. Пошел как на лыжах. Шарк, шарк, шарк… и вполне успешно.

Вот и дверь с крестом.

Стучаться не пришлось. Едва я встал лицом к желанной двери, перед глазами появилась ожидаемая, но все равно обидная надпись:

> Не в состоянии оплатить услуги медблока.
>
> Стоимость обязательной услуги (диагностика) – 2 сола.

Мне она и нужна – обязательная услуга. Но оплатить ее я не в состоянии. Не став топтаться перед закрытой дверью как голодающий гоблин-попрошайка, двинулся дальше. И вскоре пришаркал к шестому блоку. Зашел в закольцованный коридор. Глянул на площадку у приемника, молча развернулся и прямиком на выход. Вслед донеслось злорадное от Буксы:

– Вали, вали, придурок! Бойся!

Я не оглядывался, но уверен, что мне в спину указывал ее отставленный средний палец. Послышался ее громкий неестественный смех. Стараешься казаться злобной и безумной сукой? Пока не получается. Но дай тебе время – и ты научишься. Ее спутник Барс гордо промолчал. Но наверняка его поза стала горделивей – еще бы! Только завидев его мощную фигуру трусливый гоблин тут же позорно бежал.

Ошибка. Они оба сильно заблуждались. Я не собирался пытаться выполнить задание. Время почти шесть вечера. При всем желании и упорстве я не успею набрать и дотащить до приемника почти сорок ведер. Сюда я заглянул в качестве разминки для ног и напоминания для головы – возможно уже завтра мне придется сюда вернуться и все же суметь наполнить и дотащить сорок чертовых стандартных емкостей. Заодно выяснил, что эта парочка имеет привычку ошиваться здесь постоянно. Они ничего не делали. Просто стояли у приемника и пугали работяг резкими движениями. Сейчас пну ведро! Сейчас пну ведро! Работяги послушно пугались. Злодеи довольно скалились. Но пугали они уже с ленцой – наигрались за день. Тянут время до ужина. Такая порода мне знакома. Не знаю откуда, но знакома.

Но сцена интересная. Вот уж точно – орки и гоблины. Первые покрикивают, вторые повизгивают…

Шагая у стенки, оставив центр коридора для более прытких и сильных, не забывал слушать обрывки чужих разговоров. А что тут такого? Хочешь что-то сохранить в стороне от чужих ушей? Так и говори об этом в сторонке и шепотом, а не оря во всю

глотку прямо посреди толпы.

– Говорят норму рабочую повысят…

– Да ты что? И гоблинам?

– Да всем! Мы же низшие – дави из нас соки, дави! Твари…

– Бред! – это кто-то третий и весьма веский – Никогда не повышали нормы. Кто придумывает это вранье?

– А вдруг не вранье?

– Чушь! Ну что? На ночевку, пати?

– Само собой. Спать хочу не могу…

Говорящие ушли вперед и их голоса растворились в людском гомоне. Но им на смену пришли другие.

– Забыл! Забыл капсулу оплатить! И все – прихожу, а она уже занята! А я в ней почти год жил…

– Так чего ж не продлил сразу на десять дней вперед? Я всегда так делаю.

– Да ну… выкидывать десять солов?

– Чего выкидывать-то? Твоя же капсула.

– Тут твоего ничего нет, Карл. Даже руки твои – не твори.

– Ты чего такой мрачный и злой сегодня?

– Да сцепился тут с одной гнидой… глянь на царапину!

– Ого… еще чуток – и прямо бы по глазу заехала. Ногтем?

– Ну! С-сука! Я всего-то задел ее за зад – случайно! У ней и задницы-то нет! Два мосла торчат! А она в визг! Я ей ответку четкую преподношу со всей вежливостью – вы мол рот визгливый прикройте, леди. Попой не вышли, чтобы я вас домогался. Да и рожей. А она как врежет! И ни одного системного глаза вокруг! Просто так по харе отхватил… выпить бы! Покрепче чего! Может сходим к чертовому Робу-Робу? Потратим по паре солов, а?

– Да ну… три километра туда. Столько же обратно. Лишние калории появились, что ли?

– Там перекусим… еще по два сола с рыла…

– Уже четыре!

– Да вы про капсулу мою послушайте – в ней другой теперь живет! И выселяться не хочет.

– Чего ты так переживаешь? Их же полно! Выбирай – и заселяйся.

– Я к той привык!

– Раз привык – надо было минимум на неделю вперед проплачивать!

– Обжился я там…

Вот и еще что-то интересное услышал… Чуть ускорившись, постарался не потерять из виду тех работяг, что говорили про капсулу и странного Роба-Роба продающего крепкие напитки и еду. Мнится мне ребятки топают как раз к капсулам – а там

наверняка и еды можно будет раздобыть. Прислушиваться я не забывал, впитывая чужие слова как губка.

– Майку прикупил новую. И сегодня же изгваздал. Вот где справедливость?

– Так тут вся одежда моющаяся.

– Да я не в автомате покупал! С рук! Нормальную.

– Зачем? Дорогущая же.

– Да замутить я хочу тут с одной…

– А чего тогда майку на задание одевал? Вечером бы приоделся!

– Так вдруг она там? Тоже на сборе слизи…

– Барса видели? Со своей.

– Как они задрали!

– Где они были?

– Третья зона. Шестой и пятый блок. Весь день там проторчали! Другого занятия нет? Этот по два ведра за раз шустро-шустро натаскал и себе, и ей. И не уходят… хоть бы ему кто голову проломил уже, а?

– Ты потише… двадцать девятый договорился до беды. И что? Был честным орком. Почти полуросликом. А стал червем. Тоже хочешь в грязи ползать?

– Да я чего… я ничего…

– Вот и молчи.

– Молчу, молчу…

Я остановился. Увидел такое, что даже забыл про усталость. Вот это да! Да тут есть какие-никакие блага цивилизации!

Коридор привел меня к дохлому ежу. Это если верить нарисованной на стене схеме, где на сером фоне разместилась черная колючая клякса, больше всего похожая очертаниями на сдохшего и раздувшегося ежа. Обычного ежа. Не морского. Кому вообще могла прийти в голову построить помещение столь странной формы?

Рядом со схемой пояснения. Из них мне стало ясно, что зал является местом для свободного и ничем не ограниченного времяпрепровождения, а также для социального взаимодействия. Да. Так и написано. Каждая отходящая от зала «иголка» представляла собой тупиковый коридор метров двадцать в длину. Каждая «игла» пронумерована и содержит по двадцать индивидуальных жилых капсул стандартного образца. В каждой «игле» имеется по два туалета, две душевые кабины и пять пунктов для выдачи еды, воды и лекарств. В самом «еже» непонятно именуемом КЛУКС-17 размещались два медблока, автоматы по продаже личных предметов и продуктов, в центре располагалось общая зона для получения и принятия инъекций,

пищи и воды.

Кафе я и увидел от входа – не меньше ста квадратных столиков размещенных ровными рядами посреди вместительного зала. Посреди КЛУКСа-17…

Освещение мягкое, приятное. Пол и стены чистые – хотя все тот же металла. Главная достопримечательность общего помещения – одна неподвижная большая центральная и добрый десяток мелких и подвижных металлических сфер наблюдения.

– Вот умеют же порадовать – вздохнул я и вошел в КЛУ… да ну к черту! Буду называть залом! Залищем…

Вот чего системе стоило «родить» меня здесь? Тут нет даже намека на мрачные коридоры у меня за спиной. Хотя… может все и правильно – сначала сходу с головой ныряешь в мрачную обреченность, затем плюхаешь в серую слизь по макушку и только затем приходишь сюда и понимаешь – жить здесь все же можно!

Усевшись за столик – на прикрепленную к полу лавку с невысокой и не слишком удобной спинкой – огляделся, примечая чем заняты остальные. Через минуту уже знал, что надо делать – ничего. Просто ждать. Но судя по общему оживлению и блестящим глазам, ждать осталось недолго. И я примерно догадывался чего ждать…

Пока сидел и ждал, почти не отрывал взгляда от отчетливо светящихся витриной у стены неподалеку металлических ящиков. Торговые автоматы. Все же тут самая настоящая территория. Жить вполне можно. Были бы деньги.

Вечерний гудок последовал через тридцать минут. Точное местное время – 20:00. Утренний же гудок был в восемь утра. То есть рабочая смена длится двенадцать часов и за это время каждый работяга должен успеть выполнить ежедневное задание. Звучит приемлемо. Побудка в семь. Завтрак, инъекции, ознакомления с заданием… все как у всех. Можно жить и работать.

Мне пришлось еще раз подняться и сходить до высящегося посреди зала толстенного вздутия с немалым количеством дверок. В одну и зашел. Улегся на металлическое ложе. Получил пищевой кубик и литр воды. Выйдя, вернулся за столик, стараясь никого не задеть болящим все сильнее и сильнее локтем. Хорошие мне обезболивающие утром вкололи – действовали двенадцать часов. И насколько теперь интересная ночь мне предстоит? И как можно попросить обезболивающие у системы? В медблок не пустят. Может в пищеблоке кольнут в долг?

А ну-ка…

Развернувшись, вернулся. Дождался, когда освободится

ближайшая кабина. Встал перед дверью.

– Одиннадцатый. УРН.

Одиннадцатый. (УРН).
Цель?

Как лаконично и грубо. Даже внутрь не пустили. Воду и еду само собой тоже давать не собирались.

– Обезболивающий укол – постарался произнести как можно четче прямо в закрытую дверь.

Дверь осталась закрытой. Намек ясен.

– Мне очень нужно.

Уйти.

Ну понятно…

Утром повар колет пэйнкиллеры, а вечером уже нет.

Ушел. Вернулся за столик – уже другой. Мой заняли.

УРН… да, система уже оповестила о понижении меня до гоблина. Я УРН. Звучит гордо! В интерфейсе это вообще почти никак не отразилось. Я даже не сразу заметил изменения.

Номер: Одиннадцатый.
Ранг: Низший (добровольный).
Текущий статус: УРН. (стандартное трехразовое питание и водоснабжение).

Изменилась всего одна буква, но как много это значит… Зато питание и водоснабжение остались стандартными. Поэтому переживать не стал. Есть еще шанс исправить ситуацию.

Вот сейчас, чувствую прямо с радостью, появились первые позывы навестить туалет. Напитался организм влагой. Что-то готов и отдать.

Но сначала гляну на финансы.

Баланс: 0
Задолженности: да.
Список задолженностей (последние пять):
Оплата душевой процедуры: 1 сол.
Оплата второго приема пищи: 1 сол.
Оплата второго водного лимита: 1 сол.
Оплата третьего приема пищи: 1 сол.
Оплата третьего водного лимита: 1 сол.
Общая сумма задолженности: 10 солов.

Ну что? Прекрасно! Еще сорок солов к долгу – и мне

оттяпают руку. Делаю несомненные успехи в новой жизни… Хорошо хоть туалеты здесь бесплатны…

Навестив ближайший санузел, при выходе свернул в другую сторону и через какой-то десяток шагов оказался рядом с торговыми автоматами. Здесь меня ждало лицезрения рая…

За стеклами автоматов, на пронумерованных полочках и в держателях, размещались самые различные и все как один восхитительные предметы. Первый – широченный высокий автомат – оказался одежным. На полочках лежали пакеты с разноцветными майками, трусы, шорты, брюки, перчатки, рабочие рукавицы, шейные и носовые платки, носки, шлепанцы, сланцы, кеды, сапоги, брюки, поясные ремни с карабинами, защитные очки и маски, бейсболки, банданы – и это я еще не все увидел. Размещение логично – головные уборы вверху, обувь внизу.

Следующий автомат – необходимые предметы быта. Плоские фляги, кружки, термосы, безопасные бритвы, полотенца, пластиковые ложки, вилки, тарелки…

Дальше – продуктовый. На витрине уже знакомые мне широкогорлые бутылки с водой, питательные кубики, какие-то пластинки различных цветов, бумажные пакетики с явно сыпучим содержимым и радующими глаза надписями «Суп-пюре грибной», «Суп-пюре говяжий», «Кисель клубничный», «Кисель яблочный», «Куриный бульон», кофе черный, кофе с молоком, двойное эспрессо, тройное эспрессо, зумба-делюкс-драйв сладкий, зумба-делюкс-драйв кислый, молочный коктейль с клубникой, ассортимент жевательных резинок…

Четвертый автомат… тут я, конечно, замер в недоумении. Глянул наверх, на проезжающую по рельсу бесстрастную полусферу наблюдения. Эй, ребят… я точно не в компьютерной игре? Вы чего-тут продаете?

Автомат камуфляжного цвета предлагал к покупке элементы экипировки. Защитной экипировки! Наколенники, налокотники, сапоги защитные с высокими голенищами, перчатки защитные, особо прочные, пластиковый шлем с прозрачным забралом, жилет…

Боюсь сделать шаг дальше. Но сделаю и гляну…

Ну да…

Дубинки резиновые, ножи охотничьи, электрошокеры различные, дымные шашки… тут тоже можно еще долго разглядывать. Внутри автомата круговая витрина, что прокручивается нажатием черной большой кнопки. Прилипший к автомату чудик жмет и жмет эту кнопку, не сводя замутненного взгляда с… с оружия. Как еще это назвать?

Это что за товары широкого народного потребления?

Ничем не выдав изумления, похромал дальше. Мимо следующих двух автоматов прошел, не останавливаясь – увидел рядышком вход в «иглу». Жилой коридор, где должны были быть расположены индивидуальные капсулы. Доступные для всех слоев и рас общества – даже для меня. А я кто? Я гоблин. Но тоже право имею. Можно и на скамейке поспать – спал уже и норм. А можно и в капсуле – если пустят с задолженностью в этот теремок.

Так что получается? Тут вполне может жить. И жить сытно. Не обязательно все время щеголять в коротеньких шортах и с голым торсом. УРН – это не вариант от слова совсем. Гоблины глодают и голодают. Плохо им. А вот при регулярном выполнении ОРН вполне можно жить сытым и довольным орком, потихоньку даже откладывая солы.

У входа в ближайшую «иглу» меня ждал сюрприз – не пустили.

Запрет наложила не система, а крупный мужик со скрещенными на груди руками и скучающим, но непреклонным выражением лица. Бритоголовый мускулистый крепыш. Отлично одет по здешним меркам. Футболка, шорты, кеды, пояс с висящей на нем короткой дубинкой – все черного цвета. Лениво что-то жует.

– Отвали.

Коротко и ясно. Отшагнул.

– А чего так? Или без объяснений мне нафиг идти?

Я удостоился более внимательного взгляда. Легкая заинтересованность во взгляде крепыша мгновенно исчезла, когда он увидел мой раздутый локоть. Но нафиг сразу не послал, соблаговолил пояснить?

– Эта иголка на постоянку занята нашей бригадой. Посторонних не пускаем. Да свободных капсул и нет. Шагай дальше.

– Занята вашим пати?

– Ты моего пока еще доброго посыла не услышал что ли?

– И все же? Пати? Я новенький. С сегодняшнего тут.

– В другом месте расскажут.

– Чем быстрее узнаю – тем быстрей прекращу тебе нервы мотать. Ответь. Игла занята пати?

– Бригадой! Какое пати? Оно от двух до пяти человек.

– Ага… а вас больше… и из пати стали бригадой?

– После пати идет звено! От шести до десяти рыл. И только затем бригада – от десяти до двадцати. Тут живет седьмая производственная бригада Звездного соединения.

– Ага… нихрена себе… Мужик… ты все это серьезно сейчас

сказал? Или мне уже смеяться?

– Шагай!

– Ясно.

– Держи.

Он швырнул. Я сумел поймать. Глянул. В ладони лежала завернутая в бумагу продолговатая пластинка. Посмотрел вопросительно на охранника. Опять скрещивая руки на груди, тот неохотно проворчал:

– Сам был новиком. Тоже не сразу задалось. Это жвачка с кофеином и витамином С.

– Спасибо!

– Свободные капсулы ищи на другой стороны. Те, что по этой – все заняты бригадами.

– Производственными? – ляпнул наугад, сжимая в кулаке пластинку.

– Да разными. Тут еще и боевые. И смешанные. Но больше производственных. Проситься к кому-то бесполезно, сразу скажу. Бригады к себе абы кого не берут.

– Спасибо еще раз.

– Удачи.

Не став проверять слова охранника на правдивость, повернулся к нему спиной и пошел себе потихоньку к противоположной стороне огромного зала, заполненного народом. Шагать стало легче – ноги приноровились. Но завтра ждет меня от них волна боли…

Пати. Звено. Бригада.

А у них еще и типы есть? Боевая бригада, смешанная, производственная… а пати и звенья так делятся? Тут все сложнее чем я думал. Но тем интересней будет разобраться.

Добравшись, оглядел входы в «иглы» и убедился, что нигде не маячат охранники. Сразу бросалось в глаза количество мусора у стен. Если принять зал за город, то из центральных богатых районов я попал в окраинные кварталы для бедноты. Мне как раз сюда!

Капсула…

Удивления ее внешний вид не вызвал. Отмеченные зеленым контуром крышки капсул размещались в стенах иглы в два яруса. Имелись лесенки, ведущие ко второму этажу. На каждой крышке горел огонек с надписью.

Занята.

Свободна.

Зеленые окошки светились только на втором этаже. Лезть по лесенке? Или пройтись по другим «иглам»? Подумав, пожал плечами и довольно неуклюже взобрался по лестнице к

ближайшей свободной капсуле.

Ну что?

Дадут в долг выспаться в человеческих условиях?

Прижал палец к черному квадратику. Писк… и крышка капсулы беззвучно ушла вверх, открывая двухметровую нишу с мягким на вид эластичным ложем. Забрался я внутрь легко. Слишком легко – руки и ноги сами знали, куда встать, где зацепиться, как подать тело. Смог справиться даже с одной рукой, вовремя притормозив дернувшуюся было левую.

Улегся. Жестковато…

Крышка капсулы закрылось. Над головой зажегся тусклый желтый плафон. Правая ладонь привычно по нему шлепнула и свет погас. Чуть сдвинувшись в сторону, опустил на незамеченную ранее полочку подаренную жвачку. Стало быть, мне приходилось раньше ночевать в подобных капсулах и делать это не раз и не два. Это явно мышечная память, которую невозможно заблокировать.

Баланс: 0
Задолженности: да.
Список задолженностей (последние пять):
Оплата второго приема пищи: 1 сол.
Оплата второго водного лимита: 1 сол.
Оплата третьего приема пищи: 1 сол.
Оплата третьего водного лимита: 1 сол.
Оплата индивидуальной жилой капсулы: 1 сол.
Общая сумма задолженности: 11 солов.

Темнота подействовала снотворным и глаза закрылись сами собой.

Спи, гоблин. Завтра новый чудесный день…

Глава четвертая

СТАТУС:
Номер: Одиннадцатый.
Ранг: Низший (добровольный).
Текущий статус: УРН. (стандартное трехразовое питание и водоснабжение).
Баланс: 0
Задолженности: да.
Общая сумма задолженности: 15 солов.
Игровой вызов завершен.
Итог: **победа**.
Награда: 3 сола.
Победная серия: 1/3.
Бонус к награде (ИВ): 0%
Бонус к шансу получения ИВ: 0%
Шанс получения дополнительного приза: 0%
Задание: Седьмая рукоять. 100 полных оборотов.

Текущее время: 8:20.

Настроение – ожесточенно-бодрое-злобно-добродушно-обреченно-позитивное.

С этой сложной смесью эмоций я стоял на месте прилизанного взрыва. Понял я это мгновенно, едва войдя в дверной проем и спустившись по пологому пандусу. Тут все вокруг буквально вопило – нас взорвали! А затем старательно, но без каких-либо изысков, постарались привести все в порядок.

Небольшой прямоугольный зал со сглаженными углами. Как я заметил, тут вообще стараются избегать прямых углов в архитектуре. Две двери в противоположных сторонах. По центру оживленная движуха. Настоящая магистраль – похоже, зал используют для попадания из одного коридора в другой. С одной из длинных сторон зала ровная обычная стена из серебристого металла. А вот с другой… некогда там имелась такая же стена. Но потом за ней рванула достаточно мощная бомба, порвавшая металл стены, вывернув его в зал уродливым цветком. Уже после взрыва здесь долго и упорно работали ремонтники, срезавшие вывернутый рваный металл и сумевшие вернуть стене частичную стройность и аккуратность. Но полностью стену они заделывать не стали. Оставили длинный прорез позволяющий увидеть за стеной часть какого-то сложного полуразрушенного взрывом механизмом. Те части что не подлежали восстановлению были

изъяты. Часть кожухов срезана. После чего в разрыв между звеньями сложнейшего механизма сделали первобытную «врезку», видимо не сумев найти запчасти или просто не хватило умения.

Суть – выбросили к чертям электронику и механические приводы. Из уцелевших остатков, шестерней, металлических прутьев и дешевой рабочей силы соорудили ядреный суррогат, выглядящий как помесь рабов с инопланетными технологиями. С неравными промежутками – два-три метра – из взрезанной стены торчало восемь рукоятей. Крепких стальных рукоятей до блеска натертых ладонями трудяг. За уцелевшими участками стены что-то периодически громыхало, слышались короткие требовательные сигналы. Едва раздавался сигнал – стоящий у нужной рукояти человек хватался рукоять и делал полный оборот. И судя со стороны, процесс не обещал быть легким – слишком уж напряженными были их лица и тела. Нехорошая деталь – все были двурукими и при обороте пользовались обеими. Да еще и телом налегали на рукояти.

Моя рукоять была предпоследней. Ошибиться было трудно – над каждой рукоятью имелась издалека различимая жирная цифра. К ней я и подошел куда более уверенной походкой по сравнению со вчерашним днем. Глянул на часы. Успеваю свериться с текстом задания, появившегося в интерфейсе еще до того, как я проснулся. Задание необычно многословное.

> **Задание: Седьмая рукоять. 100 полных оборотов.**
>
> **Важные дополнительные детали:** Быть на месте не позднее 08:30. По двойному сигналу и двойной желтой вспышке заменить предыдущего работника. Приступить к работе. Выполнить установленный лимит. Сдать смену.
>
> **Описание**: По короткому сигналу и зеленой вспышке немедленно произвести один полный оборот седьмой рукояти по часовой стрелке до щелчка. Допустимое промедление – три секунды. Установленный дневной лимит – сто полных оборотов.
>
> **Место выполнения**: Зона 4, блок 1.
>
> **Время выполнения**: без пропуска производить полный оборот седьмой рукояти до выполнения установленного лимита.
>
> **Награда**: 8 солов.
>
> Текущее время: 08:25.

Разжевано прямо как для дебилов. Видимо случались эксцессы с непониманием поставленной задачи. Или с попытками схитрить. Пока стоял и наблюдал, седьмую рукоять провернули два раза – за три минуты с небольшим. Интервалы не были

идентичными. Разница в несколько секунд. Третий раунд между оборотами подтвердил мою догадку – он продлился на пятнадцать секунд дольше. Вполне объяснимо – в работу покореженного механизма вовлечены люди. А они не могут работать с точностью машины.

– Лимит – устало выдохнула крепкая женщина, выпуская рукоять и отходя от стены – Заменяй. Трудись.

– Доброе утро – кивнул я.

– Кому как. Мне – вечер.

– Погодите… вы в ночную смену работали?

– Сам как думаешь? – зло рявкнула она – Само собой.

– Ага. Ясно.

Спрашивать ничего больше не стал. Разговор все равно бы не заладился.

Сигнал…

Вот сейчас все и выяснится касательно моей способности сделать сто полных оборотов седьмой рукояти с допустимой задержкой в пять секунд… И-и-и… эх!

Ухватился, навалился, провернул всем телом до уровня плеча и, не давая исчезнуть инерции, продвинул до высшей точки, перехватил и почти повис на рукояти, опуская ее вниз. Щелчок. Оборот сделан. Проверив интерфейс, убедился, что он засчитан – осталось девяносто девять. Облегченно выдохнул.

Что сказать? Тяжело идет, падла! Прямо вот тяжело. Будь у меня две рабочие руки… опустив руку, прислонился к стене в ожидании. Силы буду экономить. Поглядывать по сторонам и прислушиваться не забывал. Но пока ничего интересного не увидел и не услышал. Зато сосед – с восьмой рукояти, молодой совсем улыбчивый парнишка с номер 529, начал беседу первым. Он, как и я только что явился на смену.

– Орк? – спросил он.

– Гоблин – ответил я и показал на левую руку – Вчера провалил задание.

– Бывает – посочувствовал он.

Гудок. Полный оборот. Гудок у него. Он делает ту же операцию что и я. Снова поворачивается ко мне.

– Я тоже как-то раз до гоблина скатился. Когда все скопленные солы сначала у Роба-Роба тратить начал, а следом решил до Дренажтауна добраться и там покутить. Хотя нас там недолюбливают, конечно. Будь трезвым – даже и не подумал бы соваться. Меня там в одном притоне траванули, еле выкарабкался. Потом оказалось, что я пока в несознанке был всех напитками и едой угощал, раздал все свои вещи в подарки. Как пришел в себя… до грусти тошно было… ну ты понимаешь.

Развели как последнего гоблина – только без обид. Высокие умы гоблинами не живут.

– Да какие обиды. Все правильно говоришь.

– Во-о-от… Остатки солов ушли на лекарства, неделю в капсуле червем потливым провалялся. Первые три дня перед глазами все кружилось, думал сдохну. Потом только слабость осталась. Хорошо дружбаны меня за едой и водой на закорках таскали. Потом долгонько пахать пришлось, чтобы из гоблинского племени к честным оркам вернуться. Вот в орках – самое оно! Жизнь!

– И не говори. Орки парни честные. Вкалывают как положено.

Беседа прервалась. Крутнув рукоять, вернулся к разговору.

– Кто недолюбливает то? – спросил я с интересом – Я второй день здесь.

– То-то смотрю на тебе кроме трусов ничего. Первым делом купи шлепки – тут ногу пробить легко. Без обуви никуда. А у шлепок подошва толстая. И стоят всего два сола.

– Спасибо. Куплю. Так кто нас так не любит-то?

– Где?

– В этом… Дренажтауне. Это ведь город? И кто там не любит гоблинов и орков?

– А… да какой это город. Верхний квартал. И там своих гоблинов и орков хватает. Не в рации дело, бро. А в том откуда ты. Мы вот с окраины. А они городские. Денежки наши любит, а нас самих – нет. Обдерут до последнего сола – и выпроваживают. И хрен переночуешь за нормальную цену! Проходы к капсулам блокированы – типа защита. Им платишь два сола с рыла. Еще за саму капсулу сол. Сколько всего за ночь? Три сола! Так что лучше туда и не суйся. Живи себе здесь спокойно. И с выпивкой осторожно! У Роба-Роба тоже сильно не расходись – как поймут, что ты уже хороший, так сразу подсядут к тебе, разведут на выпивку, а там и на приключение дурное. На утро проснешься гоблином. Тупым и нищим гоблином. И снова – без обид.

– Ага. Приключение дурное… Вроде твоего? Сходить в Дренажтаун?

– Ага. Крутим, крутим колеса, отрабатываем норму! – чуть отвлекшись на работу, снова заговорили.

За интересной беседой время летит незаметно. Чувствую себя работником конвейерной ленты на старом заводе с уже ни на что не обращающим внимания начальством. Стой себе и трепись с соседом по станку. Всем плевать, пока конвейерная лента вертится.

– А Дренажтаун – просто огромный и мерзкий промышленный квартал. Первичный фильтр у них.

– Фильтр чего?

– Так все стоки ж окрестные к ним сходятся, через решетки их проходят. И только потом уже жижа дальше бежит.

– Наши стоки? Туалеты и прочее?

– И наши. Трубами туда гонятся.

– А еще чьи стоки?

– Да всякие. Крути давай рукоять.

– Спасибо. Так чьи стоки?

– Да кто его? Спроси у эльфов!

– Это типа поговорка?

– Ага. Не слыхал еще?

– Не.

– Еще наслушаешься всякого про эльфов. Никто их не видел, но все о них говорят.

– Так может и нет их? И с чего вообще – эльфы? Другой расы не нашлось?

– Так ведь они кто?

– Кто?

– Высшая раса! Разве нет?

– Что-то такое на ум приходит – признался я и взялся за седьмую рукоять.

– И я что-то такое знаю. Высшая бессмертная раса. Мы то не такие, верно? Мы смертные.

– Ясно. Так Дренажтаун это квартал? Города?

– Ну. Верхний квартал города Мутноводье. Хотя будь моя воля я бы назвал их сраный вонючий городок Вселенским Дерьмосборником! Знал бы ты как там воняет! Особенно в Дренажтауне… без масок никто не ходит. И город дурацкий – вертикальной постройки. Небоскреб здоровенный. Сверху льется жижа, но чем ниже – тем она жижа жиже… круто сказал, да? А потом уже не жижа, а водичка чистейшая. И всем там заправляют полурослики. Так само собой. Они трудяги хоть куда. И деловые. Слушай… одиннадцатый…а давай о бабах, а?

– То есть…

– Ну да! Вот тебе какие больше нравятся? Если спросишь меня – то само собой рыженькие! Они, во-первых, чистюли, во-вторых, в них загадка есть, в-третьих… ты кожу их трогал? Вот трогал? Повезло хоть раз тебе, гоблин? Чтобы до кожи природной рыжухи дотронуться… эх! Ну а в-четвертых…

Я удивленно и даже завороженно слушал разошедшегося соседа. А тот заливался соловьем… Не остановить! Слушал не только я – до парня на шестой рукояти тоже долетали обрывки восторженной оды посвященным рыжеволосым красоткам, и он то и дело подбегал ближе ко мне и слушал. Возвращался, крутил

рукоять. Снова слушал. Я его понимал – не каждый день встретишь человека столь неистово влюбленного в от природы рыжеволосых девушек. И ведь столько он тонкостей знал… мне б такое даже в голову не пришло. И нордические они, и особенно ласковые и трепетные в грозовую погоду…

Я не заметил, как пролетело время. И стряхнул с себя гипнотическое оцепенение только при виде подошедшего унылого мужика со впалой грудью обтянутой грязной майкой.

– Сме-е-ена – протянул мужик.

Дождавшись двойной желтой вспышки и гудка, с облегчением покинул рабочее место. Обменялся рукопожатием со знатоком рыженьких, кивнул соседу с шестой рукояти и попрощался. Им то еще крутить и крутить – у них РНП. Они орки, а не гоблины.

Что с финансами? И что с правой рукой?

Рука болела. Скоро обед. Кстати, как я узнал сегодня по пути на работу – как звучит! По пути на работу… – узнал, что твой обед никуда от тебя не уйдет, если занят. Свое тройное питание и питье ты будешь получать до тех пор, пока не превратишься в червя или не умрешь. Пока есть хотя бы одна конечность – тебя кормят. В долг, но кормят.

И если я после обеда вздремну, то, проснувшись, познаю все муки закостеневших воющих мышц спины, живота и правой руки. Да и плечо болит правое. Легко отделалась только бесполезная левая рука. Чертов локоть…

А еще я узнал, что в каждом Клуксе есть банкомат, как его называют на местном жаргоне. Увидел его сегодня после завтрака и с пятой попытки нашел недовольного доброхота давшего короткое пояснение. Подходишь, касаешься экрана. Если у тебя есть на балансе сумма больше двух солов – минимум три – экран загорается. Там всего два поля. В верхнее вводишь номер того, кому хочешь перевести солы. В нижнюю графу вводишь сумму. Тыкаешь «ОК». Дело сделано. Система снимет у тебя со счета количество солов и положит на внутренний счет банкомата. Но не станет напрямую отправлять ее адресату – хотя, казалось бы, почему? Ведь в этом ничего сложного технически быть не может для всемогущей системы. Но нет. Кому адресованы деньги – ему придется явиться к любому банкомату и одним касанием снять перевод. При этом банкомат в обоих случаях заберет свои два сола. Это если сумма перевода до ста солов. Если выше – банкомат автоматически снимает десять процентов с того, кто деньги переводит. А с того, кто получает – забирает все те же символические два сола.

Осталось придумать, кто и за что переведет мне денежки…

До ста солов… у кого-то бывают такие деньжищи? С сума

сойти… у меня все гораздо печальней…

Баланс: 0
Задолженности: да.
Общая сумма задолженности: 7 солов.

Время обеденное. Сейчас нажру и напью еще на два сола. А потом у меня море времени, чтобы придумать способ подзаработать еще немного деньжат. Не хочется что-то мне жить сирым гоблином. И раздобыть бы где длинную тряпку или бинт – сделать перевязь для все еще отказывающейся служить левой руки. Бинт продается в автоматах. Стоит ерунду – два сола. Столько же стоит диагностика в медблоке. Появись у меня два звонких сола – я двинусь не за бинтом, а к равнодушному, но профессиональному доктору. С локтем огромная проблема. Это уже очевидно. Само собой не рассосется. Серьезное повреждение локтевого сустава. Или суставной сумки… или у меня там жидкость кончилась смазочная. Я не знаю. Но узнать должен как можно быстрее – глядя на раздутый синий локоть на ум приходит зловещее словосочетание «газовая гангрена». Я даже попытался принюхаться – не воняет ли уже тухлым мясом? Улови хоть тень запаха – помчусь искать прохожего с мачете, а как найду – заставлю его отрубить мне руку выше локтя.

Я как раз ковылял по коридору, двигаясь к облюбованному Клуксу, размышляя о гоблинской бедности и болезненности и был так погружен в эти думы, что пропустил бы номер на вспыхнувших стенных экранах. Но выручил прохожий, буркнувший злобно:

– Сдохни, двойная единица! Сучий везунчик!

Проводив его обалделым взглядом – неожиданно же! Да еще столько злобы! – глянул на экран.

Так точно. Есть такая цифра на нашей груди!

Сразу прилип к экрану, осмотрелся. Нет чертовых гриферов на горизонте? Правый большой палец сам собой прилип к сенсору, подтверждая – я в деле! Я в игре!

Система не осталась равнодушной к моему порыву.

Galaxian.
Один раунд.
Выберите уровень сложности:
Легкий.
Нормальный.
Тяжелый.

Та-а-ак…

– И кто бы мне теперь сказал что это такое… – грустно произнес я, глядя на ничего не говорящее мне название.

Galaxian?

Галактика? Галактический? Связано с космосом? Ну точно не с крестиками-ноликами…

Таймер тикает. Логично ткнуть в «легкий». Но я нищеброд с долгами. Попробую замахнуться хотя бы на «нормальный».

И замахнулся.

Экран мигнул и начал темнеть. А у меня в голове возникла схематичная зеленая анимация, где человечек с улыбкой выставляет перед собой правую руку с разжатой ладонью и водит ее перед собой налево-направо. Левая рука сжата, большой палец ритмично касается кулака.

На темном экране появились мигающие белые точки. Внизу по центру экрана возникла какая-то цветная фиговина. Миг… другой… и под заунывные писки и переливы проявилась стая разноцветных злобных мух…

Что это за хреновина? От мушиной стаи оторвалось несколько боевых единиц и устремились ко мне. Я тупо наблюдал. Три летящие мухи поднатужились и обделались, послав ко мне «гостинцы».

Стоп! Это же космос! Вверху стая звездолетов. И они не гадят на ту штуковину внизу – а это мой корабль! – а лупят по нему ракетами!

Тревога!

Мотнул рукой. Кораблик мотнулся в ту же сторону. И выстрелил – тут левая рука «помогла». Пара выстрелов. Судорожное метание… и меня прикончили космические мухи.

– Блин!

Игровой вызов завершен.
Итог: **проигрыш**.

Проиграл.

Почему? Просто не ожидал игры требующей реакции. Я-то опять рассчитывал на что-то пошаговое, с паузой. Я сделал ход – противник сделал ход. Я неспеша оценил его отвратительную агрессию и, взвесив все за и против, сделал ответный ход.

Но система меня переиграла, подсунув древнюю космическую стрелялку.

– Лох! – уверенно вынесла вердикт проходящая мимо девушка лет двадцати, но с пятидесятилетними руками.

– И гоблин к тому же! – жизнерадостно поддержал я ее.

– Лох из урны!

– Точно! УРН – мой дом родной.

– Криворукий и тормознутый гоблин.

– Не в бровь, а в глаз! – кивал я, постукивая себя ладонью по груди – Все верно, сестра. Истину глаголишь!

– В Галаксиан даже ребенок выиграет!

– Где я и где ребенок! Я криворукий и тормознутый гоблин-лох сидящий в урне!

– А ты молодец – фыркнула оскорбительница, соизволив остановиться и обернуться – Держишься отлично. Другой бы уже начал психовать и посылать куда подальше.

– Зачем? – улыбнулся я – Сам виноват в проигрыше. Не ожидал игры на реакцию.

– Так держать, гоблин!

– А какие еще игровые вызовы бывают?

– Их тьма! – крикнула она, удаляясь на зависть бодрым шагом – Система может удивить! Но раз тебе дали Галаксиан… новичок?

– Так точно!

– Крестики-нолики, Галаксиан, Пинг-понг, Тетрис… Жди примерно такого.

– И так всегда?

– Не слышу-у-у…

– Так всегда?

– Пока не выиграешь первую игровую серию.

– Ага…

– Чего?

– Где говорю подзаработать тут можно тощему гоблину?

Девушка остановилась, издалека смерила меня взглядом. Неуверенно пожала плечами:

– У тебя же ничего нет?

– Ну почему же – оскорбился я – У меня есть кофейная жвачка с витамином С!

– Сильно она тебе поможет. Я про защитную экипировку. Без нее нормальную работу уже не получишь. Да еще и локоть твой уродливый… Но попытаться стоит. Иди на семнадцатый перекресток. Это рядом с третьей зоной. Там собираются такие как ты. Ждут.

– Кого?

– Нанимателей, само собой. Сам разберешься – подойдя, девушка порылась в поясной сумке и протянула мне руку – Держи.

– Спасибо. Что за дар?

– Лимонная жвачка – засмеялась та и умчалась, напоследок крикнув – Тебе в коллекцию, гоблин!

– Спас-и-ибо! – проорал я в ответ, чем вызвал неудовольствие

прикемарившего на стенном выступе однорукого и одноного седого мужика.

Зомби! Вот они какие…

– Задари жвачку, гоблин – просипел седой, привставая.

– Не – покачал я головой – Не задарю.

– Пожрать есть что?

– Нету.

– Воды дай чуток.

– Нету.

– Сука.

– И вам не хворать – кивнул я – К третьей зоне ведь можно этим коридором выйти?

– Пошел ты.

– Спасибо за напутствие.

– Сдохни.

Семнадцатый перекресток был заметен издалека – крупнее прочих, плюс немало стенных выступов, почти сплошь занятых желающих подзаработать трудягами. Сидят тесно как птички на жердочке. Увидев такую толпу унывать не стал – посмотрим как сложится. Спросив у вежливо беседующих и неплохо одетых мужиков – майки, шорты, шлепки – где ближе всего можно получить еду, сходил и получил воду и питательный кубик.

Кубик штука интересная… не знаю разбухает он в желудке в десять раз или просто в нем какая-то химия, но все рассчитано таким хитрым образом, что позавтракав, к обеду начинаешь ощущать легкий голод. Пообедав – к ужину задумываешься о том, что пора бы чем-то перекусить.

Баланс: 0
Задолженности: да.
Общая сумма задолженности: 9 солов.

Плохо, гоблин, плохо.

Бегай, гоблин, бегай.

Ищи работу, гоблин!

Сегодня, если отказаться от душа, у меня уйдет еще три сола – ужин, вода, ночлег. Могу поспать на теплой лавке. Тогда долг вырастет только на два сола. Но завтра я смогу заработать лишь восемь солов – ведь я на пониженной рабочей норме. И такой же оплате.

Стоп…

Сегодняшнее задание я выполнил. Пусть уровня УРНы, но выполнил. То есть завтра мне дадут задание обычного уровня?

Я должен срочно выяснить этот вопрос. И плевать на чужое

недовольство. Пусть злятся и ругаются. Мне нужна инфа. Как раз на семнадцатом перекрестке и расспрошу, приткнувшись к работягам, выглядящим победнее. Может на своих повезет наткнуться – на говорливых гоблинов.

С пятой или шестой попытки удалось выяснить нужные сведения.

Система спросит. При получении ужина. Хочу я вернуться на уровень ОРН или же пока остаться на УРН.

Что ж – логично и справедливо. Если бы перебрасывало на ОРН силком, а ты не в состоянии выполнить такое задание физически – тебе конец. С моей рукой мне надо трижды подумать, стоит ли сейчас подниматься выше. Сегодня я работал три часа, прокрутил рукоять сто раз и тело выламывает до сих пор. Утром будет хуже. И это при гоблинской норме. А если на ОРН – там все двести оборотов рукояти. Вот попробуй теперь прими верное решение. Хотя к вечеру, думаю, уже созреет что-то в голове. Но многое будет зависеть от послеобеденных успехов по заработку солов. Честно говоря, если не сумею подзаработать деньжат «левым» способом – мне нет смысла оставаться на УРН. Это верный путь к банкротству и образу жизни разумных червей. Мои минимальные нужды – без ночлега и душа – восемь солов в день. И мой заработок – восемь солов в день. Я не выживу. И уж точно не скоплю ни сола.

– Млин тяжело быть гоблином – вздохнул я, прислоняясь спиной к стене и нежно баюкая больной локоть.

– Каково тогда зомби, по-твоему? – прохрипел сидящий рядом изрядно пованивающий потом мужик без левой руки и правой ноги, крепко держащий самодельный пластиковый костыль – А?

– Еще хреновей?

– Умник… заткнись уже…

Отвечать хрипящему зомби не стал – что я ему скажу? Пугать тоже смысла нет – он ведь зомби, стало быть нежить, а они лишены инстинкта самосохранения.

Замолчал и зомби, внезапно выпрямившись, втянув и без того впалый живот, широко улыбнувшись и глядя перед собой застывшим взором. Чего это с ним? Жажда крови пробудилась? А… вон оно что…

К семнадцатому перекрестку сходилось шесть коридоров различной ширины и оживленности. У входа в самый широкий проход было грубо намалевано «ГОРОД», а рядом стрелка – для самых тупых. Из этого коридора и вышло шестеро человек. Они разительно отличались от здешнего сброда.

На них имелась одежда!

Нормальная человеческая одежда. Никаких дурацких коротеньких шорт, представляющих собой ублюдка рожденного от фабричных фирменных шорт и самотканых семейных трусов. Единственное достоинство моей одежки – она легко отмывается от любой грязи и сохнет буквально за минуту.

А тут…

У всех брюки. Одинакового оливкового цвета. Крепкие и удобные рабочие брюки с дополнительными карманами на бедрах. У всех футболки разных цветов. У всех куртки разных цветов. Причем, как я сразу заметил, цвет футболок и курток совпадает – красное под красным, черное под черным, серое под серым. Это цветовое различие явно не просто так. Пригляжусь через минуту. Сначала довершу завистливый осмотр чужих вещичек.

Голодный голый гоблин смотрит на вас, бвана! Смотрит так пристально бвана, будто хочет украсть ваши вещи!

У всех крепкая обувь. И тут не кеды и не шлепки. У них на ногах ботинки или сапоги – и те и те со средней длины голенищем. У всех на головах разноцветные банданы, а поверх них пластиковые каски двух модификаций или же шлемы наподобие мотоциклетных.

У всех рюкзаки за спинами – того же оливкового неприметного цвета. Поясные сумки. Жилеты. Налокотники и наколенники. А кое у кого и дополнительный «обвес». Ну и оружие… того или иного рода оно присутствует у всех шестерых.

А теперь детальней оглядим. Тщательно, но шустро.

Голодный гоблин продолжает пялиться на вас, бвана! Врежьте наглому гоблину чтобы не пялился!

Трое в красном. Три высоких накачанных бугая, похожих друг на друга как яйца выползшего из радиоактивной лужи мутанта. Одинаковая одежда. Жилеты. Сапоги. Перчатки выглядящие очень жесткими и толстыми. Защита на коленях, локтях, голенях. На груди и плечах, поверх жилета, конструкция напоминающая «броню» игрока в американский футбол. Конструкция массивная, крепкая. Их головы прикрывают мотоциклетные шлемы с поднятыми сейчас забралами. На поясах длинные дубинки. Причем из них торчит по три длинных и толстых стальных спицы. У одного из поясной сумки виден торчащий провод. Еще у каждого на поясе длинная… длинное толстое шило прикрепленное к пластиковой рукояти… Рукава курток и плечевая защита украшены старательно нарисованными языками пламени желтого цвета. Стильно, стильно… выползший из болота гоблин потрясен, бвана! Можно гоблину потрогать эту красоту своими грязными руками?

Парни выглядят бывалыми уверенными в себе ветеранами прошедшими через многое.

Две девушки. Стройные… нет… не просто стройные. Они спортивные. И тоже подкачанные. Более того – они жесткие, эта жесткость ощущается в их поведении, в их позах, в их взглядах. Это сразу бросается в глаза – женщинам не свойственна подобная аура. Они резко выделяются и на фоне брутальных парней брызжущих угрюмым адреналином даже из ушей. Обе одеты в синее. Экипировка почти такая же как у парней, но значительно облегченная и без раздутой защиты на плечах и груди. Вместо нее аккуратные наплечники. Головы прикрыты пластиковыми касками. На шеях яркие желтые платки. Тонкие перчатки, на костяшках поблескивает острый металл. У каждой за спиной длинная… винтовка? Не винтовка?

Я сделал стойку. С превеликим трудом удержался от движений.

Никчемный гоблин не смеет смотреть на оружие орков и полурослико в, бвана. Трусливый гоблин больше не поднимет взгляда…

Но гоблин взгляд поднял. И ничуть этого не скрывал – вокруг меня на явившихся гостей смотрели все за исключением спящих. Да и те уже разлепляли сонные глаза и вперяли взоры туда же – на тех, кто будто бы пришел сюда из иного мира, более чистого и приятного.

– Вот это я понимаю другая эволюционная ступенька развития – пробормотал я больше себе, но был услышан и доходягой справа.

– А?

– Да я так…

– Кто б мне дал одну из этих цыпочек часочка на четыре – мечтательно прохрипел зомби слева.

На четыре часа? Парень… да тебе и четырех минут много будет, судя по пылающему взору, тянущейся с губ струйке слюны и неистово ерзающему по скамье тощему тазу.

Оружие…

Вот вроде смотрел прямо на него и вроде даже видел в деталях. А понять, что это такое не мог. Никакого намека на ствол. Но отчетливо вижу приклад. Простенький такой, едва намеченный. Противоположный конец оружия… черт… такое впечатление, что за спинами девушек висят обычные доски, которым с помощью лобзика придали грубую форму винтовки – без ствола – и снабдили это убожество ремнями. С таким «оружием» детишки в войнушки играют. Тут с наскока не разберешь. Поэтому вернусь-ка я к пятому из гостей. Тому, что

стоял во главе угла, образованного помощниками и, заложив руки за спину, с деланной доброжелательностью оглядывал собравшийся на семнадцатом перекрестке гоблинский и оркский сброд. Почему с деланной? А его выдавала чересчур сильно оттопыренная нижняя губа, показывающая всю глубину охватившего его пренебрежения к раскинувшемуся перед ним жалкому зрелищу. Он среди них главный. Тут не ошибешься.

– Нужно двадцать крепких и смелых орков! Сойдут и гоблины. Никаких зомби! – с уже нескрываемой скукой в голосе заговорил главный.

Я же рассматривал его в оба глаза.

Черная футболка, оливковые штаны военного кроя, ботинки на толстой рифленой подошве, длинный плащ неброского серого цвета. Серая бейсболка с ярко-желтым языком огня. Пояс есть, но висит ли на нем что-нибудь не вижу – плащ мешает. Имеется и рюкзак за спиной, полускрытый капюшоном плаща. Начальник в плаще продолжал тем временем говорить, оказавшись обладателем голоса такой силы, что с легкостью перекрыл поднявшийся после его первых слов гомона.

– Начну с главного – никаких солов в оплату! Только вещами!

Гомон резко оборвался, сменившись разочарованным гулом. Судя по скривившимся рожам гоблинов им словно бы торт сначала пообещали, но все кончилось куском брошенной на пол черствой лепешки. На всякий случай скривил рожу и я – хотя уже решил, что если получится, то обязательно присоединюсь. Награда вещами? Вещами так вещами. Я гоблин не гордый.

– Что за вещи? – вякнул кто-то достаточно звучным голосом.

Ответ был дан тут же:

– Предметы одежды. Немного обуви. На что-то особенное не рассчитывайте.

– Начальник… новую руку на шмотье у Матери не выменяешь!

«Матери»? Это про систему так сказанули? Неслабо у кого-то шиза обороты набирать начала. Неслабо. Хотя посиди тут годков пять аль восемнадцать – и не в такое верить начнешь.

– Верно! – поддержали недовольного.

– Солами давай!

– Шмотье нам без надобности! Еда – сойдет!

– Предметы одежды. Немного обуви – со вселенской скукой в голосе повторил мужик в плаще, одергивая полы приметной одежки – Желающие есть? Подходите сюда по одному.

Я с грустью убедился, что недовольное ворчание хоть и было, но стоило пригласить – и не меньше трех десятков людей встало. Мне с моим локтем, похоже, не светит сегодня поработать… я

ведь гоблин только с виду, а так самый настоящий зомби без одной руки.

– А что хоть за работа? – спросил кто-то из уже вставших – И где?

– Работа проще некуда. Мозги прилагать не придется – на этот раз насмешка прозвучала отчетливо.

– И что делать-то? Долго? Идти далеко?

– Поработать бурлаками. Около двух часов. Отсюда два километра.

Половина вставших – даже больше – тут же уселась обратно.

Бурлаками? Я наморщил лоб. Бурлаками… почему-то в кастрированных мозгах всплыла картина с речным пейзажем и гурьбой мужиков в не слишком современных костюмах.

Я встал. Прижимая левый локоть к боку, чтобы не слишком бросался в глаза, пристроился за двумя зло ворчащими парнями и вскоре оказался в медленно и неохотно собирающей колонне будущих бурлаков. Когда все определились, хотят они поработать или нет, нас быстро пересчитали.

– Восемнадцать… и почти все доходяги… – без каких-либо эмоций доложил начальнику бугай с дубиной.

– Нормально – ответил тот и качнул головой – Двинули.

И мы двинули, вразнобой затопав по коридору. Решившие остаться проводили нас ругательствами и пожеланием сдохнуть, заодно заклеймив как дешевку продавшуюся за пустышку.

– И что делают бурлаки? – спросил я у девушки баскетбольного роста, обладающую невероятно длинными ногами, но при этом делающую такие до странности мелкие шаги, что я без труда держался рядом – к ее неудовольствию. Ну да – она в майке, шортах, кедах и зеленой бандане. Еще и старые налокотники имеет защитные. А рядом с ней шлендает босиком гоблин в криво сидящих трусах…

Оценив меня опытным взглядом, она скривила губы в усмешке:

– Скоро узнаешь. Тяжко тебе придется. Лучше сразу откажись.

– Не – улыбнулся я – Я сперва окунусь. Потом уж решу. Вдруг мне понравится?

– Придурок.

– Может и так – вздохнул я, поправляя шорты – Может и так… Топать еще два километра. Может скрасим дорогу интересной беседой?

– Отвали.

– Значит не скрасим… – чуть замедлившись, поравнялся с идущим сзади – Погоды коридорные нынче так себе, да? Сквозит и сквозит…

– Заткнись и сдохни.

– Ясно – вздохнул я и, глянув на еще одного чем-то крепкого недовольного, сказал – Вот удивляюсь – чего вы в зубы получить не боитесь после таких пожеланий? М?

– Ты чего?

– Без зубов что делать будешь? Как новые клыки отрастишь, жучара ты потенциально шепелявый…

– Где отращу… разве что эльфы знают! Иди молча, а? И не надо меня бить… я и так гоблин жизнью битый. Сдохнуть бы уже. Да вот что-то все никак…

– Это не ответ.

– Ответ на что?

– Выпадаешь из темы, гоблин ты чертов – досадливо сморщился я, в глубине души жутко радуясь, что удалось зацепиться языками, пусть не с помощью вежливости, а угрозами, и разговор пошел – Почему по зубами не боитесь отхватить?

– Почему не боимся? Я вот боюсь. Зубы жалко. Да и больно ведь. Да все боятся – разве что кроме червей и самых опущенных зомби. Этим терять уже нечего. Да они такое повидали, через такое прошли…

– Но мне все через раз желают сдохнуть.

– Может добра желают? – робко улыбнулся беседующий со мной мужичонка, чья дистрофичная стать радовала мое сердце – я не главный задохлик в стаде. Есть и похуже меня.

Именно в стаде. Со стороны глянуть – без слез не обойдешься. Почти два десятка доходяг бредут по освещенному безликому коридору с опущенными головами, шаркают, шатаются, порой постанывают. Мы как стадо отбракованных тощих коров, отправленных на фабрику по производству собачьего корма.

– Тогда сдохни – буркнул я, старательно улыбаясь – В смысле – живи долго и счастливо. Тебе нравится?

– Да серьезно не знаю – вздохнул мужичонка – Тут на окраине все так говорят. Сдохни! Вроде как – отвали от меня, не доставай. Я тоже не сам ведь это придумал. В начале, когда только появился тут с чужими руками и ногами, тоже всех спрашивал. И каждый раз нарывался на «Заткнись!», «Сдохни!», «Отвали!». Вот и привык. Здесь все так живут, одиннадцатый.

– Тут я с тобой не согласен, семьсот девятый – покачал я головой, вспоминая блокированные охраной проходы в отдельные «иглы», уверенных в завтрашнем дне чисто одетых людей – Тут не все в дерьме живут.

– Кое-кому зацепиться удалось. Но мало кому. А я вот с ОРН на УРН перебираюсь. День получается – день нет. Каждый день

кошмары снятся – что меня хватают и тащат в медблок руку отрезать. Так что, одиннадцатый – отвали, заткнись и сдохни! – вспышка эмоций завершилась и, словно бы сдувшийся мужичонка резко отстал, а затем и вовсе пробился на другую сторону стада.

Переживать не стал. Задумчиво посмотрел по сторонам, отыскивая потенциально самого интересного собеседника. Чего время терять? Нам еще километра полтора топать следом за легко шагающими нанимателями. Зацепился взглядом за чем-то знакомый силуэт. Шагах в тридцати шагал мой нерадивый «будильник». Будящая. Номер девяносто один. Однорукая.

Догнав ее, широко улыбнулся:

– Привет ленивым будящим, так хреново выполняющим свой долг. На что потратила два сола, чертова ты девятка с хвостиком.

– Да пошел ты – буркнула девушка, не отрывая глаз от коридорного полна – Сдохни, низушек. Что-то тебе рассказала. До коридора на осмотр дотащила. Что тебе еще?

– Могла бы и побольше рассказать.

– Мне в свое время вообще ничего не рассказали! Просто взяли за шкирку, вытащили в магистральный коридор, парой оплеух подняли на ноги. Потом бросили на скамейку. В себя пришла прямо на улице. Так что ты – прямо блин счастливчик по сравнению со мной. Благодарить не надо!

– Вытащили в магистральный коридор – повторил я – А зачем это вообще делать? Я вот задание прямо с утра получил. Без всякого выхода в коридор.

– Каждый день и не надо. Вообще не надо, если уверен, что попадал в зрение любой полусферы. И если выполнял дневное задание. Если не уверен, что в последние сорок восемь часов попадал системе в глаза – появляться на осмотре надо. Особенно если проснулся и увидел, что в интерфейсе не появилось дневное задание – значит выпал из учета.

– Вот как… но многие каждые день бредут на осмотр. Сам видел.

– Ну да. По привычке. Из страха. Я тоже стараюсь на всякий случай светиться почаще. Еще не хватало без работы остаться.

– Ясно…

– Раз ясно – отвали уже. Я тебе ничего не должна.

– Тебе жалко потратить пару слов?

– Слишком много вопросов.

– Еще бы! А у тебя их не было? Где мы вообще? Что это за место? Кто мы?

– Мы низшие. Понял? Ты гребаный низушек со старперскими руками и почти никакой левой рукой. Будешь ты жить на окраинах долго и счастливо. Сначала орком, потом гоблином,

следом зомби. Потом совсем недолго побудешь червем. Ну и наконец сдохнешь. Где мы живем! Да эльфы его знают! Шагай молча, орк!

– Уже гоблин! – радостно похвалился я.

– Уверенно движешься вниз по пищевой цепочке – невольно фыркнула девушка, впервые чуть повернув ко мне лицо.

Ого… вот это синячище. Черный кровоподтек закрыл собой правую половину опухшего лица. Жестокий удар пришелся и по лопнувшим губам.

– Кто тебя так, девяносто первая?

– Не твое гоблинское дело. Отвали!

– Скажи.

– Отвали! – в зазвеневшем голосе появились нотки подступающей истерики, и я послушно отстал.

Съежившаяся девяносто первая зашагала быстрее, уходя в голову нестройного отряда. Поглядев ей вслед, задумчиво погладил начавший сильнее болеть левый локоть и продолжил шагать уже без расспросов. Кое-что узнал, надо бы это переварить.

Коридоры. Окраины. Вот как чаще всего назывался этот лабиринт коридоров и залов. И населяли эти места черви, зомби, гоблины и орки. Встречались тут и расы рангом повыше, наверное. Но я пока не научился их отличать от остальной массы. Да и они вряд светили социальное положение – никому не нужна открытая зависть замешанная на лютой расовой и классовой ненависти. Это гоблины изо всех сил старались казаться орками, жутко боясь однажды сползти в ряды зомби. Те, кто побогаче не афишировали свой достаток.

Это вот я к чему… а к тому, что кое-какие традиционные законы работают и в этом странном месте.

Вон передо мной шагает тройка – мужик в плаще, бугай в доспехах футболиста и девушка с дощечкой за спиной. Еще двое сзади – подгоняют.

И снова – к чему это ты, гоблин? Что ты терзаешь свою голову? Будь как все зомби и гоблины идущие рядом – ласкай жадным слюнявым взором более чем аппетитную попку шагающей впереди девушки и продолжай шагать. И не мечтай о большем.

То-то и оно…

И я не про мелькающую впереди девичью попку и жалкие гоблинские мечтания. Нет. Хотя и это имеет отношение к простому выводу – кое-какие древние законы человечества в этом странном месте действуют с предельной силой.

Передо мной спины тех, кто обладает куда больше

информацией. Это очевидно. Но каковы мои шансы сейчас подойти к ним и завести непринужденную светскую беседу? Никаких. Я даже «здрасте!» сказать не успею. На меня рявкнут, укажут мне место и я, униженно кланяясь и заискивающе улыбаясь, попячусь со словами «Не сердитесь на глупого наглого гоблина, бвана!».

Почему? Потому что я бедный гоблин. И ключевое слово здесь «бедный», а не «гоблин». Я выгляжу отбросом. А с таким никто не захочет вести беседу.

Так что я даже рад обещанной награде – предметы одежды. Срочно требуется увеличить гардероб.

Ну что? Долго там еще шагать до места обещанной тяжкой работы?

Гоблин жаждет приступить к труду на благо бваны!

До места работ – большого овального зала – добрались без происшествий. Остановившись, радостно похлопал себя по старческим ляжкам – донесли, не подогнулись и даже еще остался запас сил. Отличные новости.

В зале нас дожидалось еще два лениво переговаривавшихся бугая, резко прервавших беседу едва увидели плащеносное начальство. Я с интересом наблюдал. Вот они перекинулись несколькими словами, после чего мужик в плаще поднял лицо к потолку и начал ждать.

Ш-шух…

По потолочному рельсу стремительно неслась небольшая полусфера. Реально неслась! Никакого даже намека на медленное размеренное движение как это на наших гоблинских окраинах. Тут скорость отличного бегуна спринтера!

– Производственная бригада Солнечное Пламя! Задание по очистке седьмого и восьмого механизмов первого блока двенадцатой зоны!

Сфера резко остановилась… и продолжила путь дальше. А в стене зала раздался двойной лязг. Так открываются мощные запоры.

Тут началось неожиданное – четыре бугая бросились к поднимающимся участкам, замерли перед ними, положив руки на дубины с гвоздями. Девушки стояли шагах в семи позади парней, встав так, чтобы им было удобно… стрелять? Другого варианта не вижу. Они заняли позиции стрелков. Не знаю откуда, но знаю это точно. «Дощечки» по-прежнему за их спинами. Легкий гул… и под стеной образовалась двойная темна щель. Секунда… другая… и на пол хлынула грязная вода, невысокой волной захлестнув сапоги бугаев. Их обувь оказалась весьма практичной. А я вот я босиком… а в воде, даже с моего места, отчетливо видны какие-

то твердые вкрапления. Лишь бы не поранить ногу. В рану попадет вот эта мерзкая гадость и… даже думать не хочется.

Участки стены поднялись еще на метр с небольшим и остановились. Секунда. Другая. Третья. Бугаи ощутимо расслабились, выпрямились, руки медленно сползали с дубин.

Прыжок из темноты оказался для меня полной неожиданностью. Стремительная размазанная тень за мгновение преодолела двухметровое расстояние и попыталась вцепиться в ногу одного из парней. Но тот отреагировал с удивительной быстротой. Короткий сильный удар и тень оказалась пригвождена к полу дубиной. Гоблины и зомби подались на десяток шагов назад, загомонили, кто-то, судя по топоту, попытался смыться, но его остановил жесткий окрик. По залитому темной водой полу скребут когтистые чешуйчатые лапы, тулово придавлено дубиной, не разглядеть. Из черных дыр больше ничего не появилось. Второй боец снял с пояса то самое «шило», подошел к прибитому к полу существу и вонзил острие куда-то в тело. Лапы скребанули еще разок, мелко задрожали… и затихли.

– Это что за тварь? – спросил я. Ответа не получил. Дубину же оторвали от пола, тычком ботинка пробитую тушку твари стащили с гвоздей, и она упала в подставленный пластиковый ящик, который еще одним тычком прямо по полу отправили в сторону девушек. Надо полагать трофей?

Но что за тварь? Это не крыса однозначно. Агрессивность зашкаливает. Безмолвность существа пугает сильнее звериного рыка. Тело покрыто зеленоватой мелкой чешуей. Вот почему у бугаев шипастые дубины и «шило» – вряд ли лезвие ножа сработает лучше против природной брони.

– Это что за тварь? – повторил я вопрос. Повернул голову. И понял почему нет ответа – сгрудившееся стадо стояло шагах в десяти за мной. Но они медленно и осторожно подступали, возвращаясь на прежнее место, оживленно при этом перешептываясь. Достаточно было прислушаться и я уловил часто повторяющееся слово «плукс».

Плукс…

Абсолютно ничего не говорящее мне слово. Я покосился на перепачканный пластиковый ящик, от которого тянулся темный с зеленью размазанный след. Грязь и… кровь? Зеленая кровь?

Плукс. Чешуя. Безмолвный. Быстрый. Прыгучий. Зеленая кровь.

Уже немало достоверных данных. Напряги голову, гоблин! Вспомни!

Я напряг… даже лоб наморщил. Но смысл? В моей голове ни единого упоминания о плуксах, кем бы не были эти твари. Когда

думал о чешуе, на ум приходили змеи. Когда думал о существах, живущих в стенах – на ум приходили крысы. Но плуксы…

– Подходим ближе! – окрик плащеносного прервал размышления.

За поднявшимися створками обнаружилось совсем немного свободного пространства. Зато виднелись жутко грязные торцы неких загадочных механизмов, требующих очистки. Из каждого торчало по металлическому кольцу – за каждое зацепили по веревке.

Последовала вторая команда.

– Впрягаемся плечами и грудью в петли! Живее!

Я облегченно выдохнул – петли! Плечами и грудью! Не придется напрягать не работающую левую руку и уставшую правую.

Нас рассортировали с грубой нескрываемой бесцеремонностью. Так лошадей распределяют по упряжкам многоопытные возчики, что с первого взгляда легко определяют выносливость той или иной лошаденки. Меня поставили где-то в середине. Еще одна улыбка удачи. Первым быть плохо – на него все смотрят. Последним тоже – его всегда подстегивают. А так тощий гоблин затерялся в самой середке и с трудом скрывает довольную усмешку. Не забывая при этом прислушиваться к командам от плащеносного из бригады Солнечное Пламя. Ну надо же…

– Вразнобой не дергать! Только по команде «Раз»! Не надо оборачиваться! От этого железная хрень быстрее не вылезет! Смотрим передо собой, дружно дергаем. Чем быстрее дотащите вот до сюда – плащеносный величавым жестом указал себя под ноги – тем быстрее получите награду и отправитесь назад! Если сразу не поддастся – не паникуем! Тут главное с места стронуть – дальше легче пойдет. Когда пойдет команда «Тяни» – изо всех сил налегаем на лямку, упираемся ногами, тянем и тянем без перерыва! Один остановится – из-за него все встанут! Так что сами себе жизнь не усложняйте, гоблины!

Для пояснений ему пришлось изрядно повысить голос – стоял плащеносный шагах в тридцати от нас. Это много или мало? Вроде дистанция плевая. Но насколько тяжел механизм за нашими тощими спинами?

– Гоблины! На соседей тоже не смотрим! Не подначиваем! Это не соревнование! Надорвете хребты – мы вам грыжи лечить не станем.

– Да ты нам и воды напиться не подашь, мразота ты сучья, тварь жадная – послышался за спиной едва различимый знакомый голос.

Не выдержал. Обернулся. За мной стояла впряженная в лямку девяносто первая.

– Настолько жадные? – спросил столь же тихо.

– Сам увидишь по награде, низушек. Если не тупой – то поймешь. Отверни харю свою чертову. И так тошно.

– Ага – кивнул я и снова повернулся к ней спиной.

Обижаться даже не подумал. Девяносто первая явно не в духе и с размаху плюет в душу любому, кто к ней обратится. Но будь у меня лицо разукрашено столь же страшным фингалом я бы тоже сияющей добротой бы сейчас не лучился.

– Готовность! Помним – на Раз! И… три… стоп! Вы дебилы что ли? Эй! Гоблин! Да ты! Я же сказал – на «Раз!». Повторяем! И… раз… два…. ТРИ!

Дернули. Лямка сдавила плечо и ребра. Дыхание со свистом вырвалось из передавленной груди. Мы не продвинулись даже на четверть шага. Остались на месте. Дистанция с тридцать шагов из плевой превратилась в чудовищно длинную.

– Раз!

Натужный скрип за нашими спинами дал понять, что «стронули». Примерно на треть шага.

– Раз!

Дернули.

– Раз…

Ему потребовалось крикнуть «раз» не меньше пяти раз, прежде чем послышалось «Тяни!». И мы потянули. С натугой, с хрипами, сдавленным блеяньем и сипящими матами. Протащили шагов пять. И замерли, когда пара самых слабых остановилась. К моей радости я оказался не самым слабом – меня бы хватило еще примерно на полшага. Соседняя команда бурлаков пошла на опережение и остановилась в паре шагов впереди. Вот гераклы…

– Отдых две минуты!

Минуты пролетели слишком быстро. И снова:

– Раз!… Раз!… Раз!… Тяни!…

Тридцать шагов мы преодолели за полчаса. На каждый шаг по минуте. Отдыхали уже по три-четыре минуты под конец. И все равно последние метры дались очень тяжело. Я был насквозь мокрым от пота, меня трясло. И вот так вот трясясь, не в силах стащить с себя долбаную бурлаческую лямку, я горько осознавал, насколько сильно лоханулся и понимал, почему те, кто поумнее, остались на семнадцатом перекрестке.

Потратил много энергии, перенапрягся, а завтрашняя работа никуда не денется. Я мокрый, с меня буквально льет пот, отдающий острой химией. И дебилу понятно, что организм потерял воду. Скоро почувствую жажду, когда тело даст сигнал,

что надо срочно сделать пару глотков живительной влаги. Но вода будет только вечером. И всего литр. Еще от меня скоро начнет дико вонять. Нужен будет душ. Система может и не среагирует как в прошлый раз – пот не серая слизь, так сразу не заметишь, тут принюхиваться надо. Но все равно душ принять придется – если дадут в долг. Блин… что хоть за награду дадут?

– Подходим ко мне! Забираем причитающееся – голос подала одна из девушек, стаскивая с плеча рюкзак.

Чтоб тебя… рюкзак слишком уж мал для того, чтобы из него можно было достать награду для восемнадцати потных гоблинов.

– Подходим по одному – повторила девушка, также, как и ее начальник силясь не выказать переполняющее ее презрение. Рыба гниет с головы. Начальнику плевать на гоблинов – и подчиненным плевать.

В очереди за наградой я опять оказался в середке. На ладонь легла аккуратно сложенная материя ничем не отличающаяся по качеству от трусов. Отступив, развернул, глянул. Майка. Это серая майка. Рассмотрю позднее. Протолкавшись обратно, снова требовательно вытянул руку. На меня коротко глянули и отвернулись с уже нескрываем презрением:

– Не хами, гоблин. Получил – отвали.

– Обувь – сказал я – Была обещана еще обувь.

– Или-или. Ты получил майку. Кому-то достались шлепки.

– Так сказано не было – не согласился я.

– Кортос! – девушка повысила голос – У нас тут недовольные.

Ко мне с готовностью шагнул бугай. Отгородил от девушки, навис надо мной как скала над червем. Одного упивающаяся своим величием скала не осознавала – ползущему в грязи червю плевать, ведь он даже не смотрит в небо. Вот и я, даже не глянув на бугая, продолжил говорить с девушкой прямо *сквозь* него:

– Мне причитается пара обуви.

Произнес и получил толчок в грудь. С трудом удержал равновесие, сделал несколько мелких шагов назад. Впервые взглянул на бугая, оценивающе осмотрев с ног до головы. С усмешкой спросил:

– Толкнул чтобы показать силу слабому больному гоблину? Да, тупорылый ты отсос? Ты решил показать свою силу слабому больному гоблину? А? Решил показать девушке какой ты сильный и могучий упырок?

– Ах ты сука… – правое плечо парня пошло назад. Медленно, слишком медленно. Когда он нанес удар, я успел сместиться и кулак прошел мимо.

– Стоять!

Резкий окрик заставил бугая замереть. Я повернулся.

Плащеносный широким шагом направлялся к нам.

– Что происходит? – вопрос резкий, властный, чувствуется, что этот человек привык не только задавать вопросы, но и получать на них ответы.

– Гоблин выделывается – сказала девушка.

– Гоблин выеживается – сказал бугай.

– Почти синхронно сказали – восхищенно улыбнулся я – Гоблин в восторге от умений белых господ! Особенно гоблин в восторге от этого тупого упырка – обезьяна умеет говорить!

– Ах ты сука…

Правое плечо бугая пошло назад…

Кажется, это уже было…

– Прекратить! Ты – палец ткнул в меня – Чем недоволен?

– Было сказано – одеждой и обувью. Сюда шли полчаса, здесь полчаса адской работы, назад полчаса. За это были обещано что-то из одежды и обуви. Мне дали майку. Додайте остальное. Это справедливо.

Секунд пять плащеносный молчал, сверля меня долгим взглядом. Сместившийся за его плечо бугай с готовностью покачивался, показывая боссу – дайте мол только сигнал и разотру гоблина в порошок. Вот только играющие на его щеках красные пятна выдавали парня – бедолаге было стыдно. Ведь он так красиво и мощно замахнулся, но не попал по гоблину…

– Ты оскорбил его – легкий кивок главного на бугая.

– Он толкнул меня, и я едва не упал – с легкостью парировал я – Не стоит так радостно распускать руки. Отвечу не ударом, так словом.

– Дайте ему обувь. За смелость и упертость – коротко велел плащеносный – Только ему! Остальным либо то, либо другое.

Благодарить я не стал. Молча принял шлепки из серой то ли резины, то ли мягкого пластика. Уронил шлепки на пол, впихнул в них ноги. Пошел прочь, натягивая на ходу майку. А сам с интересом прислушивался – кто-нибудь еще из славно потрудившегося гобliньего стада попробует и себе выбить дополнительную награду или же нет. Как и следовало ожидать – никто и голоса не подал. Все приняли либо майки, либо тапки, после чего тут же принялись оживленно меняться.

А я принялся рассматривать вытащенные из стены механизмы. Хотя рассматривать тут особо и нечего. Поблескивающие металлические цилиндры стоящие на стальных салазках. В торце кольцо. В задней части два кольца и к ним крепятся натянутые тросы уходящие в стену. Похоже, система сама способна вернуть механизмы обратно в стену. После того как производственная бригада Солнечное Пламя хорошенько

потрудится над их очисткой.

Следующие слова плащеносного дали знать, что моя догадка верна:

– Работа окончена! Все свободны! Для желающих сегодня еще поработать – будьте через два часа на семнадцатом перекрестке. Работа та же. В этом же зале.

Гоблины и орки послушно потянулись к выходу. На потных лицах улыбки – по их мнению они сегодня ударно потрудились, успев выполнить и дневную норму, и побочную приработку. Вряд ли кто-то сейчас трезво оценивает результаты своего сегодняшнего труда. Зато можно вольготно развалиться на скамейках и считать себя тружеником.

– Главное не испачкать… – странное бормотание привлекло внимание.

Девяносто первая. Скрючилась на полу шагах в десяти от извлеченных нами из стены стальных блоков и смотрит неотрывно на лежащую перед ней серую майку, непрестанно бормоча:

– Лишь бы испачкать… как бы донести и не испачкать… черт…

Не став ее пока трогать, повернулся к окруженному подчиненному плащеносному и спросил:

– Если хочу поработать – можно здесь подождать два часа?

– Вали нахрен, долбаный гоблин! Пока я тебе руку не сломал!

Вот что значит не уметь отпускать негативные эмоции! Вот это взрыв… как бугая еще на куски не разнесло после такой вспышки эмоций? До чего обидчивый мальчик…

– Может еще в углу поплачешь, обиженный гоблином? – поинтересовался я лениво.

– Ну все… ты сука попал… я тебя прямо щас червем сделаю!

– Эй! – окрик плащеносного осадил бугая моментально.

Следом – бригадир? – ткнул пальцем в потолок, вкрадчиво поинтересовался:

– Главный девиз напомнить?

– Нет… – потупился парень, успевший все же бросить на меня злобный взгляд.

– Повтори-ка наш главный девиз.

– Да помню я.

– Повтори! – приказ стегнул бугая как раскаленный хлыст.

Вздрогнув, он вытянулся и выдал:

– Повсюду глаза и уши! Бойся!

– Второй девиз!

– Работу делаем на совесть! Старайся!

– Хорошо – чуть смягчил тон плащеносный – Последний

вопрос – с каких пор вместо меня отвечаешь, Кортос? Возомнил себя кем-то особенным?

– Нет… нет, Морис. Ни в коем случае!

– Он ничего такого не хотел – подала робко голос та, кто попросила бугая отвадить чересчур наглого гоблина.

Их связывает нечто больше, чем рабочие отношения? По вечерам поверяют друг другу свои главные секреты, держатся за ручки, а может даже уединяются в жилой капсуле для потных сладких дел? Абсолютно не мое дело. Тем более что я уже успел узнать – мы все здесь стерильны. То есть – либо женщины, либо мужчины. Кто-то выхолощен и зачать ребенка здесь невозможно. Так что потейте в страстных ахах на здоровье, ребятишки. Я отметил ее заинтересованность в судьбе бугая по очень простой причине – теперь знаю кого именно в случае потенциальной заварушки она будет прикрывать в первую очередь. А это уже не мелочь. Случись атака еще одного плукса – с дрожащим тоненьким визгом прыгну в лапы бугая. Его точно прикроют…

– Ты не лезь! – отрезал плащеносный и девушка осеклась на полуслове. Мне достался еще один злобный взгляд – теперь уже от нее.

– Тут есть вина и моей хамской гоблинской хари – покаялся я, подняв правую ладонь над головой – Но было – и прошло. Так можно остаться и потрудиться?

– Больно ты наглый и говорливый.

– Но не в работе – ответил я спокойно.

– Я видел. Налегал ты на лямку старательно, хотя здоровяком тебя не назвать – кивнул Морис – Оставайся, одиннадцатый. Под ногами не путайся. Ответственности за тебя не несем. Но из наших тебя никто не тронет – короткий взгляд пробил бугая навылет, уперевшись в потупившуюся девушку – И доставать не станет. Нашей бригаде нужны те, кто старается изо всех сил.

– Спасибо – улыбнулся я – Мы подождем в сторонке.

– Мы?

– Мы – глянул я на продолжающую что-то бормотать девяносто первую – Она тоже налегала изо всех сил.

– Хорошо.

Беседа завершена. Специально не глядя на бугая и девушку, повернулся и нарочито бодрым шагом пошел обратно. Гоблин полон сил, бвана! Пылает от желания принести пользу! Присев рядом с девяносто первой, услышал то же самое:

– Не испачкать… как бы чистой донести… и ведь положить некуда… дура я…

– Эй.

– А? – очнулась она и, оглядевшись, поняла, что стадо

гоблинов давно уж ушло и шлепает сейчас на родную окраину – Ой…

Это ее девичье «ой», заставило взглянуть на нее пристальней. Фингал закрывал половину лица, но вторая половина, если поскрести хорошенько мочалкой, вполне ничего. Красивая девчонка. Ее бы на самом деле отмыть в пяти водах, расчесать колтун волос, приодеть – и даже косметики не надо. Вслух я сказал другое:

– Нам с тобой разрешили здесь остаться и еще раз поработать бурлаками. Беги и кланяйся добрым господам! Благодари за милость!

– Что? Чего ты за меня решаешь! Хотя я и так собиралась…

– Не потратим силы на ходьбу туда-обратно – пояснил я.

Она скривилась:

– Зато легко нарвемся на блудного плукса! Выпустит тебе кишки – будешь знать!

– А что сразу мне – удивился я – Не зря же я и за тебя переговорил. Ты меня в благодарность и защитишь.

– Насмешил! – буркнула девушка и, так и не решив, что делать с майкой, легла и свернулась вокруг нее калачиком. Замолчала.

Не став ее пока трогать, уселся рядом, снял трофейные шлепки и майку. Принялся внимательно разглядывать награду. Надо же понять, что «будящая» имела ввиду, говоря про «сам поймешь», когда шла речь о жадности нанявшей нас производственной бригаде.

Разгадка обнаружилась сразу. На обуви и майке имелись одинаковые пометки. Удивительнейшие пометки.

Вертикальная стрела с пышным оперением и изящным плоским наконечником обвита побегом плюща. Рядом в столбец написано: «Гуманитарная помощь свыше».

Вот это уже интересно.

Стрела обвитая плющом? Помощь свыше? Я невольно глянул на потолок. Кто там? Или слово «свыше» приведено для красивости и с намеком на божью помощь? Стрелы и растения… куцая цепочка ассоциаций заставила задуматься о тех, кого здесь часто поминают к слову и без – о эльфах.

Но главное слово все же «гуманитарная». Для нее есть один очень приятный синоним – бесплатная. Даровая. Дающаяся просто так. Не надо быть слишком умным, чтобы понять – скорей всего шлепки и майки достались бригаде Солнечное Пламя бесплатно. А вот нам, гоблинам, чтобы получить заветную одежку и обувку, пришлось изрядно потрудится, едва не оборвав жилы. Для бригады мы бесплатная рабочая сила.

– Хи-хи-хи – попытался я изобразить дробный противный смех недалекого гоблина – Все то нас обманывают…

Меня одарили удивленным взглядом подбитого глаза. Но вслух ничего не сказала, продолжив обвиваться калачиком вокруг майки. Пора этот барьер пробивать.

– Кто та кому ты платишь? Расскажи о ней? – спросил, разглядывая стоящие посреди зала механизмы и прогуливающихся вокруг них бдительных охранников.

– А? – девяносто первую подбросило. Усевшись, уставилась на меня – Откуда знаешь?

– Про что?

– Про все! Идиота из себя не строй, гоблин! По больному локтю пну – взвоешь!

– Опять угрозы – вздохнул я, отсаживаясь чуть назад – Ты нормально говорить можешь?

– Могу!

– Звать как?

– Цифры разбирать перестал?

– Так себя и называешь?

– Йорка.

– Как? – поразился я – Йорка?

– Нормальное имя!

– Сама придумала?

– Нет, блин! Родители дали! Что за гоблинские вопросы?

– Йорка… так какой стерве ты платишь дань?

– Откуда знаешь?

– Догадаться легко. Ты прямо молилась над майкой. Бормотала о том, как бы донести в целости и сохранности. Вряд ли над своей майкой стала бы так причитать – тут вся одежда стирающаяся.

– А откуда знаешь, что именно она, а не он?

– Ты слишком сильно переживала из-за того, чтобы не посадить пятно. Боялась взять майку в руки. Если бы несла мужику – тот может и проверил бы на предмет дыр и новизны, но выискивать мелкое пятнышко бы не стали.

– Потому что все мужики свиньи?

– Ну почему же. Я вот гоблин.

– Гоблин… – пробурчала Йорка и уселась – Имя у меня нормальное.

– Вполне – согласился я – Я себя назвал Один.

– Тупое имя! Ты первый что ли? Или как ударение?

– Что придумал – то придумал.

– Оди. Вот ты кто теперь – легко переиначила Йорка.

– Оди – озвучил я для пробы – Оди… почти как Эдди.

– Оди.

– Пусть Оди – согласился я – Ну? Кто она? И за что?

– Тебе-то что, гоблин Оди? О… так еще более идиотски звучит. Ты точно Оди! Гоблин Оди!

– Так мы далеко не уедем – прервал я ее внезапное веселье – Может хватит уходить от темы? Кто тебя?

– Тебе-то что? – с нажимом повторила она – А? Что ты сделаешь? Поможешь мне? Куда там! Рассказать чтобы скрасить ожидание второго раунда жиловыматывательного бурлачества? Перебьешься как-нибудь! А что не разбудила как положено – тут извини. У меня проценты капают. Пытаюсь отдать. Но не получается. Я уже на УРН. Я уже гоблин! Долбаный гоблин Йорка – вот кто я! – рявкнула девушка и зал наполнился эхо – Оди и Йорка – два веселых нищих гоблина!

– Звучит отлично – пожал я плечами – Дружное пати двух гоблинов – Оди и Йорки. И Оди – капитан.

– С чего это? Да какое вообще пати? Выдохни, гоблин.

– К этому мы еще вернемся. Расскажи про долг, проценты, откуда синяк и кому конкретно ты платишь. И давай без твоего любимого сарказма. Я спросил – ты ответила по существу. Попросил уточнить – ты уточнила.

– Да пошел ты – без всякой уверенности в голосе сказала Йорка.

– Последний раз предлагаю свою помощь – ровно произнес я – Подумай. И либо начинай рассказывать, либо забудь.

Повисло молчание. Я же спокойно осматривался.

В овальное помещение ведут три прохода. Два друг против друга, третье между ними. От дальнего входа к нам быстро приближается большая группа. И судя по нетерпеливым жестам плащеносного Мориса он их уже заждался. Вон как машет… и большая группа послушно перешла на бег…

– Где вас носит? – Морис заорал издали – Опоздание на двадцать минут!

– Закавыка с водой возникла – попытался оправдаться примерно сорокалетний мужик, одетый в коричневый комбинезон с желтыми лямками и обилием раздутых от торчащих, казалось, отовсюду грязных тряпок – Пока прополоскались и набрали…

– Мне насрать! Бегом давайте! – снова сорвался на крик Морис – График трещит!

– Уже начали.

В группе пятнадцать рыл – расы назвать затрудняюсь, но вряд ли это гоблины. Самое меньшее – орки. Может даже полурослики, судя по деловитости. Женщины и мужчины. Возрастной разброс большой. Профессия очевидна – чистильщики. Похватав скребки

и тряпки, они дружно взялись за ближайший механизм, принявшись соскребать с него грязь. Морис нетерпеливо ходил вокруг.

Немного выждав, я подошел немного ближе и уверенно сказал:

– Мы прекрасно умеем соскребать грязь. За небольшую плату поможем.

– Да пошел бы ты… – воскликнул Морис и слышавший все бугай радостно подступил ближе – Чистить… – закончил фразу плащеносный и парень огорченно сник. Опять наглый гоблин избежал взбучки.

Морис тем временем торопливо уточнял условия сделки:

– Никаких солов! Оплата вещами. Каждому по шейному платку, бейсболке и… и по пищевому брикету. Не больше.

– И по литру питьевой воды – тщательно скрывая ликование, сказал я и добавил, напоминая – Нам еще бурлачить потом. Потеть.

– И по литру питьевой воды – махнул рукой тот – Бегом давайте!

– Уже начали.

Растолковывать Йорке ничего не пришлось. Увидев, как я на нее указываю, сообразила подойти и услышала самое важное. Мы похватали тряпки, пластиковые скребки и взялись за дело, поглядывая на куда более опытных соседей.

– Спасибо – тихо-тихо пробурчала Йорка.

– Что-что? – подался я ней.

– Говорю – спасибо тебе, чертов гоблин Оди!

– Всегда пожалуйста, гоблин Йорка. Всегда пожалуйста.

Я помнил недавно озвученные бугаем девизы, поэтому трудился без дураков. Дело оказалось сложным. Поэтому мы с Йоркой счищали самые «жирные» пласты чего-то больше всего похожего на смазку вперемешку с мусором. Вскоре приноровились и установили темп. Несколько размашистых движений скребком. Им же собрать с пола грязь в ведро, пнуть его чуть дальше, шагнуть следом. Несколько размашистых движений скребком… я не заметил как пролетело больше часа. Очнулся, когда работа была закончена. Йорка отошла чуть в сторону и с шумным выдохом плюхнулась на пол. Улеглась. Затихла. Я выжидательно глядел на плащеносного, но он беседовал со старшим в команде чистильщиков, а ко мне подошла давешняя девушка. Не глядя на меня, вручила двухлитровую бутылку воды, следом вложенные друг в друга серые бейсболки с шейными платками и пищевыми брикетами внутри. Ну да. Зачем гоблинам посуда? И что с того что в головном уборе еда? Для гоблинов это

норма жизни… Бухтеть не стал – устал сильно. Забрал причитающееся и пошел к Йорке. Уселся, ткнул ее в бок, дал бутылку. Та прямо лежа принялась пить, поглощая воду с невероятной быстротой. Отпив половину, взялась за брикет, но рука замерла, не донеся еду до рта.

– Ешь – понял я ее заминку – Нужны силы. Скоро бурлачить.

– За пищевой брикет, бейсболку, шейный платок и майку от меня отстанут дня на два.

– Ага – с набитым ртом отозвался я – А затем потребуют каждый раз приносить именно столько и не меньше. Чем больше кормишь зверя – тем голодней он становится.

– И что предлагаешь?

– Рассказывай.

Сначала неохотно, но затем все живее, Йорка принялась рассказывать. Вскоре все стало ясно. К середине я зевал. К концу долгой и банальной истории размышлял о чем угодно, но только не о ее словах. А зачем? И так все предельно ясно.

Суть в кратком пересказе – опаздывала с заданием, бежала по коридору, столкнулась с крутой чикой, когда та прилипла к экрану и с визгом пыталась выжить в игровом вызове. Обе рухнули. Причем Йорка божится, что в миг столкновения на экран выскочило сообщение о том, что игровой вызов проигран. То есть она вроде и не виновата. Но на нее свалили вину. И потребовали уплатить тридцать солов штрафа – иначе житья ей не будет. Она отказалась. Сначала. Но после «темной» в узком коридорчике она решила, что дешевле откупиться. Но сумма уже выросла до пятидесяти солов – за непослушание и промедление. Начала выплачивать. Медленно но верно. Почти выплатила – и тут ей сказали, что еще есть проценты, что капают каждый день. Пять солов в день. Или вещами. Вчера она не смогла принести ничего – и дружок крутой чики вломил ей кулаком. Она поняла и сегодня выкладывается по полной – чтобы к вечеру принести хоть что-то в указанное место.

Дура…

Выглядит такой смышленой, но ведь дура…

Выслушав до конца, покивал для вида и встал:

– Пошли трудиться, гоблин.

– А…

– А с твоей истории разберемся после работы.

– Ты какой-то быковатый гоблин. На полуслика боевого прыгнул.

– Ты себя слышишь вообще?

– А что?

– На кого я прыгнул?

– Вон на него – Йорка указала на бугая – Боевой полуослик. Ну почти. Охранник больше. Но все же! Кто бы рискнул… слушай, я уже жалею что рассказала. Сама справлюсь.

– Не справишься – покачал я головой.

– Это почему?

– Потому что они привыкли.

– К чему?

– К ежедневным подаркам. К хорошему быстро привыкаешь, Йорка. И когда хорошее кончается – злишься и делаешь все, что его поскорее вернуть. Ты никогда с ними не рассчитаешься.

– Но… тогда как?

– Сначала поговорим. Вежливо. А там посмотрим.

– Ты себя слышишь? Они толпой тусуются. Пати! Их пять орков! А ты гоблин!

– После работы – повторил я, указывая на вывалившееся из коридора очередное гоблинское стадо будущих бурлаков – Пошли впрягаться, гоблин Йорка!

– Пошли – вздохнула девушка, решительно подхватывая с пола новую майку, заматывая в шейный платок, тот убирая в бейсболку, а ее нахлобучивая на голову – Я готова к труду. Но все же ты какой-то слишком быковатый, гоблин Оди…

Глава пятая

– Ты придурок и ты гоблин!

Уже лучше. В самом начале, когда я описал Йорке что именно от нее хочу в грядущих переговорах, она сказала одно короткое «Нет!» после чего попросту замкнулась, съежилась как выпавший из гнезда птенец, отодвинулась и обратно мы шли в гробовой тишине.

Я уговаривать и торговаться не стал. Рано пока. Пусть маринуется в собственных страха, сомнении, злости, мыслях о будущем, пусть вспоминает те унижения, через которой ей пришлось пройти, пусть ощупает вспухшее от страшного удара лицо. Судя по удару, по его расположению, она даже не пыталась увернуться и приняла чужой кулак с покорностью подушки. Бум. И побитая зверушка побежала собирать дань…

– Ты придурок! – повторила Йорка, не дождавшись от меня ответа.

До наших Окраин – как я решил для себя официально называть те коридоры и клуксы – оставалось метров четыреста. Уже виден семнадцатый перекресток и терпеливо сидящие ряды гоблинов. Я настолько свыкся с этой классификацией, что ряды сидящих людей показались мне зелеными.

Я молчал…

– Конченый придурок! Ты понимаешь, что они со мной сделают? Понимаешь? Посмотри на мое лицо!

Я молчал…

– Оди! Говори со мной, гоблин!

Я неохотно разлепил губы:

– Решать тебе.

– Давай обсудим. Чуть изменим твой план. Оди…

Я молчал.

– Оди!

Я задумчиво смотрел на медленно приближающийся перекресток. Оттуда начинается оживление в коридорах, там уже спокойно не поговорить. Пока что мы в «путевых» коридорах, как я обозначил их в своем внутреннем картографическом атласе и путевом дневнике. Хотя местные чаще всего называют соединяющие зоны и блоки коридоры еще проще – дороги и тропы. В зависимости от ширины и оживленности коридоров. Вполне разумно.

Получается до места бурлачества от семнадцатого коридора мы шли преимущественно дорогой, затем часть пути передвигались тропой. Вполне понятно. Хотя «путевой коридор»

звучит круче.

– Оди! – Йорка тоже понимала – еще двести метров и поговорить нормально не удастся. Сделав шаг шире, развернулась, загородила дорогу – Стой! Ну же!

– Решать тебе – повторил я – Послушай… с ними не удастся договориться. С этими тварями вообще нельзя договориться.

– Я знаю! Они злобные твари! Им нравится издеваться!

– Нет. Не поэтому.

– Да ты бы слышал, как они со мной разговаривают!

– Им нравится чувствовать себя всемогущими – признал я – Им нравится ощущать твой животный страх и понимать, что они могут с тобой сделать что угодно и им за это ничего не будет. Скоро один из них просто прижмет тебя к стенке, стянет шорты и трахнет.

– Эй!

– А то такого тут не бывает?

– Редко… но…

– Никто из них тебя не поимел по очень простой причине, Йорка.

– Какой?

– Эти твари всегда очень тонко чувствуют ту грань, за которую заходить не стоит. Они чувствуют, что нельзя требовать от тебя такого – пока что нельзя. Но эта грань не стоит на месте. Она все время движется. Сегодня нельзя, но через еще десяток ударов и увеличения ими же придуманных процентов до феерических размеров – тебе предложат погасить часть долга иным способом. Так что даже насиловать не придется – просто грубый секс со сломавшейся ментально жертвой.

– Да пошел ты!

– Как скажешь – я шагнул вперед и мне в грудь уперлась ее ладонь.

– Стой!

– Стою.

– Ты чертов придурок! Гоблин!

– Так стоим или идем?

– Стоим! Слушай… откуда ты все это знаешь?

– Понятия не имею – улыбнулся я – Помнишь? Память блокирована.

– Так почему?

– Что почему?

– Ты сказал, что с ними не договориться. Но не потому, что им нравится издеваться надо мной. Тогда почему?

– Ты приносишь им выгоду – медленно и четко проговаривая каждое слово сказал я – Ты бедная тощая овечка, с которой они

каждый день состригают клок шерсти. Каждый день ты делаешь их богаче. Ты один из источников их дохода. Такие как они смирятся с потерей визжащей перепуганной жертвы. Всегда можно найти новую девочку для битья. Но вот отказаться от выгоды… Поверь, Йорка – у них много жертв для издевательств.

– Знаю.

– Но мало тех, кто исправно приносит что-то «вкусное» каждый день. Каждый день! Вдумайся! Они считают тебя своим отличным активом. И не отпустят просто так.

– Активом… выгода… кто ты такой?

– Я гоблин Оди. Ну? Решай.

– Хотя бы чуть иначе… чуть мягче…

– Это и так мягко. Слушай… хватит искать лазейки. Тут всего два варианта. Всего два! Первый – оставляем все как есть. Бери чуть испачканные майку с бейсболкой и неси им. Не забудь встать на колени. И приспусти шортики – вдруг сегодня именно этот день.

– Сдохни!

– Второй вариант – ты раз и навсегда решаешь для себя что ты больше не жертва. И тогда мы идем прямиком к ним, и ты четко и внятно им говоришь то, что я тебе сказал.

– Но почему в клуксе?

– Соваться на их территорию неподготовленными? – улыбнулся я – Ну уж нет. Все начнется в общественном месте. Там, где много чужих глаз. И где постоянный пригляд Матери… так ведь вы называете систему? Мать…

– Называем – кивнула Йорка. Отвечала машинально, явно погруженная в тяжелые раздумья. Она принимает важнейшее решение в своей жизни. Решает, как она будет жить дальше. И отвечает, чтобы потянуть время – И я ее так часто называю. Мать.

– М-да…

– А что? Сам посуди, Оди – она и тебя родила.

– Ну нет. Она пришила мне первые попавшиеся конечности и выплюнула в тупиковый коридор Окраины. Выплюнула прямо в грязь и дерьмо.

– Знаешь почему ее называют Матерью?

– М?

– Потому что она кормит нас, поит нас, приглядывает за нами. Только благодаря ей тут не творится форменное безумие, есть хоть какой-то порядок. Она защищает нас.

– Отрезает нам руки – подхватил я.

– Какая мать не наказывает свое дитя? Но она всегда готова простить, если ты взялся за ум. Всегда дает шанс – даже поганому червю. Она наша Мать. Пусть не лучшая на свете – но Мать.

– Меня ты не убедила. Так что, гоблин Йорка… твое решение? Решаем сами? Или будешь уповать на Мать?

– Мне стоило проломить тебе голову, гоблин! Когда ты еще лежал у моих ног весь в слизи и без сознания.

– Ты упустила свой шанс – улыбнулся я, уже зная ее ответ.

– Сделаем по-твоему! – сжала она челюсти и набычилась – По-твоему! Чтоб ты сдох, гоблин Оди!

– И тебе не хворать, гоблин Йорка.

– Про пати ты серьезно?

– Само собой. Причем немедленно. Один за всех – и все… – я с ожиданием посмотрел на нее.

– Понятия не имею чего ты сейчас ждешь – с недоумением ответила она.

– И все за одного – вздохнул я – Гоблин ты и есть гоблин. Пошли… перекусим заодно чем там ваша Мать угостит. А угощает она всегда одним и тем же.

– Еду и питье дарует.

– Ты ведь не фанатик религиозный?

– Может и верю. А что? Знаешь, как мне тяжело приходилось… поверишь тут…

– Все секты являются в миг, когда человеку особенно тяжело – назидательно сказал я – Когда он одинок и наиболее уязвим.

– Заткнись и сдохни! Я ведь не считаю ее божеством!

– Вот так-то лучше.

– А может не будем брать воду и брикеты? Сегодня и так три раза ели. Сэкономим два сола.

– Ну нет. Нам нужны силы. Ни за что не поверю что те амбалы с дубинами едят по три брикета в день и оттого нарастили такую гору мышц. Их кормят на убой. Их тренируют. И снова кормят. Поэтому у них сила и быстрота.

– Тогда поедим… пошли?

– Пошли – кивнул я и мы двинулись к семнадцатому перекрестку – Слушай…

– Что?

– А как ты руку потеряла?

– Заткнись.

– Понял… еще не время для душераздирающих доверительных историй?

– Нет. Сдохни, гоблин.

– Ну ладно. Подождем…

* * *

Начало моего плана просто гениально – ничего не делать и просто отдыхать, пялясь в высокий потолок и размышляя о бренном. Так и поступили. Вплоть до молчания. Моя мелкая голова тупого гоблина получила столько информации и переживаний за сегодня, что требовалась небольшая пауза. Тем более день еще не закончен и впереди самое интересное.

Йорка должна был отнести дань в девятый коридор – на девятую тропу на местном жаргоне – к восьми семнадцати вечера.

Именно в 20:17 ровно.

Почему?

О. Это не каприз наглых тварей. Нет. Просто в 20:17 по девятой тропе проносится мелкая полусфера системы и в следующий раз заглядывает в этот один из множества переулков Окраины только через тридцать три минуты. По выспренным словам Йорки – это сумрачное время, когда Мать не видит. Когда она это произнесла – на полном серьезе – я ржал так, что на нас обратила внимание добра сотня гоблинов и зомби.

Сумрачное время, когда Мать не видит…

Тридцати трехминутное окно полной безнаказанности. Что можно сделать за тридцать три минуты с молодой и уже запуганной девчонкой? Да много чего. После чего еще останется время спокойно уйти и остаться незамеченным системой. А на внимание остальных банде плевать. А это банда.

Идти к девятой тропе и там выяснять отношения? Какая глупость. Зачем? Пусть сами придут.

Это и был план. Мы сидели и ждали.

Время?

Текущее время: 20:36.

– Не идут – в восьмой, наверное, уже раз повторила Йорка.

– Придут – спокойно ответил я – Давай о более важном.

– А есть такое?

– Ага. Ты сегодняшнее задание выполнила? Гоблинское.

– Выполнила.

– Система запрос дала?

– Висит перед глазами. Мешает. А убрать нельзя пока не ответишь.

– И у меня – кивнул я, глядя на девушку сквозь зеленые слова.

Запрос простой и лаконичный. Сухой и бездушный.

Перейти на Обычную Рабочую Норму? (ОРН)
Перейти на ОРН Остаться на УРН.

– И что ты ответила?

– Тебя о том же хотела спросить. Раз мы собрались пати делать…

– Сегодня и сделаем – пообещал я – Только давай разберемся с нормами. Рискнем сбросить кожу гоблина и примерить шкуру орка? Снова.

– Давай! Солы! Солы! Солы!

– Мне нравится твой боевой клич, гоблин Йорка – я растянул губы в понимающей усмешке – Очень нравится. Переходим на ОРН.

На мое нажатие интерфейс отреагировал… никак не отреагировал. Просто запрос исчез.

Возмутившись, забрался в меню и проверил статус.

> Номер: Одиннадцатый.
>
> Ранг: Низший (добровольный).
>
> Текущий статус: ОРН. (стандартное трехразовое питание и водоснабжение).

Отлично. Вопросительно глянул на Йорку. Так кивнула и показала поднятый большой палец. Мы снова орки. Демонстративно пощупал нижнюю челюсть, провел пальцами по зубам. Йорка не выдержала, рассмеялась – поняла, что я проверял не увеличилась ли челюсть и не выросли ли клыки. Не знаю как у нее с памятью, а лично я при слове «орк» вижу мысленную картинку огромного и свирепого мускулистого амбала с зеленой кожей, гривой черных волос и блестящими белыми клыками. Я на такого внешне и близко не тяну.

Задание?

Задания пока нет. Выдадут ночью.

– С утра выполняем задания вместе – сказал я – Какое первое – решим по ситуации.

Не спросил. Сказал. И Йорка еще раз молча кивнула, признавая мое лидерство.

– Забыл уточнить – вспомнил я – Понятно, что есть система наказаний от системы. Иначе не стали бы так испуганно поглядывать на полусферы. И наказания, как я понял, очень серьезные.

– Очень! – поежилась моя новая напарница – Ты не представляешь!

– Ну почему же. На фантазию не жалуюсь. Такое могу себе представить что самому порой страшно. Но хочется конкретики. Что за наказания?

– Ну… если украдешь чужое и система заметит – придется вернуть и тебя оштрафуют на все солы что есть на балансе.

– Сурово. А если я червь? Незаметно подполз и сожрал лежащий на скамейке пищевой брикет – на ходу сымпровизировал я – У меня за душой ничего. Что с меня возьмут? Не с желудка же пищу заберут…

Мелочи решают все. Поэтому о системе наказаний надо знать каждую мелочь.

– Червю ничего не сделают – пожала плечами Йорка – Да и зомби ничего не сделают.

– То есть если я украл, но у меня на счету ничего нет – система отступится.

– Ага. Я так знаю. Но ты же понимаешь, что тот, кого ты обокрал, подкараулит тебя однажды в коридоре и… Обиды не прощают!

– Вот ты подкараулила обидчиков?

Йорка насупилась, обиженно отвернулась.

– То-то – сказал я – Терпил на свете хватает. Кто-то забирает нагло. Кто-то предпочитает воровать. С этим ясно. Что с мордобоем?

– Тут все просто! Если ты кого-то избил – его отправят на осмотр в медблок. Это важно.

– Почему?

– Если ты серьезно повредил ему ноги или руки… неважно как – кость сломал или рану нанес…

– То я нанес вред не гоблину избитому, а самой системе – понял я и покосился на свои старческие ручонки – Комплект конечностей нам не принадлежит. Он арендован у системы на условиях ежедневной оплаты.

– Точно. Система оценит ущерб – и вынесет штраф. Там от пятерки до полусотни. Пятьдесят – если, к примеру руку придется удалить.

– И жертве пришьют новую руку?

– Нет, конечно. Ты же системе долг отдал.

– Вот это прямо плохо… – я удивленно откинулся на спинку скамейки – Это прямо трындец… ты представляешь какую власть это дает бригадам? У них есть деньги. И, стало быть, они могут легко послать бойца с топором наказать кого-то. Это же не дыра, это дырища в законодательстве! Явится ко мне злобный кровавый ампутатор с топором и…

– Кто?

– Ампутатор! Кровавый! Это я к слову. Вот явится он. На счету у него двести солов. Он легкими и непринужденными движениями отрубает мне руки и ноги. Прямо на глазах у системы. После чего платит двести солов – и уходит. Так получается? Богатые правят миром? Хотя где это не так…

– С ума сошел? Ты же умрешь если тебе руки ноги отрубить! Да даже если одну руку отрубить – чудом спасают! – Йорка мельком глянула на культяпку правой руки.

У нее нет правой. У меня нет левой. Мы дополняем друг друга… и смешно и грустно.

– Предположим – кивнул я и немного сбавил обороты фантазии – Одну руку! Он рубит мне одну руку, не забыв перетянуть ее жгутом – чтобы я не истек кровью. Это уже вполне реально.

– Так и делают – грустно сказала Йорка.

– Хочешь сказать – насторожился я, снова глянув на ее культю.

– Нет. У меня по другой причине. Но часто бывает, что кто-то из особо наглых теряет вдруг руку или ногу. С бригадами лучше не ссориться. Никогда. Но тут не совсем так, Оди. Наказание есть. Поэтому руки рубят исподтишка, когда никто не видит. Если ты кого-то серьезно изобьешь – система накажет. Тебе понизят уровень до гоблина, тебе отрубят минимум одну конечность на выбор системы, а могут и две. Заберут с баланса все имеющиеся солы. И это еще не все. Тебя лишат возможности пользоваться банкоматом на год. Это в первую очередь.

– Это уже серьезней – признал я, мысленно прокрутив перед глазами список перечисленных наказаний.

Лишение солов.

Лишение руки. Ты почти зомби. Если система заберет две конечности – ты гарантированный зомби.

Падение до гоблина – привет УРНа, я твой мусор. Копейки за задания.

Лишение банкомата – самое серьезное наказание. Никто не сможет перевести тебе солы, и ты не сможешь наведаться в медблок и пришить себе новую руку или ногу.

Это серьезно. Бригада легко прокормит искалеченного системой бойца. Сытная пайка обеспечена. Но год ходить без руки… и не дай бог поссоришься с бригадой – превратишься в обычного почти беспомощного зомби. Я бы на такое задание не пошел.

– Доступ к банкомату могут досрочно вернуть за хорошее поведение и выполнение заданий – добавила Йорка.

Я рассмеялся:

– Все же богатые правят. А наказания не слишком серьезное.

– Я толком не уверена. Но вроде везде свои тонкости – пожала плечами Йорка – Так просто никого калечить не дадут. Поэтому систему и называют Матерью.

– И главное – убийство. Что хорошего дадут за него?

– Тебя сделают червем – коротко ответила девушка – Со всеми прочими лишениями – денег, уровня рабочей нормы, банкомата…

– Надолго?

– Там по-разному. Я про начало знаю. Зависит от уровня нормы. О! Забыла про червей! Если убил одного из них – заберут только две конечности из имеющихся. Лишение банкомата на год. Если убьешь зомби и выше – тебя сделают червем. Но срок лишений разный. Убил зомби – через полгода вернут возможность пользоваться банкоматом. Убил орка – через год. Убил полуслика – три года. Дальше не знаю. Хорошо ведь? Мать защищает.

– Ну…

Ранжирование наказаний логично. Понятен выбор системы. Ей не с руки терять хорошо трудящихся людей. Червя не особо жалко – он конченный, чего с него толку? Зомби – тоже особого прибытка нет. А вот гоблины и орки – пусть мало, но трудятся, чистят, скребут, делают другую порученную работу. Полуслики – это уже считай другая каста, рабочий костяк, неистовые труженики. Отсюда и такое наказание за отнятую жизнь полуслика. Что ж… кое-что прояснилось… И стала понятна роль банкомата – этот агрегат весьма важен.

– Ранг убийцы имеет значение?

– М?

– Если я орк и убил орка – понятно – пояснил я – А если я полуслик и прикончил ничтожного червя? Тоже заберут руки и лишат банкомата на год?

– Слышала, что за случайное убийство червя – там правда все случайно произошло – полуслика лишили только денег на счету. Но червь – это червь. Сам понимаешь…

– Ну да… у червей ведь нет жажды жизни и справедливости. Они просто черви – дави не хочу.

– Идет… – только-только распрямившаяся Йорка опять съежилась.

Я укоризненно вздохнул:

– Эй! Гоблин! Договаривались же! Хватит ежиться!

– Я уже орк! – огрызнулась Йорка – Заткнись! И сдохни! Страшно же…

– В этом суть. Насладись страхом – посоветовал я – Почувствуй как тебя лихорадит, как стучит сердце, как выступает пот…

– Заткнись!

Хмыкнув, опустил левую руку под стол и незаметно провел по резинке шорт. Тут безопасно, большая полусфера почти над

нами. Но все же… просто проверил…

Теперь можно и глянуть – кто там к нам пожаловал и с какой целью.

Глянул. Понимающе хмыкнул. Ну да – не самим же боссам искать вдруг не явившегося строптивого гоблина. Бред какой. Пошлют на поиски мальчика на побегушках. В данном случае – девушку на побегушках. Без левой руки, хромающую и с озлобленным выражением лица.

Интересно как она начнет беседу… наверное вежливо и непринужденно…

Посланец остановился шагах в семи от нашего столика. Вытянула руку, ткнула в Йорку. Со старательной, но не умелой угрозой просипела:

– Ты! Давай за мной, сука!

Ну… во всяком случае непринужденно…

– Ути боже мой – прыснул я, изумленно глядя на тощую мымру пытающуюся быть крутой. С внешностью ей не повезло. Типичный мужик. Не будь округлостей под майкой и длинных спутанных волос – спутал бы с мужчиной.

– Ты ваще заткнись, урод! Пока кости целы! Закрыл пасть! – завопила вдруг девка, предварительно зыркнув на потолок и лишь потом осмелившись полоснуть себе пальцем по горлу – Иначе сдохнешь!

– Пошла нахер, тварь – со скукой произнес я – Дешевка на побегушках. Иди и сдохни в попытке подлизать боссу еще сильнее.

– Ты…

– Свали нахер я сказал! – приподнявшись, рявкнул я. От завибрировавшей в моем голосе злобы и стали вздрогнула не только посланница – дернулась Йорка, за соседним столиком упал с лавки гоблин.

Тишина… так и застыла она с полураскрытым ртом. В ней внезапно проснулся инстинкт самосохранения. И сейчас инстинкт боролся с ее глазами – ведь перед собой она видела гоблина со старперскими руками. А глубинное подсознание ей истошно кричало – заткнись, заткнись, дура! Ничего не говори! Развернись и уходи! Она бы ушла сразу, но вот приказ…

Пришлось ей помочь. Усаживаясь, пробурчал, уже не глядя на нее:

– Скажешь своей главной – девяносто первая с долгом рассчиталась сполна! Она больше ничего не должна! Ни единого сола! Всем вашим передай то же самое, слышишь, дешевка? Девяносто первая вам больше ничего не должна! А теперь свали с глаз моих, дерьма кусок!

– Как… как ты со мной…

– Свали нахер!

Этого хватило. Опустив глаза, она развернулась и ускоренным шагом двинула прочь. Докладывать.

– Спектакль еще не кончен – со смешком предупредил я Йорку, решившую, что уже можно что-то говорить.

И точно. Сделав три шага, девка обернулась, зыркнула сначала на меня, потом на Йорку, следом на потолок и снова на Йорку. И аж давясь от черной злобы пообещала:

– Тебе конец, сука! Конец! Порежут на куски! Червем ползать будешь, тварь!

Только после этого она ушла окончательно. Проводив ее долгим взглядом, я широко-широко улыбнулся, растянув губы до предела. Чтобы мою сверкающую улыбку видели со всех сторон – и даже с затылка.

– Нам конец. Теперь и тебе тоже – удивительно спокойно поведала мне Йорка.

Перегорели в ней эмоции. Самое страшное случилось – она осмелилась сказать «хватит!» пусть и с моей помощью. А это самое страшное. Остальное – возможные побои, увечья – уже не так страшно.

– Ну нет – сказал я – Нам не конец. Продолжаем ждать.

– Думаешь явятся?

– Таких как ты у них много? Платящих дань гоблинов и орков.

– Рыл десять наберется точно. Вечерами все в одно место приходят – обычно к девятой тропе. Смешно… стоим гуськом, протягиваем наработанное за день, по очереди получаем по хлебалу, один за другим обещаем завтра постараться сильнее, ждем милостивого кивка и расходимся. И все это – не глядя друг на друга. Потому что стыдно показывать себя вонючей трусливой тварью отдающей последнее и не могущей сказать «нет». Как?! Как они со мной такое сделали?! Я ведь даже ни в чем не виновата!

– Они почувствовали в тебе слабину – пояснил я – Учуяли мягкое место. Податливость. И поспешно всадили туда отравленный коготь – угроза, давление, хорошо им известные словечки что действуют безотказно. А ты позволила им сначала себя уговорить, затем разрешила ударить. Следующий шаг – открыть пошире ротики или раздвинуть ножки.

– Пошел ты! Сдохни!

– Это было бы неизбежно, Йорка. Ты девка симпатичная. Сегодня-завтра один из них потребовал бы…

– Джонни – перебила меня Йорка, медленно кивая – Точно!

Это он ударил меня. И он же намекнул, что если завтра не принесу чего-то действительно стоящего… то меня ожидает сюрприз, что может даже типа оказаться мне жутко приятным…

– Вот ее – я ткнул пальцем в сторону, куда ушла злобная посланница – Ее уже поимели. Другое слово не придумать. Была жертва. Стала подстилкой. Теперь она налитая злобой приспешница мечтающая только об одном – чтобы не она одна оказалась такой невезучей. Все ждала, что сегодня и тебя растянут на грязном полу. А тут такой облом – ты сумела проявить смелость и наконец-то сказала – нет! Хватит!

– Я молчала.

– Ты мне не мешала.

– Ну да. Не мешала тебе копать нашу общую могилу. Идут. Что мне делать?

– Сиди спокойно – спокойно сказал я.

– А если договориться миром не удастся?

– Точно не удастся – оповестил я ее, рассматривая двигающуюся к нам делегацию.

– Ты же говорил, что шансы договориться есть! Миром!

– Да. Говорил.

– И?

– До этого я не видел Джонни – вздохнул я с грустью, глядя на того, кто, будь его кожа зеленого цвета, вполне бы мог быть истинным орком.

– Вот черт! Ты что говоришь?! Нам надо договориться! Надо!

– Не дергайся. С таким не договориться. За километр же видно – он тупой, жадный и болезненно гордый. Вон как пыхтит и рычит. Такой предпочтет потерять выгоду, но не лишиться мнимой репутации.

– Вдруг получится! Оди!

– Дам ему шанс – дернул я плечом – Пусть начнет говорить первый. С первых слов все будет ясно.

– Твою мать…

Размашисто шагающий мужик приближался и приближался. С каждым его шагом я получал больше информации. Белокожий. Громадный. Жир вперемешку с мышцами. Огромное пузо торчит из-под майки, ручищи как свиные окорока. Ляжки бычьи. Шорты в облипку. Голова мелковата для его габаритов. Злобно сверкающие глаза смотрят из-под выпуклого маленького лба. Черные волосы торчат в разные стороны, образуя что-то вроде неумело начесанной львиной гривы. Он еще и злобно скалится, старательно демонстрируя зубы. Работает на публику. Лютый огромный зверь – само собой хищный. Само собой черногривый лев. По имени Джонни. В майке, желтоватых штанах, красных

сланцах. Пузо придавило бедолагу ремень с коего свисает пластиковая дубинка.

За лидером топают еще четверо. Девушка и три парня. Все они младше лидера лет на пять-десять. Все они наслаждаются своим положением и явно ожидают веселого развлечения. А уже за их спинами ковыляет посланница, держась шагах в десяти позади. Ну да – она так… никто… прислужница, а когда под рукой нет кого-то посимпатичней – сгодится и для небрежных потрахушек.

Еще толком не подойдя, Джонни разинул и бешено заревел:

– Сука! Гнида! Падла! Мразь! Иди СЮДА! – пальцем-сосиской Джонни ткнул себе под ноги – Сюда, соска долбаная! СЮДА! Молись, падла, чтобы я тебе твои сучьи мозги не выбил разом! Не иди! Нет! Ползи, с-сука! Ползи-и-и! – он разинул рот ширше и полился такой мат, что я аж рот приоткрыл, старательно внимая этой безбожной чернухе.

Мой вердикт оправдался – с этим не договориться. Это очевидно. Такой понимает только один язык – силу. Поэтому я спокойно продолжил слушать. И едва не пропустил момент, когда неподвижно сидящая Йорка вдруг начала ме-е-едленно подниматься. Будто завороженная. Пришлось ткнуть ее ногой под столом. Девяносто первая очнулась, удивленно вздрогнула, захлопала глазами, глядя на меня с потрясением.

В Джонни я немного ошибся – он и впрямь тупой, жадный и болезненно гордый. Но при этом в нем есть искра странного и немного тошнотворного таланта. Что-то от священника? Только Джонни пользуется угрозами и руганью и вместе эта мерзкая смесь действует как огонь на мотылька – заставляет покориться и лететь к губительному свету.

Когда до него дойдет?

Потребовалось еще секунд тридцать прежде, чем он допер – Йорке плевать на его слова. Она не двинется с места. До этого все его внимание было направлено на нее. Сейчас же, поняв, что без чужой помощи тут не обошлось, он медленно повел головой, нацеливаясь на меня. Ткнул пальцем – вспомнилась сразу злая прислужница – сглотнул скопившуюся слюну, хрустнул шеей. Сейчас грянет новый матерный залп… Но я не позволил. Продолжая сидеть, состроил глумливую физиономию и тоже навел палец. Только он целился мне в лоб. А я опустил руку пониже. И с все той глумливой ухмылкой спросил:

– Эй, толстозадый. У тебя что на самом деле такой крохотный? Шорты в облипку… тебе не стыдно так ходить и всем показывать своего сдавленного крохотного джонни? А яйчонки твои шортами не натерло? Хотя ты такой уродливый, что всем

плевать на остальное. Эй, гоблины! Гляньте! Он же урод! А эти его черные патлы? Он думает это круто? Твою мать! Вот же ты страшный! А эти ляжки… с них можно тонну жира выжать! Если тебя по жопе с размаху пнуть – сколько часов она будет трястись? Бьюсь об заклад – два часа минимум трястись будет!

Место вокруг нас стремительно пустело. Зомби, гоблины и орки расползались спиной вперед, не в силах оторвать от меня глаза – не каждый день какой-то придурок сам себе подписывает смертный приговор. Но как красиво он это делает! Так красиво и так ярко, что сам Джонни Лев застыл тупорылым истуканом с отваленной челюстью и никак не может прийти в себя – ведь еще никто и никогда, никто и никогда…

Где его реакция-то? И впрямь стоит с отваленной челюстью и ничего не делает…

Пришлось с треском врезать ладонью по столу. Джонни вздрогнул. Свел разъехавшиеся глаза, захлопнул челюсть. И резко начал багроветь – его рожа стала кирпично-красной за секунду. Дошел наконец-то до него смысл сказанных слов. Как бы он хотел сейчас стиснуть ручищи на моей шее… это неистовое желание написано у него на харе крупными буквами.

– Я тебя… я тебя… я с тобой…

– Ты со мной? – переспросил я – Пошла ты, уродина! Я с такими страшными не встречаюсь!

Где-то в глубине зала раздался блеющий смешок. Такой коротенький. И такой важный. Ведь все наконец поняли – над Джонни Львом вовсю стебались. А он, такой грозный и сильный, стоит и ничего не может сделать. Прямо над нами перевернутый купол стационарной полусферы наблюдения. Система бдит. Мать приглядывает за детишками и в любой момент готова покарать нарушителя ее законов.

Будь Джонни умнее и острее на язык – он бы может и сумел провести ответную словесную атаку. Но он не привык к тому, чтобы над ним стебались. Новая для него ситуация. Унизительная. Потерял лицо. И никак не может собраться с мыслями.

– Я тебя…

– Заткнись! – мой голос прозвенел стальной струной и Джонни осекся на полуслове.

Поднявшись, я чуть наклонил корпус вперед. Указал подбородком на Йорку и заговорил, стараясь вбить каждое слово будто гвоздь в его крохотную голову:

– Она добрая. Решила все просто закончить. Раздолжилась. Проблема решена. Даже меня уговорила. Так вот, сраный ты жирный Джонни. Я даю тебе и твоей кодле шанс и советую его

принять. Мы в расчете с вами. Никто никому не должен.

– Я убью тебя – просипел жирный лев.

Ясно…

– Мне над тобой и дальше смеяться, сарделька ты свиная? – спросил я, убирая металл из голоса – Или поймешь, что не стоит со мной на словах бодаться? Валите отсюда.

– Я тебя изуродую… червем сделаю… и каждый день буду находить тебя и…

– Смотрите, гоблины! Вонючий холодец заговорил! – заголосил я – Слава гниению – оно дало холодцу разум!

– Я тебя…

– Пошли! – главаря дернула за плечо девушка. Статная, высокая, с приятными изгибами. И хорошо одетая. Вот кому уходила дань Йорки. Вот кого она толкнула во время игрового вызова – якобы. И эта штучка поумней главаря. Мы встретились с ней глазами. Она первой отвела взор. Дернула сильнее продолжающего что-то бубнить Джонни – Пошли! Потом, Джонни! Потом!

Подействовало. Развернувшийся с грацией обделавшегося в трико бегемота, Джонни зашагал прочь. Все порывался обернуться, вернуться. Но повисшая у него на жирной руке девушка не позволила. И утащила за собой и остальных. Кто в их банде настоящий лидер? Не лидер… серый кардинал с грудью третьего размера. Поймав ее брошенный назад взгляд, я громко сказал во всеуслышание:

– Не лезьте к нам! Если полезете – я возьмусь за эльфийский цветок. И заставлю пожалеть каждого, кто к нам сунется! Каждого! С эльфийским цветком не шутят!

Джонни свирепо дернулся. Его остановили. Потащили. Еще один задумчивый взгляд в мою сторону. И бьюсь об заклад – все до единого из услышавших теперь будут гадать только об одном – о каком еще эльфийском цветке трещал сейчас этот гоблин? М?

– Вот теперь нам точно конец – с чувством сказала Йорка и в голос рассмеялась, от избытка чувств колотя ладонью по столу – Но я не жалею! Хотя бы сейчас, но не жалею. Как ты его называл? Умора!

Ее аж скрючило от смеха. Я и сам не удержался от улыбки. И у меня снова появилась надежда, что дело может решится миром. Если у той девушки есть влияние на лидера… хотя после моих слов… Но ведь можно всегда делать вид, что вот-вот тому наглому гоблину придет конец, Джонни придушит его самолично, он просто выбирает подходящий момент – чтобы не попасться системе…

– Что делать теперь будем? – отсмеявшись, спросила Йорка –

Сами на себя руки наложим? Сначала я душу тебя.

– Будем спокойно жить и работать – с готовностью ответил я.

– Прикалываешься? Война! Мы из клукса не выйдем – нас могут на каждой тропе подкараулить.

– Не могут – не согласился я – Мы же не дураки. Йорка! Выдохни! Успокойся! Все будет хорошо!

– Успокоил прямо! И что за бред ты нес про эльфийский цветок?! Какой еще эльфийский цветок?!

– Давай тише! – возмутился я.

– Какой еще цветок?!

– Ты же его видела.

– Спятил? Это же мусор! Бесполезный мусор из кучи мусора! Найденный тобой сегодня.

– Они об этом не знают – сказал я.

– И что? Думаешь они поверили хоть одному твоему слову?

– Понятия не имею. Мое дело брякнуть. Я брякнул. Пусть теперь сами решают – верить или нет.

– Эльфийский цветок… ну ты… ты…

– Пати делать будем?

– Давай – вздохнула Йорка – Терять особо нечего.

– Хотя поза довольно странная – признался я, подходя вплотную к Йорке и кладя ей руку на плечо. Она поступила так же. После чего я поднял вторую руку вверх и застыл в этой дурацкой позе, неотрывно глядя на сферу. Ждать пришлось минуты две – видимо система проверяла, насколько эти два гоблина серьезны.

Создание постоянной группы одиннадцатого с девяносто первой?

Да. Нет.

Как всегда сухо и лаконично. Даже обидно – где фанфары и салют?

Само собой мой ответ был утвердительным. Подтвердила и Йорка. Зеленый запрос пропал. Возник следующий.

Лидер группы:

Одиннадцатый. Девяносто первая.

Выбрал «Одиннадцатый». Если Йорка тоже выберет меня – дело сделано. Запрос мигнул и пропал. Никакого другого сообщения не пришло. Пришлось забираться в интерфейс. Кое-что новенькое обнаружилось сразу же:

Статус.

Физическое состояние.
Финансы.
Задания.
Группа.

Выбрав «Группа», нашел подменю:

Статус группы.
Состав группы.

Сначала выбрал второй пункт из подменю.

Состав группы:
Одиннадцатый. (ОРН) Лидер группы. Статус: норма.
Девяносто первая. (ОРН) Член группы. Статус: норма.

Тут все ясно и не особо интересно. Ткнул свою строчку – никакой реакции. Ткнул строчку Йорки, и система спросила, хочу ли я назначить ее лидером. Всего два варианта – лидер или рядовой член. Понял, спасибо. А если посмотреть статус группы?

Недоступно.

– А почему недоступен статус группы? – поинтересовался грустно у Йорки, с неохотой отлипая от теплого девичьего плеча.

На ответ не рассчитывал, но неожиданно получил его:

– Нас мало – легко ответила напарница – Что-то изменится, когда нас будет трое. Что – не знаю. Но слышала, что опция станет активной. Я ведь одиночка. Про группы мало чего знаю.

– Была одиночкой – поправил я ее – Была. Ну-с… по капсулам и спать?

– Веришь, что я засну? Шутишь?

– Я смогу.

– Ты вообще странный гоблин!

– Орк! Это слово звучит гордо! Слушай, а что дает группа в целом?

– Пока – ничего. Нас всего двое. Ну почти ничего. К примеру, ты можешь за меня принять игровой вызов, если я не успеваю к экрану, к примеру. Когда таймер кончится – система сначала отправит запрос лидеру группы. Если он откажется – запрос снова будет разыгран в лотерее номеров.

– Уже неплохо… можно меняться – если игра мне незнакома.

– Не выйдет. Запрос уйдет только лидеру. Я не успеваю – запрос тебе уйдет. Ты не успеваешь – запрос будет снова разыгран

в лотерее.

– Несправедливо!

– Ну так… Жизнь такая! Мы не в раю!

– Вот тут ошибаешься – глянул я на нее – Сильно ошибаешься!

– Оглянись, гоблин! Оглянись! Похоже, что ты в раю?

– Вполне – кивнул я – Рай это тебе не место с плодовыми деревьями, покрытыми позолотой и тихой музыкой, льющейся с небес. Если и есть такое место – нас туда не пригласят. Свой рай мы должны создать сами. На сегодня впечатлений хватит, пожалуй. Завтра новый прекрасный день…

– Завтра нас пристукнут…

– Обязательно попытаются – согласился я – Но не пристукнуть. А искалечить. В первую очередь меня. Тебя же, если у них получится сотворить что-то нехорошее со мной, хорошенько изобьют или еще как накажут, чтобы преподать урок. И отправят на заработки. Поэтому я и сказал тебе молчать. Случись что – всегда скажешь, что я тебя заставил. Но…

– Но?

– Но я им не позволю сделать с нами что-то плохое – безмятежно улыбнулся я и встал – Пошли по капсулам, синякоглазая красотка!

– Синеглазая?

– Синякоглазая…

– Пошел ты! Сдохни!

– Всем умрем. Но чур я последний! Спать!

Глава шестая

СТАТУС:
Номер: Одиннадцатый.
Ранг: Низший (добровольный).
Текущий статус: ОРН. (стандартное трехразовое питание и водоснабжение).
Баланс: 0
Задолженности: да.
Общая сумма задолженности: 16 солов.
Текущее время: 03:30.

Долг стал больше вчерашнего. Аренда конечностей никуда не делась. Четыре сола в день отдашь по любому. И это я еще вчера душ не принимал, решив сэкономить.

– И чего мы так рано встали? Это же обалдеть как рано! – зябко поежилась Йорка и тут же запрокинула голову в сокрушительном зевке.

– Мы кое с кем в ссоре – напомнил я – И задания у нас сегодня орковские, тяжелые. Так что давай выполним их как можно быстрее – не дожидаясь пока нам начнут в этом мешать.

– А они станут мешать! Обязательно станут!

– Но пока они спят и видят несбыточные сны о том, как они нас сегодня будут наказывать. Задание пришло?

– Пришло.

– Читай и мне перескажешь потом. А я свое посмотрю…

А черт…

Задание: Сбор серой слизи.
Описание: Собрать и доставить в приемник восемьдесят стандартных емкостей серой слизи.
Место выполнения: Зона 3, блок 6.
Время выполнения: До вечернего сигнала окончания работ.
Награда: 15 солов.

Блин… у меня остались самые плохие воспоминания о той работенке, что так и не была доведена до конца. Система решила проверить меня на прочность?

– У меня задание по сбору серой слизи. Восемьдесят ведер. Третья зона, шестой блок. У тебя что?

– Сбор серой слизи. Восемьдесят ведер. Третья зона. Шестой блок.

Мы озадаченно уставились друг на друга. Первое слово сказала Йорка:

– Это не может быть совпадением.

– Точно – согласился я – Скорей всего еще один бонус группы – ее членов отправляют в одно и то же место для взаимной поддержки. Разумно. И как сильно напоминает игру…

– Вся наша жизнь – игра – девушка хорошенько потянулась, энергично размялась, осторожно потрогала лицо.

Синяк начал желтеть. О чем я ее тут же радостно уведомил. Получил хмурый взгляд и вопрос:

– Планы?

– Еще до завтрака мы должны хорошенько поработать! – я крепко сжал кулак и ткнул им воздух – Покажем этой серой слизи силу нашей группы!

– Ну тебя…

– Давай-давай! Живее! Веселее! В бой, гоблин Йорка! В бой желтый гоблин!

– Я орк! И почему желтый?

– Так синяк желтеет…

– Сдохни, Оди. Просто сдохни…

Я суммировал наши задания. Получилось сто шестьдесят ведер на двоих. Быстро решил, как именно мы будем работать. Только щадящим и при этом эффективным методом – за один раз переносить по одному ведру – берясь за него вдвоем. Ставить на ленту поочередно – сначала Йорка, затем я, Йорка, я…

Результат – к восьми утра, с короткими перерывами поработав почти пять часов, мы выполнили наши задания. И при этом считай не устали – легкая дрожь в коленях и вернувшаяся боль в пояснице не в счет. Благодаря новой экипировке я куда лучше держался на ногах, не упав ни разу. Пальцы обмотаны лентами свернутых шейных платков. В закольцованном коридоре третьего блока – ни души! Мы были единственными, кто приперся сюда так рано. Первые работяги начали подтягивать к восьми утра – когда мы почти закончили.

Группа полностью доказала свою жизнеспособность и полезность.

Текущее время: 09:25.

– Готово?

– Готово! – широко улыбнулась Йорка – Круто! Мы выполнили задания! А ты молодец – хорошо держался. Хотя мышцы еще не восстановил.

– Экипировка решает! – улыбнулся я в ответ, критично себя

оглядывая.

Бейсболка, майка, шорты, шлепки. Левая рука висит на перевязи, сооруженной из распущенного на ленты шейного платка. Еще одна лента – которой защищал пальцы от ведерной дужки – намотана на левое запястье. Пригодится еще. Пустая бутылка – доставшуюся нам от бригады Солнечного Пламени и незаметно нами унесенная – зажата у меня подмышкой. Выгляжу круто!

– Ты прямо вжился в роль бодрого гоблина, Оди! То есть орка…

– А чего унывать? Что мы получим от тоски зеленой? Нет уж! Пошли завтракать! Пошли увеличивать задолженности…

– Еще инъекции…

– Во-во! Долги только растут…

– Как твой локоть?

– Вот так – я указал подбородком на подвешенную руку – Вполне терпимо. Разберемся и с этим. Пошли жрать – и обязательно с чавканьем и хлюпаньем как положено суровым оркам!

– Фу… да и что там жрать-то? Кубик в рот закинуть и глотком воды запить?

– Ничего не знаю! Историческая достоверность – наше кредо!

– Орки не относятся к истории… вроде бы… или относятся? Они существовали на самом деле?

– Понятия не имею. Но мы-то существуем! И мы орки! За жратво-о-о-ой!…

Завтрак был проглочен молниеносно. Каждый выпил по пол-литра воды, остатки слив в общую бутыль-флягу. Развалились на скамейке ленивыми гоблинами, сложив лапы на чуть оттопырившиеся пуза. Хорошо-то как… впереди еще весь день, а мы уже сделали главное дело.

СТАТУС:
Номер: Одиннадцатый.
Ранг: Низший (добровольный).
Текущий статус: ОРН. (стандартное трехразовое питание и водоснабжение).
Баланс: 0
Задолженности: да.
Общая сумма задолженности: 5 солов.
Текущее время: 10:36.

Убедившись, что впереди еще полно времени, я всерьез задумался в коротком оздоровительном сне минут на сто. Чтобы

потом с новыми силами отправляться к семнадцатому перекрестку. И тут будто кто под руку толкнул, прежде чем выйти из меню, ткнул в «Задания». Ткнул, глянул и резко выпрямился.

– Оп-па…

– Что такое? – лениво отозвалась Йорка.

– Зайти в задания. Глянь что там.

– Да ничего. Мы же выполнили уже задания свои.

– Ты глянь.

– Щас… – и через пару секунд столь же лениво – Ну глянула… и?

– Пусто?

– Пусто.

– А у меня висит задание – крайне задумчиво поведал я, с величайшим вниманием вчитываясь в каждое слово.

– Врешь!

– Клянусь левым клыком!

– Ну тебя! Ты серьезно?

– Абсолютно. Не кричи так – попросил я – Сейчас прочту и тебе зачитаю. Задание на нас обоих. Групповое. Вот и польза от объединения сил.

– Да с чего бы оно появилось? Я о таком даже не слышала!

– Мы много чего не слышали и кучу всего не знаем. Поэтому и надо действовать и спрашивать постоянно. Зачитываю.

– Давай!

> **Задание: Протирка столов и скамеек.** (Групповое).
>
> **Описание**: Специальными губками, полученными из чистохрана 22А (КЛУКС-17) протереть 100 столов и 200 скамеек.
>
> **Важные дополнительные детали: Протирать исключительно подсвеченные красным столы и лавки.**
>
> **Место выполнения**: КЛУКС-17.
>
> **Время выполнения**: До вечернего сигнала окончания работ.
>
> **Награда**: 20 солов.

Прочитал. Огляделся вокруг – столов тут полным-полно. И ни одного подсвеченного каким-либо светом. Глянул на Йорку. Невольно прищурился – та аж светилась от радости, возбужденно постукивая кулаком по столу.

– Ты чего?

– Повезло то как!

– Думаешь?

– Знаешь блин! Всего-то сто столов и двести лавок! Легкотня!

За пару часов сделаем. И по десять солов на каждого!

– Как награда делится? Автоматом?

– Не! Это знаю. Тебя система спросит после выполнения задания – даст варианты распределения награды между членами группы.

– Ага… а что насчет подсветки?

– Увидишь. Пошли!

Сдавшись, я с неохотой встал, чувствуя, как каждый мускул постанывает от боли. Тело просило одного – притормози, гоблин, притормози! Выполнил задание? Отлично! Иди на теплую скамейку и дрыхни! Дай время восстановиться! Будь гоблином, а не падлой, мужик! Ну же!

Я мольбы организма проигнорировал, но мысленно пообещал протестующим мышцам, что нагрузка будет щадящей и только на пользу. Тело мне не поверило и ответило злобной волной боли…

Пока общался сам с собой – первый тревожный звоночек? – Йорка привела нас к небольшому ящику стоящему у стены. Небольшой лоток сбоку. На стене над ящиком надпись «ЧИСТОХРАН-22А». Едва подошли, ящик дважды щелкнул и выплюнул на лоток две большие зеленые губки. Йорка схватила одну, вторую взял я и сразу ощутил влажность. Для пробы чуть сжал и удивился – наружу не выступило ни капли. Странная губка…

– О! И у меня задание появилось! То же что и у тебя.

Логично. Система должна заботиться о честности – вдруг я скажу, что за задание платят не двадцать, а десять солов? Дожили… машина не верит людям… это ведь машина следит за нами?

– Тут все просто! – радостно тараторила напарница, таща меня обратно к столикам – Подходим к подсвеченному и протираем до тех пор, пока красный свет не сменится зеленым. Переходим к следующему столу или скамье. Повторяем. Красный. Зеленый. Дальше. Красный. Зеленый. Дальше. Смотрим за губкой – если она краснеет – пихаем ее в чистоблюда и берем свежие.

– Чистохран же?

– Чистоблюдом все зовут. Не знаю почему. Понял?

– Кто подсвечивает?

– Мать!

– Тьфу… я аж поперхнулся!

– Ну система…

– Уже лучше. Приступаем.

Старт был беззвучным, но ярким – ближайший к нам стол тревожно покраснел от упавшего с потолка света. Подойдя, мы принялись обхаживать красного бедолагу губками. Я старался

делать как Йорка – она орудовала губкой с завидной быстротой. Десять секунд тщательной обработки – и столик зеленеет. Зато краснеет лавка и мы переключаемся на нее. Пять секунд – и лавка зеленеет. А моя губка из изумрудно зеленой становится темно-зеленой.

– Дезинфекция? – уточнил очевидное.

– Ага. Тут ведь гоблины и зомби больше тусуются. Народец грязный. А бригады только свои «иглы» в чистоте держат. Здесь редко сидят. О… сопля чья-то гоблинская по столу размазана… серо-зеленая…

– Чистоблюд – хмыкнул я – Блюдет чистоту. Дабы не было заразу… давай поднажмем, Йорка. Закончим с заданием – и рванем на семнадцатый перекресток.

Губка Йорки замедлила свой бег по блаженно замершему от непривычной ласки столу. Девчонка с нескрываемой тревогой оглянулась, глянула на меня, подавшись вперед, прошептала:

– Думаешь стоит? Нарвемся ведь на этих…

– Вечно прятаться не удастся – ответил я и шагнул к следующей красной лавке.

– Но…

– Положись на меня. Главное – делай как я говорю. И мы все останемся целы и здоровы.

Тишина…

– Ты меня слышала, гоблин?

– Я орк! Слышала… закончим – и идем на семнадцатый перекресток…

– Вот и умница. Продолжаем зарабатывать солы!

С заданием мы справились за два часа. Четырежды меняли покрасневшие губки. И едва протерли последний сотый стол, мне пришел системный запрос:

Разделение награды?
Да. Нет (Лидеру).

Ответив утвердительно, глянул на расцветшую грязным цветком Йорку, затем проверил свой баланс:

СТАТУС:
Номер: Одиннадцатый.
Ранг: Низший (добровольный).
Текущий статус: ОРН. (стандартное трехразовое питание и водоснабжение).
Баланс: 5
Задолженности: нет.

О да! До завтрашнего дня гоблин Оди не только больше не должник системы, но еще и в плюсе на пять солов! А ведь время едва за полдень! Правда скоро обед и это еще минус два сола… но это мелочи. Я в плюсе!

– Мы с тобой самые крутые гоблины этого района! – сделал я закономерный вывод.

– Орки! – как всегда поправила меня сияющая напарница – Орки!

– Ну… мы пока не самые крутые орки на районе. Ну что? Пообедаем, чуть отдохнем и…

– И на семнадцатый перекресток! – отважно сказала Йорка – Не боюсь! Ты везунчик, двойная единица! Ты везунчик!

– Ну нет – не согласился я – Просто мы не сидим на жопе без дела. Мы что делаем – и мир откликается. Закон жизни, гоблин, закон жизни! О! Быть не может…

– Ты чего?

– Системный запрос… удивительно длинный…

> Больше шести часов до вечернего сигнала.
>
> Дополнительное групповое задание? (с поощрением (Р)).
>
> **Да. Нет.**

– Бери! – мгновенно отреагировала Йорка, когда зачитал и ей.

– Уверена? – с сомнением спросил я – Мы ведь не знаем, что предложат… я еще вытяну один раунд бурлачества. Но перетаскать сто ведер слизи уже вряд ли сегодня смогу…

– Рискнем! Там еще и поощрение! – ее глаза аж слепили полыханием. Трудоголик дорвался до работы?

– Ладно…

> **Да.**
>
> **Задание: Протирка столов и скамеек.** (Групповое).
>
> **Описание**: Специальными губками, полученными из чистохрана 22А (КЛУКС-17) протереть 100 столов и 200 скамеек.
>
> **Важные дополнительные детали: Протирать исключительно подсвеченные красным столы и лавки.**
>
> **Место выполнения**: КЛУКС-17.
>
> **Время выполнения**: До вечернего сигнала окончания работ.
>
> **Награда**: 20 солов.
>
> **Поощрение**: игровой вызов любому члену группы.

– Пошли за губками – вздохнул я, зачитав сообщение и поднялся первым – Обедать когда?

– После задания!

– Ну после так после… ох моя бедная-бедная гоблинская спина… там что-то нехорошо потрескивает…

* * *

СТАТУС:
Номер: Одиннадцатый.
Ранг: Низший (добровольный).
Текущий статус: ОРН. (стандартное трехразовое питание и водоснабжение).
Баланс: 15
Задолженности: нет.
«Игровой вызов!».
Быстрые шахматы.
Выбрать номер: 11 или 91.

– Ты или я?

– В это – даже не собираюсь – отрезала Йорка, стоя рядом со мной – Попробуешь? А то поощрение сгорит. Осталось пять секунд.

– Конечно попробую!

Быстрые шахматы.
Одна игра.
Выберите уровень сложности:
Легкий.
Нормальный.
Тяжелый.
Мастер.

– Бери легкий!

– Само собой – кивнул я – Не зная способностей ученика – глупо замахиваться на мастера.

– Старайся!

На экране появилась шахматная доска с фигурами. Никакого розыгрыша цветов – у меня сразу белые фигуры, а вместе с ними и первый ход. Начну с классики – пешку на e4. Система тут же ответила столь же стандартно – пешкой на e5. Все предпосылки для королевского гамбита… пешку на f4…

Партия закончилась через семь минут. Моей победой. Противник играл слабенько… это еще мягко сказано. Если бы я

не осторожничал – выиграл бы быстрее.

Игровой вызов завершен.
Итог: **победа**.
Награда: 6 солов.
Победная серия: 1/3.
Бонус к награде (ИВ): 0%
Бонус к шансу получения ИВ: 0%
Шанс получения дополнительного приза: 0%
Баланс: 21
Задолженности: нет.

– Шахматы ценят в два раз выше, чем крестики-нолики. Радует! Дали шесть солов – оповестил радостно хлопающую меня по плечу Йорку – Делим?

– Не! Это твой выигрыш. Если что – попрошу взаймы.

– Конечно – ответил я с улыбкой и не стал спрашивать на что именно собралась занимать однорукая девчонка. Тут и так все очевидно.

– Поздравляю, гоблин Оди. Смотри не сдохни от счастья.

– Взаимно, гоблин Йорка. Моя победа – наша победа. Ну что? Пообедали. Попили. Поиграли. Спать будем? Или сразу на семнадцатый перекресток?

– Сразу!

– А вот и нет – хмыкнул я и ткнул на ближайшую скамейку – Мой первый приказ лидера – отдыхать два часа! И только затем на семнадцатый перекресток.

– А зачем тогда спрашивал?

– Чтобы проверить насколько ты разумна и холодна в суждениях.

– Проверил?

– Ну да.

– Счастлив?

– Ну… так себе…

– Вот и радуйся!

И где тут логика? Не став продолжать тему, убедился, что мы находимся в поле зрения стационарной потолочной сферы и со стоном блаженства вытянулся на теплом стенном выступе. Как хорошо…

– Ты смотри не расслабляйся на радостях, гоблин – тихо предупредила меня улегшаяся чуть поодаль Йорка – Тут день светлый, а неделя черная! Поживешь здесь годик – поймешь.

– Расслабляться не собираюсь – с зевком ответил я – Как и жить здесь целый год.

– В смысле?

– Буквально. Окраина… что здесь делать? Подзаработаем, починим конечности, приоденемся – и пойдем в большой мир.

– Шутишь?

– Не-а. Обдумай на досуге. Неволить не стану. Но если что – всегда рад твоей компании. Спи!

– Попробуй теперь усни! – возмутилась Йорка. Еще через минуту она уже спала. Заснул и я, даруя телу обещанное время на отдых и восстановление.

Мозг честно попытался раскинуть мысленные сети поглубже в опустевшую память, но первая пара попыток вспомнить хоть что-то не увенчалась успехом и мозг с обиженным вздохом провалился в черную яму. Спать, гоблин Оди. Спать… Не стоит бить лбом о бетонную стену. Так просто воспоминания не вернуть. Тут нужен другой подход. И в одном я уверен точно – на Окраинах мне с этим никто не поможет.

* * *

В засаду мы попали по пути к магистральному коридору ведущему к семнадцатому перекрестку. За спиной – родной Клукс-17. Йорка дернулась назад – домой, в безопасность, не забыла дернуть и меня. Пришлось хорошенько напрячься, чтобы остановить ее порыв – слишком предсказуемый порыв.

Бежать прямиком к клуксу?

В то время как здесь только трое из шести?

Джонни и две девушки.

Где трое парней?

Ответ очевиден – ждут нас позади.

– Ну что, суки? Не ждали? – глумливо спросила меня вчерашняя посланница.

Спросила без разрешения и тут же схлопотала оглушительную оплеуху от Джонни, что изо всех сил старался выглядеть максимально круто. Даже пузо втянуть попытался… но безуспешно.

– Поймали вас – провыла рухнувшая после удара мужеподобная мымра.

Совсем дура? Ей же сейчас еще сильнее дос…

Хекнувший Джонни врезал лежащей мымре ногой в живот, отчего ее скрючило в разы сильнее.

– М-мразь! – неожиданно выплюнула с яростью Йорка – Жирная вонючая мразь! Мразь!

Да… мне тоже не понравилось зрелище – огромный мужик пинает распластавшуюся на полу стонущую женщину. Какой бы

злобной тварью она не была…

Йорку же было уже не остановить. Сжав кулак, шипя, брызгая слюной, оскалившись, она выплескивала из себя всю накопленную ненависть и обиду. Чуть отступив назад – всего на полшага – уйдя из ее поля зрения, я прислонился плечом к стене, засунул большой палец руки за резинку трусов и с довольной улыбкой принялся слушать. И не только я. Йорку слушали все. Трудно не услышать рвущий из груди крик души, что так долго подвергалась унижениям.

– Тварь! Упырок! Жирная вонючая тварь! Урод! Чтоб ты сдох, сука! Да ты и так и так сдохнешь! Козел!

Стоящая за Джонни симпатичная деваха, та самая, кого случайно сбила с ног Йорка, умудрившись сохранить мерзкое подобие невинного выражения лица, удивленно распахнув глаза слушала излияния ревущей посреди коридора однорукой гоблиншы. Выглядела как добропорядочная домохозяйка стоящая в дверях собственного дома и потрясенно слушающая завистливые вопли стоящей за забором алкашни. Ей еще бигуди добавить в волосы – и прямо идеально сойдется.

Джонни взревел… и умолк… когда Йорка прошлась валом оскорблений по его мужскому хозяйству. Я заулыбался шире, искоса глядя на потолок и считая про себя секунды. Джонни и его подручных из виду не выпускал. Особенно жирного бугая – он пока молчал, но его лицо даже не краснело, а чернело на глазах, наливаясь дурной кровью. Дай ему сейчас щелбан – и в его переполненной кровью башке с хлопком лопнет вена. Уставившись перед собой Джонни мелко покачивался, будто каждое брошенное в него слово орущей Йорки ударяло подобно мелкому камешку.

Я терпеливо ждал. Не ради того, чтобы взбесить жирного еще сильнее. Ради Йорки – чтобы она полностью опустошила свои ментальные гнойники, чтобы выплеснула с криком всю черноту, что скопилась в душе. Хуже нет, когда человек тащит и тащит на себе груз скопившихся негативных эмоций. Этот сдерживаемый негатив – он душит. А я хочу, чтобы Йорка дышала полной грудью.

– Сука! Сука! Сука! Подохни, отсос! Сдохни!

С сипом набрав в грудь воздуха, Джонни резко качнулся вперед. На нем повисла истошно завизжавшая подруга?

– Нет, Джонни! Нет! Матерь смотрит! Смотрит! Жди!

С огромным трудом ей удалось не остановить, но задержать. Джонни продолжал двигаться вперед, за шажок преодолевая сантиметров пятнадцать. Эту гору пропитанного черной злобой жира словами уже не остановить. Если не Йорку и не меня – он

начнет месить союзников. В первую очередь достанется мужеподобной мымре, что уже пришла в себя после удара в живот и тихонько блеяла с пола:

– Покажи им, Джонни. Покажи! Бей их! Бей! Топчи!

– Заткнись, сука! – бросила ей висящая на руке Джонни девка и мымре достался еще один удар – на этот раз пинок в челюсть. Та успела отшатнуться, но ее все же зацепило. Клацнули зубы, она взвыла, схватилась за рот – наверняка прокусила язык. А это очень больно.

Над нами пронеслась сфера. Схватив продолжающую кричать напарницу за плечо, потащил за собой. Та сопротивлялась. Зло зарычав, дернул сильнее – дисциплина пока ужасная в личном составе. Обернувшись, состроил перепуганное лицо – челюсть отвисла, лицо перекошено, глаза расширены, плечи чуть напряжены – так будто я жду удара и уже инстинктивно сжался. Мой спектакль обязательно будет замечен. Вернее, уже замечен. Но замечен не сознанием жирдяя и его подручных – а их подсознанием. Сейчас в их голове щелкнуло и заверещало – эти гоблины нас боятся, эти гоблины нас боятся! Они бегут! За ними!

Свернув, рывком затащил Йорку за угол коридора. Сделал несколько быстрых шагов. Глянул на потолок. Подтащив напарницу к себе, толкнул дальше:

– Съежься и беги до следующего угла. Там жди!

Из покинутого коридора по бычьи заревели:

– Убью-ю-ю!…

– А ты? – только сейчас очнулась она, все еще стискивая кулак и запалено дыша.

– Делай! – лязгнул я голос, отворачиваясь – Беги! Не оборачивайся!

Топот ног дал понять – напарница подчинилась. Сунув правую руку под перевязь левой руки, нащупал, сжал пальцы, сделал шаг вперед и в сторону, коротко полоснул по раздутой шее. Еще полшага в сторону, пропуская мимо несущегося Джонни. Следующий удар достался уже не ему, а подталкивающей его девке. Туда же – по шеи. Только тянуться пришлось чуть сильнее. Не глядя на пробежавшую мимо парочку, прижался к стене. Едва из-за угла показалась мымра, сильно толкнул кулаком в лоб, заставив откинуть голову. И чирканул по открывшейся шее. Поспешно отскочив – дрожащие ноги чудом удержали – прижался к противоположной стене коридора. Выждал, когда она, еще ничего не понимающая, сделает неверный шаг. Вытер о ее спину убившую ее вещь и перешел на неуклюжий пока бег, промчавшись мимо начавших оседать на залитый кровью пол Джонни и симпатичной девки. Три метра. Убрать под

перевязь бросающийся в глаза предмет. Десять метров. Двадцать. Угол. Улыбнувшись стоящей у стены Йорке, толкнул ее в плечо:

– Пошли.

– А…

– Проблема решена.

– Как решена?! Где они… где они, Оди? Что ты им сказал? И я дура – наорала всякой хрени. Он теперь точно нам жизни не даст. Слушай… давай уйдем, а? Прямо сегодня – в Мутноводье! Слышала, что в Дренажтауне можно исчезнуть. Да Джонни и не пойдет нас искать – он же жирный и ленивый. А здесь его кормушка. Слушай… Оди! Оди! Чего ты молчишь? Вот я дура, а… подставила нас, да? Совсем плохо? Где они? Подножку им поставил? Быстрей до клукса, Оди, я помогу бежать. Прости меня, прости… просто вырвалось…

– Стоп машина! – велел я.

– Но… я правда не хотела… но когда увидела его харю… когда вспомнила…

– Стоп!

– Хорошо…

– Огляди меня. Что видишь? Смотри хорошенько – остановившись, медленно повернулся на триста шестьдесят градусов – Что видишь?

– Уродливого гоблина – буркнула Йорка, проводя ладонью по лицу – Уф… тут есть полусфера… повезло…

– Больше ничего не видишь?

– Нет… а что я должна увидеть?

– Да ничего – улыбнулся я – Пошли.

Чисто сработал и не заляпался предательски яркой кровью. А темнеет она хоть и быстро, но, к сожалению, не так быстро, как порой хотелось бы. За пятна машинной смазки или грязи не сойдет.

– Что ты сделал?

Вот это уже разумный вопрос. Пришла в себя напарница. И поняла – что-то тут не так. За ними гнались. Она по приказу лидера забежала за угол. А через пару минут нарисовался лидер и сообщил – все в порядке, погони больше нет.

– Разобрался с ними раз и навсегда – ответил я коротко и приподнял чуть левую руку – Вот этим.

– Матерь Божья… – ахнула разом побелевшая Йорка.

Я следил за ее реакцией. Отшатнется? Нет. Наоборот. Схватила меня за здоровую руку и потащила за собой, пытаясь перейти на бег.

– Ты что? Зачем?! Нет… они мрази, конечно. Твари! Многим жизнь сломали. Но… прямо… прямо…

– Да.

– Этим?

– Ага.

– Ты кто такой, гоблин? Ты такое сотворил… бежим…

– Ну нет! – остановил я ее – Никакого бега. Отпусти мою руку, выпрямись, улыбайся.

– Что?

– Улыбайся! – рыкнул я, косясь на потолок – Для всех мы должны выглядеть нормально! Шагай спокойно, общайся со мной.

– Ты убил их… или только ранил? Дал понять – к нам соваться нельзя…

– Их больше нет, Йорка. Этих тварей больше нет. Проблема почти решена.

– Что же мы наделали… что мы наделали…

«Мы» – это слово согрело мою гоблинскую душу. Я разом понял – с Йоркой мы надолго. Она не из тех, кто старается держаться подальше от проблем, не из тех, кто готов на все, лишь бы остаться чистеньким. И главное – она старается действовать, а не паниковать. Пока у ней получается вперемешку, но ей бы чуть-чуть практики и все наладится.

– Нам надо затаиться.

Типично…

Поморщившись, качнул головой:

– Ни в коем случае. Идем спокойно на семнадцатый перекресток. По пути заглянем в ближайший медблок. Как найдем себе работенку – не спеша ее выполним. Успокойся, Йорка. Никто ничего не видел.

– Все видели, как мы ссорились.

– Видели и слышали – кивнул я – И что? Они не видели главного – как я убивал этих ублюдков. Знать и догадываться – разные вещи. И уж точно это не сработает в суде.

– Тем, кто придет за нами – плевать!

– А кто придет за нами? – полюбопытствовал я, радуясь, что Йорка чуть успокоилась и мы ничем не отличаемся от шагающих рядом гоблинов и орков – Те трое? Бедолаги еще даже не в курсе, я думаю. Так и сидят в засаде.

– Точно! Еще же те трое!

Ага. Значит, когда она говорила «за нами придут» то имела ввиду не троих парней из банды покойного Джонни Льва.

– Как ты вообще сумел? – глянула на меня напарница – Троих…

– Если знать, как это делается – все очень легко.

– Ты кто такой?

– Понятия не имею. Но очень хочу это выяснить – чуть

помолчав, признался – Все неправильно.

– Конечно неправильно! Сразу резать!

– Я не про это. Все вокруг меня – неправильно – пояснил я – Так не должно быть. Я знаю.

– В смысле? Ты про заварушку?

– Нет. Я про Окраину, про зомби, гоблинов и орков. Так быть не должно. Каждое утро, просыпаясь и выползая из капсулы, я гляжу на ряды тянущихся за жрачкой гоблинов и понимаю – тут что-то пошло не так. Сильно не так.

– Да откуда тебе знать?

– Я и не знаю. Неправильно выразился. Я… я ощущаю… чувствую это. Тут что-то пошло не так. А чтобы понять, что именно – для начала надо восстановить память.

– Восстановить память… – фыркнула девушка – Ага! Мечтай дальше! Ты низушек. Я низушек. Нам воспоминания не положены.

– Вот кто это сказал?

– Да никто! Просто так есть! Мы добровольно низшие. А у низших, как у тараканов, воспоминаний не бывает.

– Нет уж. Это неправильно. Никто не имеет права лишать меня моих воспоминаний. Ведь они – и есть моя жизнь. Кто я без памяти? Никто!

– Ты не о том сейчас думаешь! Стой… вот сюда свернем. Там медблок и коридор удобный – широкий и оживленный.

– Ага.

– Те трое… они идут за нами?

– Нет – уверенно ответил я – Скорей всего они еще не обнаружили трупы. Джонни дурак. Большой самоуверенный дурак. Отослал главную свою ударную силу в засаду. Сам встал у нас на пути. Мечтал увидеть, как мы со страхом бежим от него по коридору – и попадаем прямо в лапы троим парням. После чего с нами можно делать все что угодно. А может Джонни жаждал расправиться с нами лично. Без помощи парней – и тем самым доказать им и вообще всем, что с ним, с огромным могучим Львом, лучше не связываться никому! Он силен, страшен и не прощает обид! Глупо. Нельзя недооценивать врага.

– Те трое нас найдут.

– Уверен процентов на девяносто – они к нам даже не подойдут – усмехнулся я – Это опасно. А твари вроде них опасности боятся. Зачем лезть? Проще и дальше выдавливать дань из смирных овечек. А к волкам вроде нас лучше не соваться.

– Кто ты такой, гоблин?

– Как узнаю – расскажу – рассмеялся я.

– И этот твой эльфийский цветок… им! Ну ты даешь… вот медблок. Полусфера тут раз в минуту. Так что за меня не

переживай. Эту фиговину свою убийственную мне отдай.

– Держи. Я быстро – пообещал я и встал перед дверью – Одиннадцатый!

Одиннадцатый. (ОРН).
Цель?

– Диагностика.

Баланс: 21
Задолженности: нет.

Дверь мягко открылась, открывая взору небольшую комнату с уже знакомым дырчатым креслом. Вошел. Дверь закрылась, в короткой анимации показали, как веселый человечек ложится на кресло. Даже раздеваться не надо. И никаких воркующих медсестер… а могли бы порадовать бедолагу гоблина… Послушно улегся.

Баланс: 19

Эй! Еще ведь ничего не сделали!

Вслух, само собой, ничего не сказал. Просто смотрел в потолок и ждал, отсчитывая секунды. Визуально ничего не происходило – ни манипуляторов, ни объективов, ни сканеров, ни звуков работы оборудования. Ничего…

Общее физическое состояние: норма.

Состояние и статус комплекта:
ПВК: норма.
ЛВК: норма.
ПНК: норма.
ЛНК: норма.
Рекомендации: Обезболивающее 1 сол (дважды в сутки), лекарства 2 сола (дважды в сутки).

В наложившейся на короткие строчки анимации веселый зеленый человечек вставал и радостно покидал медблок. Во второй анимации, начавшейся следом, зеленый человечек оставался в кресле и из его рта вылезало облако со словом «Обезболивающее. Лекарства». Включился таймер на убывание – тридцать секунд.

Охренели?

Это весь ваш диагноз? Отметили ЛВК не зеленым, а желтым цветом?

– Обезболивающее! Лекарства!

Баланс: 16

Только-только начавшееся финансовое спокойствие дало трещину…

Еще три сола только на обезболивающее и лекарство уйдет.

Они нас совсем за дебилов держат?

Где пояснения какое именно лекарство мне вкалывают? Где пояснения о обезболивающем? Где самое главное – развернутый диагноз? Причем на простом обывательском языке, с пространными пояснениями для профана в медицинском деле! Типа – одиннадцатый, дружище, с твоим левым локтем то-то и то-то, лечить надо так-то и так-то, все наладится примерно тогда-то… Где это все?

Охренеть!

Вывалился я из медблока кипя от ярости. Мигом уловившая мое настроение Йорка среагировала моментально, сказав:

– Не кипятись. Мы низушки. Я слышала, что с полурослики обращаются чуть получше. И подробностей больше дают. Что-нибудь сделали в медблоке?

– Вкололи лекарство и обезболивающее.

– Уже хорошо. Держи обратно фиговину.

– Артефакт! – возразил я – Эльфийский цветок!

– Дурак ты, гоблин. Как рука?

– Болеть почти перестала. Но толку?

– Лекарства ведь тоже вкололи?

– Вкололи? Но какие?

– Лекарственные, само собой.

– И кто из нас дурак?

– Ты! Гоблин с эльфийским цветком… идем на семнадцатый?

– Да. Посидим там, отдышимся. Йорка…

– М?

– Как стать полурослико́м? Мы сегодня задание ОРН выполнили. Вечером система предложит перейти на ПРН?

– Ха! Если бы!

– Так и знал – поморщился я досадливо – Надо ударно трудиться и трудиться?

– Ага! Надо не меньше десяти раз подряд выполнять задание уровня ОРН. Когда докажешь системе что ты работящий орк – разрешат влезть в шкуру полуро́слика. Но почти все отказываются.

– Почему?

– Так ведь нам задания какие дают?

– Слизь таскать, рукояти крутить. Ты ведь про задания от

системы?

– Да. Задания пусть тяжелые, но безопасные. И это устраивает всех гоблинов и орков. И зомби тоже рады.

– И зомби тоже рады – повторил я – Поясняй… и подробней.

Рассказ вышел коротким.

ПНР в первую очередь – поощрение для прилежных и старательных. Тем, кто работает спустя рукава достаточно и обычной рабочей нормы.

Первый раз ПНР получить достаточно просто – выполни десять заданий класса ОРН подряд и получил предложение сменить уровень рабочей нормы.

Легко ли выполнить обычные задания десять дней подряд? Легко. Этого может достичь каждый – если ему не будут мешать. Наличие всех рабочих конечностей желательно, но не обязательно. Тут важнее голова и расчет. Если бы мне снова пришлось в одиночку выполнять задание ОРН по сбору серой слизи – я бы пришел туда в три утра. Никакой толкотни, никаких гриферов, работай с перерывами и вполне уложишься до вечернего сигнала.

Поэтому до предложения системы добираются многие. Большинство соглашается – соблазнительно ведь! Больше работы – но и солов тоже больше! И статус… а ведь мы смертные так падки на это слово – статус… Всем так стыдно быть жалким зомби – про червей даже не вспоминаем! – и все так хотят быть полуросликами…

Но буквально через два-три дня львиная доля согласившихся отсеивается. Возвращается на ОРН, чтобы больше никогда не пытаться подняться на ступеньку выше.

Почему?

Ответ прост – на уровне ПНР система выдает опасные задания. Реально опасные. Не умрешь, так покалечишься, не покалечишься – будешь серьезно ранен, обожжен или отравлен. Без шуток. Полуросликов бросают на ликвидацию различных разливов – от кипятка, что хотя бы быстро остывает, до технических жидкостей, бегущих по трубам за стеной. Ходят страшные истории о том, как несколько человек буквально растворились при ликвидации одного такого разлива. Хотя разливы случаются крайне редко.

Но это цветочки. Ягодки впереди. Именно полуросликов отправляют на очистку различных закутков, что обычно скрыты за металлическими заслонками. Приходишь ты туда, заслонка опускается – и на тебя прыгает плукс. Как отбиться от бронированной твари, если у тебя в руках пластиковое ведерко и такая же лопатка? Да никак. Конец блистательной карьеры.

Только ли грязь вычищать? Нет, конечно. Система дает полуросликам огромное количество самых разных заданий. И платит по слухам щедро – но как проверишь? Хотя если судить по виду – все, кто на уровне ПРН одеты, обуты, сыты и не страдают отсутствием конечностей. И все они готовы рисковать здоровьем. И жизнью.

А ты готов? Рисковать жизнью ради прибавки пусть даже в десять солов? Готов окунуться в кислоту?

Йорка до сих пор в каждой кошмарной детали помнит лица тех, кто попал под кислотный душ в одном из дальних залах. Туда отправилось звено. Вернулось четверо из девяти полуросликов. Обожженные, изуродованные, ослепленные, с диким надрывом кашляющие. Система спасла троих. Четвертый отдал богу душу – и умер гордым полуросликом исполнившем последнее задание Матери. А мог бы спокойно себе жить не слишком гордым орком или вовсе безмятежным гоблином.

Вот так вот.

Единственные кому действительно выгоден ПРН и дополнительные какие-то статусы, что по слухам выдаются системой особо отличившимся – это бригады. Их много. У них кое-что имеется из защитного снаряжения – те же комбинезоны, сапоги и защитные маски. Но туда не всегда легко попасть и к тому же бытует стойкое и неприятное мнение, что на особо мерзкие и тяжелые задания бросают именно новичков. Проверенными кадрами рисковать не хотят. А недавних гоблинов – в огонь их! В кислоту! К плуксам! Либо закалятся в передрягах – либо сдохнут…

– Интересно вы тут живете – хмыкнул я, выслушав бурный сбивчивый рассказ.

– Так что надо раз пять подумать, прежде чем становиться полурослико́м.

– Мы обязательно согласимся – тут же заявил я.

– Ты меня вообще слушал?

– Ага. Я тебя с самого первого дня слушаю. Ты ведь меня разбудила. Забыла?

– Да я не об этом, гоблин!

– Да и я о другом. Каждый твой рассказ говорит только об одном – здесь хорошо жить тому, чей статус выше. Вот только что ты рассказала, что бригады распоряжаются чужими жизнями, выбирая кому жить, а кому умереть. А ведь это не компьютерная игра, где смерть не значит ничего. Тут окончательно. Тут боль! Тут страх! Тут по-настоящему теряешь руки и ноги, становишься уродом с потекшей кожей и выжженными глазами!

– Ого… чего ты… выдохни, гоблин. Выдохни. А то лопнешь и

сдохнешь. Нам бы для начала хотя бы еще пару дней на ОРН продержаться и снова к гоблинам на скатиться. Еще нас могут прибить те трое. Или кто-то другой. Жизнь на Окраинах коротка, но весела, гоблин!

– Тут ты права.

– Артефакт спрятан надежно?

– О да – улыбнулся я, нежно погладив подвешенную левую руку – Спрятан надежно мой острый цветок…

– Все. Меняем тему. А то ушей много вокруг.

Кивнув, я сбавил шаг, протолкался к свободному местечку на ближайшем стенном выступе и вместе с Йоркой втиснулся в него. Ждем работодателей. И новостей. Я не зря сюда приперся – в вечно оживленное место. Сюда в первую очередь попадут самые свежие, а сегодня еще и кровавые новости…

Еще раз провел рукой по перевязи, ощутив очертания оружия.

Да как оружия… я нашел его в липкой массе, что покрывала те стальные блоки, вытащенные нами из стены. Я чудом не пропорол себе ладонь, когда зачерпнул рукой грязный студень. Черпанул… и в мутной грязи сверкнул он – эльфийский цветок…

Длинный и острый стеклянный осколок. Длиной в ладонь. Шириной в два пальца и чуть шире к основанию. Двумя черными линиями и тремя цветными областями поделен на три неравные части. Синюю. Красную в центре. Желтую у острия. На желтом фоне яркий радужный цветок с длинным стеблем, тянущимся по всей длине осколка. От стебля отходит три отчетливо прорисованных листа.

Цветок… необычно яркий, удивительный, явно придуманный художником. Хотя можно ли вообще назвать это рисунком? Я бы сказал, что мне в руки попал осколок богатого витража.

Почему эльфийский? Из-за необычности и яркости. Он не из этого мира. Не из мира низших. Осколок попал сюда совсем из другого мира – это очевидно. Такая красивая штука не могла быть рождена на грязной Окраине. Она выглядела… волшебной… а раз волшебная – то почему не эльфийская?

Эльфийский цветок…

Когда я произнес это вслух, Йорка лишь фыркнула. Хотя было видно – и ее заворожили яркие краски острой стекляшки.

Я же, изучив осколок, убедился, что он весьма крепок. Стекло толстое, чуть ли не закаленное. Вряд ли такой витраж разбился из-за пустяка – по нему нужно было хорошенько садануть, чтобы раскокать. Как бы то ни было – я обзавелся острым оружием, ставшим особенно удобным, когда часть наградного шейного платка была использована для обмотки рукояти.

И вот сегодня «цветик-семицветик» впервые искупался в

крови.

Мои ощущения после тройного убийства?

А никаких особых ощущения. Психика никак не отреагировала. Разве что проползло несколько досадных мыслей – вот тут налажал, не следовало бить так сильно, сила при таком остром оружии не критична. А тут сделал слишком маленький шаг и меня едва не окатило кровью. И прочие подобные мысли. Привычные мысли, как мне показалось. Но уверенным в этом быть не могу. Гадать же не собираюсь.

Еще из полезных мыслей – правое колено желательно перетягивать в меру тугой повязкой перед подобными делами. Сегодня оно едва не подломилось в самый ответственный момент.

Мы просидели на теплом стенном выступе двадцать минут, изредка переглядываясь и снова погружаясь в ленивые мысли. На двадцать первой минуте из недавно покинутого нами коридора послышался быстро. приближающийся крик. Еще через минуту на перекресток выскочил запыхавшийся гоблин без правой руки и, закрутившись в странном шаманском танце, повторил свой крик:

– Убии-и-и-или! Убили!

Обрушившаяся лавина вопросов была порождена доброй полусотней жаждущих подробностей глоток. Вопросы чуть отличались, но все их можно было свести всего к нескольким:

– Кого?!

– Как?!

– Где?!

– Кто?!

Продолжающий танцевать однорукий гоблин крутнулся особенно быстро и скороговоркой выпалил:

– Джонни Льва! Красотку Тому! Уродину Зану! Всех троих завалили в паре троп отсюда! У всех глотки вскрыты! Кровяши – море! Море! Там уже полусфера Матери висит. Сразу восьмерым похоронные задания выдали – везуха! Само собой десятерым – попробуй утащить Джонни!

– Скоро за нами придут – шепнула Йорка – Следователи. Детективы…

Что за бред? Хотя она что-то говорила про то, что скоро нас навестят. Но об этом позже. Сейчас поговорить точно не удастся. Едва говорливый зомби отстрелялся, головы собравшихся на перекрестке одна за другой начали поворачиваться к скромно сидящей на стенном выступе парочке – номерам одиннадцатому и девяносто первому.

Новости на семнадцатом перекрестке появляются быстро. Здесь давно наслышаны про то, как два гоблина насмехались над кипящим от бешенства жирным орком Джонни Львом. И все

знали, что вскоре Джонни покарает насмешников. Жестоко покарает. И вот Джонни Лев, Красотка Тома и Уродина Зана лежат в лужах собственной крови.

На нас скрестилась столько взглядов, что я не выдержал. Вскинул голову, широко улыбнулся и задал простейший вопрос окружающим:

– Что-то хотели, гоблины?

Взглядов в разы стало меньше. Я же глянул на застывшего посреди коридора однорукого глашатая и сказал:

– Давай дальше. Труби о новостях. Где конкретно случилось? Как именно убили? Давай нам больше горячо любимых кровавых подробностей.

– Да, сэр гоблин! – вякнул глашатай – Ой… мистер Одиннадцатый!

– Я гоблин. Гоблин Оди. А это мой верный друг гоблин Йорка. Запомнил?

– Ага! Гоблин Оди и гоблин Йорка.

Почему продолжал называть себя гоблином? Не знаю. Но так казалось правильным. Еще не время отрываться и отворачиваться от грязи, что меня породила. Я рожден Окраиной – родиной червей, зомби, гоблинов и орков.

– Давай подробности, трубадур. Давай…

– Хм… – по печальному лицу гоблина сразу стало ясно – новости кончились. Одним залпом он выпалил все имеющееся. Ему осталось огласить то, что и так все знали – нагрудные номера тех, кто грозился и скорей всего и убил. Вот только как огласить эту новость? Ее ведь все знают. Да к тому же те, кого он хотел назвать, сидят перед ним и смотрят с пробирающей до костей жуткой доброжелательностью…

– Новостей больше нет – скромно потупился глашатай – Извините…

Гоблин испарился. А перекресток вскоре снова зашумел.

Ну вот и славно. Осталось дождаться либо работодателей, либо же упомянутых Йоркой следователей.

Есть все же органы правосудия в этом мире! И, похоже, вскоре мы с ними познакомимся.

Глава седьмая

С работой сначала не повезло – та же бригада Солнечное Пламя предложила бурлачество, кое меня больше не интересовало абсолютно. Услышав призыв плащеносного полурослика по имени Морис напарница дернулась, не забыв потянуть и меня за собой. Я дернул ее в обратную сторону. Когда она уселась, пояснил:

– За майки и платки жилы рвать больше не станем. Никогда.

– А чего ж тогда приперлись? И мы же себя зарекомендовали усердными гоблинами! Пошли напомним! И по свободной лямке на рыло нам обеспечено! Вдруг еще и пожрать дадут? Ты не голодный что ли?

– Бурлачить не станем! – отрезал я и с наигранной мрачностью уставился на Йорку – Будешь спорить с верховным гоблином?

– Пф! Лопни и сдохни, гоблин! Лопни и сдохни!

– Твоя присказка все лучше и лучше – уже искренне улыбнулся я, неспешно вставая и беря курс на плащеносного – Пошли.

– Там те же самые охранники, Оди. С одним ты в прошлый раз схлестнулся…

– Ага. И поэтому я специально подождал. Чтобы даже до бригадной охраны дошли воняющие пролитой кровью последние новости. Видишь, как на нас два парня с дубинками пялятся? Уже знают.

– Так тем более не пойдем! Мы же эти… гоблины-убийцы. Опасные. Даже говорить с нами не станут.

– Вот тут ты ошибаешься – тихо ответил я – Не мирные гоблины умерли сегодня. А мерзкие паразиты живущие за чужой счет. Таких никто не любит. К тому же бригаде даже лестно, что такие как мы – крутые и бесстрашные – будем работать на них. Ну и главное – с такими как мы всегда выгодно поддерживать ровные и взаимовыгодные отношения.

– Почему?

– Потому что мы умеем и не боимся убивать.

– Жуть!

– Тихо… – велел я и широко улыбнулся вставшему передо мной давешнему бугаю, обещавшему сделать меня червем – Чего-то хотел?

– Ты это…

– Да? Я что?

– Чего хотел в общем?

– С начальством твоим переговорить. А ты отвали.

Церемониться с этим наглым пареньком я не собирался. Как и идти на примирение.

– Морис!

Окликнутый повернулся с такой готовностью, что сразу становилось ясно – заметил наше приближение издалека, успел отвернуться и придать лицу чуть усталое выражение предельно загруженного работой полурослика. Но стоило ему увидеть меня – якобы только что – как на его лице появилась точно отмеренное количество положительных эмоций.

– Одиннадцатый… девяносто первая… снова решили поработать?

– Зависит от работы и оплаты – ответил я, подходя ближе и протягивая правую ладонь.

Миг… другой… третий… и мою руку сжали в твердом рукопожатии. На глазах у всех один из лидеров бригады Солнечное Пламя пожал руку гоблину-убийце. Следом поручкался и с Йоркой, не забыв сменить руку. Казалось обычное приветствие. Но я знал – оно породит новую волну новостей, чтобы мгновенно разлетятся по всей Окраине. Затем новости трансформируются в чуть дополненные фантазией слухи, что следом трансформируются в невероятные сплетни. Но в каждой сплетне будет четко прослеживаться главная связь – одиннадцатый и девяносто первая, Оди и Йорка, контачат с бригадами. А может и работают вместе. И речь не только о бурлачестве.

Что это даст нам?

Многое. От нас отстанут многие местные задиры. Сильные миры сего попытаются нас прощупать, узнать подробностей, выйти на контакт.

А это в свою очередь подарит целый букет возможностей. Каких? Понятия не имею. Но тут главное раскрутить маховик и поддерживать его вращение. Возможности появятся обязательно – главное потом сделать правильный выбор.

Морис меня не подвел. Улыбнувшись шире, успокоил:

– Ну не бурлачить же вас поставлю. Найдем работенку получше. В деле?

– Мы с вами – кивнул я. Радостно закивала еще ничего не понимающая Йорка.

Девчонка пребывала в удивленной прострации. Мы ведь замешаны в тройном убийстве. И почему же на нас не кидаются, почему не крутят нам руки, почему с нами ручкаются важные полурослики? Мы ведь гоблины-убийцы! Ату нас! На вилы нас! Горящими факелами нас!

– Лопнуть и сдохнуть – прошептала напарница, вцепившись мне в правую руку – Лопнуть и сдохнуть, гоблин! Какого эльфа тут происходит?

– Тс-с-с… – сказал я – Принимай как должное.

– Как будто это легко!

– Привыкнешь – успокоил я ее – Пошли.

И мы снова отправились в дорогу, неспешно шагая за неохотно плетущимися гоблинами. Куда торопиться? Впереди тяжелейшая работа за крохотную плату…

Нам поручили самую легкую работу из возможных – вручили щетки с длинной рукоятью и жесткой щетиной, поручив очистить пол зала от следов слизи и грязи оставшихся после выхода из стен механизмов. Сами механизмы уже стояли посреди зала на металлической решетке, вокруг суетились споро работающие полурослики. Мы не отставали, хотя орудовать щеткой одной рукой было трудновато. Но справились за час. Еще часок передохнули и приступили ко второму раунду очистки, быстро приведя зал в порядок.

Заодно во время передышки снова стали свидетелями явления плуксов. На этот раз из темноты выскочило сразу три твари. Одна крупная, длиной в локоть. И две поменьше. Но атаковали неведомые зверушки с одинаково высокой агрессией. Одна получили серьезное ранение дубиной, но не отступила, не попыталась скрыться – продолжила атаковать. Странно… где инстинкт самосохранения?

Да и внешний вид плукса… он чем-то напоминал четырехлапую обезглавленную куриную тушку сплошь закрытую мелкой прочной чешуей. Ни малейшего намека на морду или хотя бы глаза. Безголовые звери выглядели страшновато и даже мистично. Но когда их порешили и начали собирать безжизненные тушки, заметил загнутые игловидные клыки и чуть открытую пасть. Набор для поглощения пищи имеется. Но расположен на брюхе. Вот теперь ясно почему неплохо прыгающие плуксы бросаются не в горло, а на конечности. Обхватить ногу всеми лапами, прижаться изо всех сил, сжать мышцы – и жертва получит на бедре или голени бронированную мерзкую шишку. Попробуй сбей! Разве что с мясом сорвешь. А плукс в это время воткнет в твою плоть игловидные клыки и примется за завтрак…

Ценное наблюдение. С этими тварями надо быть предельно осторожным. Мой стеклянный нож их вряд ли проймет. Если и пробью чешую точным тычковым ударом, плукс дернется и лезвие сломается. Тяжелая дубина с гвоздями – проверенный надежный

вариант.

Закончив второй раунд уборки, получили заслуженную награду. Каждому досталось по литру воды и по два пищевых брикета. После чего Морис самолично преподнес каждому из нас майку, шорты, бейсболку, шейный платок и простую поясную сумку с тремя вместительными карманами. Полный набор гоблинской одежды. После вручения подарка было коротко упомянуто, что никто по таким паразитам как Джонни Лев плакать не станет. После их смерти воздух на Окраине стал чище. Ну и тихонько намекнули, что Солнечное Пламя рада знакомству с такими решительными личностями как мы. Ничего конкретного. Размытые и размазанные слова. Но умный поймет. Я понял. На том и разошлись.

Мы отправились в родной Клукс, шлепая по кратчайшей тропе. Приплясывающая Йорка не могла удержаться и через каждые два шага ласково поглаживала поясную сумку с притороченной к ней почти полной бутылкой воды.

– Мы богачи, гоблин! Богачи, лопнуть и сдохнуть! Сумка набита новой одежкой. Едой! Водой! Положительный баланс солов! Лопнуть и сдохнуть! Мечты достигнуты, гоблин!

– Мы даже порог зала мечтаний не переступили пока – покачал я головой, потирая локоть и прислушиваясь к ощущениям – И перед самым входом в это зал висит не слишком большой качественный рюкзак военного типа.

Боли не было – обезболивающее работало. Но появились новые ощущения внутри сустава – будто там кто-то тихонько начал копошиться, осматриваться, легонько прикасаясь к больным местам. Начало действовать лекарство? Внешне локоть не изменился – все такой же раздутый и багрово-синий, уродливый. Буду верить в силу медицины и не стану тревожить больную руку, вынимая ее из перевязи.

Мы спокойно дошлепали до родных коридоров и ввалились в КЛУКС-17. Уселись за ближайший свободный столик. Через минуту сидящие за соседними столиками постарались незаметно свалить.

Слава кровавых убийц так многогранна…

Этому я не удивился. Чему тут удивляться? Боязнь, нежелание находиться в зоне потенциальной угрозы или развернувшегося конфликта – проявление инстинкта самосохранения. Раз соседние столики разбежались – за них надо порадоваться, ведь они проявляют завидную жажду жизни.

И чего это Йорка опять взъерошилась? Чего опять напряглась? Да эта гоблинша хоть когда-нибудь бывает спокойной? В ней постоянно бушует такой силы нервное

напряжение, что можно к ее вискам прилепить провода и спокойно запитать освещение пары коридоров. Впрочем, много ли женщин флегматиков я знаю? Они всегда найдут причину волноваться.

И что на этот раз?

Проследить за взглядом Йорки, пытающейся незаметно ткнуть меня под столом ногой, было несложно.

К нам шли трое. Трое полурослико в, если точнее. Штаны, футболки и даже длинные куртки, раз глянув на которые, сразу же себе сказал – хочу одну такую. Достигает середины ягодиц, мешковатая, из прочного материала вроде брезента, с обилием карманов застегивающихся на клапаны с липучками, высокий и толстый воротник, что явно скрывает в себе аккуратно сложенный капюшон. Рукава до середины ладони, подкладки вроде нет, но учитывая здешние температуры – в такой куртке можно спокойно жить-поживать и детей наживать. Хочу.

У каждого из трех имеются ремни и поясные сумки. Нигде никаких цветных или еще каких символов намекающих на принадлежность к той или иной бригаде. Независимое трио? Против нашего дуэта?

Успокаивающе улыбнулся Йорке и выжидательно уставился на первого из трех мужчин. Не парней. Мужчин. Каждому хорошо за сороку. Глаза у всех умные, руки держат на виду, но при этом рядышком с ремнем. А второй, чуть прикрывающийся впередиидущим, причем делающий это грамотно, что-то прячет в просторном правом рукаве куртки. Этот мужик настроен на неприятности и готов им противостоять.

– Добрый день, уважаемые.

Вот это я понимаю начало беседы. Вежливое. Сразу видно – полурослики. Ну или цивилизованные орки. Но уж точно не грязные злобные и невежественные гоблины.

– Добрый день – отозвался я – Чем можем помочь?

– Мы получили задание от системы.

Пауза.

Повисшую тишину нарушать не стал. Но отметил напряженное любопытство гоблинов вокруг, пытающихся делать вид, что не пытаются подслушать и полностью заняты завороженным созерцанием недавно протертых столешниц. Протертых на совесть! Мы протирали!

– Двойное задание, если вдаваться в детали. Первое задание – доставить мертвые тела трех погибших орков в ближайший медпункт. И сделать это максимально быстро. Мы справились. Хотя с Джонни возникли… определенные трудности…

– Джонни был жирным и тяжелым – понимающе кивнул я.

Максимально быстрая и бережная доставка трупов в ближайший медпункт? Тут и гадать не надо – если конечности еще годы, их отрежут. А затем пришьют следующему «новорожденному». Родится тот и знать не будет, что к его плечам пришиты жирные лапы убитого Джонни…

А если я отрежу кому-нибудь левую руку – хорошую такую, спортивную – притащу ее в медблок и попрошу заменить ей мою больную конечность? Меня система сразу на мясо пустит? Или просто руку заберет?

Но я отвлекся… Хотя как отвлекся – от меня явно ждали еще каких-то слов, но я улыбался и молчал. Йорка возила грязным пальцем по столешнице. Эй, гоблин! Мы же сами протирали! Чего сопли размазываешь?!

– Второе задание последовало за первым. Мать просит найти убийц трех ее непутевых детей.

Чего-чего он щас сказал? Как-как?

«Мать просит найти убийц трех ее непутевых детей»? Охренеть…

– Наша Мать сострадательна и добра. Ей важен каждый из нас. Ведь каждому из нас она уготовала свою судьбу, свое испытание. Славься Мать.

– Славься Мать! – повторили стоящие за ним.

Сказанув, поглядели на меня. Я же смотрел на Йорку – а она даже рот уже открыла, чтобы повторить ту же ересь. Переведя взгляд на странных троих мужиков, улыбнулся:

– На меня не смотрите, мужики. Я в чужом бреду не участвую – Будда запретил. Но каждый решает для себя сам. Чем могу помочь, уважаемые?

Переварив мой ответ, лидер троицы недовольно поджал губы, пожевал ими, после чего проделал странный жест – подняв руки ко рту, аккуратно вытер уголки губ указательными пальцами. И лишь затем заговорил снова:

– Мать просит найти убийц. И мы всегда рады угодить ей.

«А от награды за задание ты отказываешься при этом, угодливый ты наш?».

Система ищет убийц… потрясающе… не увидела сама – наняла доморощенных детективов. Во бред…

– Несколько достойных доверия зомби и гоблинов указали на вас. Как на возможных убийц.

– На нас указали?! – резко повысил я голос до такой силы, чтобы меня услышали, как минимум десять-пятнадцать столиков вокруг – Какие-то гоблины указали на меня и Йорку? Кто?!

– Это не имеет…

– Имеет! Кто конкретно указал на нас? А то я тоже могу

пальцем ткнуть – в тебя! – и я ткнул, после чего громогласно заявил – Считаю убийцей тебя! И я гоблин достойный доверия! Хотя я уже орк, но… Короче! Кто тут на нас клевещет? Назови имена. Тьфу. Номера!

– Не назову.

Холодный и уверенный тон. Он прямо лучится бесстрашием и уверенностью. Но при этом его нога незаметно отодвинулась чуть назад, таз чуть повернулся. Он готов в любой миг сделать широкий боковой шаг в сторону, уходя от удара и открывая дорогу стоящему сзади бойцу. А это точно боец. Их тактический лидер, что и отрепетировал вместе с главным схему грамотного ухода из-под атаки.

Подавшись вперед, я оперся правым локтем о стол, чуть наклонился в сторону, чтобы видеть второго. Внимательно оглядел его, потом сказал:

– Зря так напрягаешься, мужик. Сразу видно, что в рукаве спрятано что-то убойное. Веди себя естественней. И тебе не стоит так глубоко прятаться за спину босса. Он мужик тяжеловатый. Однажды не успеет уйти в сторону – и его пырнут, пока ты оббегаешь его со стороны. И ноги так широко не расставляй, сам же знаешь – одна должна едва касаться пола, быть приставной. В идеале – пусть он стоит сзади и говорит из-за твоей спины.

Пауза… пауза…

– Учту – короткий кивок, в глазах загорелась тревога, он медленно выдвигается из-за спины босса, напружинивается – Ты кто такой?

– А ты кто такой?

– Пять-пять-три.

– Я двойная единица. Но все зовут меня Оди.

– Я Клин.

– Слушай, Клин. Попроси начальника поискать убийцу в другом месте. Здесь убийц нет – я перевел взгляд на лидера троицы – Здесь два усталых после работы гоблина, что хотят спокойно посидеть и поболтать о всякой житейской ерунде, прежде чем отправиться в душ, а потом и баиньки. Я ясно выражаюсь?

– Да – ответил телохранитель.

– Да – подтвердил понимание главный. И в его голосе прозвучало сожаление. Он толком ничего не понял, но главное уяснил – надавить на нас не получится, признания не будет. А без нашего признания… задание не выполнить.

Какие еще варианты?

Свидетелей искать? Так их не было. Подставных найти? Так надо еще подыскать так, чтобы во время убийства находились

где-то рядом. И кто его знает – вдруг у системы есть детектор правды? Свидетелей ведь кто-то должен будет допросить.

Наверняка есть свои тонкости – которых я не знаю. Но «детективное задание» не может быть простым. Нужны железобетонные доказательства. Ибо в этой системе правосудия виноватым руки-ноги отрубают.

– Здесь нет убийц – повторил я с улыбкой. И повторил громко, после чего добавил – Но кто бы не убил Джонни и кого-то там еще – он оказал всем большую услугу! В этом я уверен!

– Матерь убийства осуждает! – отрезал безымянный и в его голосе зазвучала нескрываемое осуждение и… брезгливость.

Я был противен этому человеку. Логично – разве чистюле полурослику может нравится грязный злобный гоблин?

– Спрошу тебя, одиннадцатый. И тебя, девяносто первая. Это вы совершили тройное убийство? Матерь наблюдает!

Это блин не детективное расследование кровавого убийства! Это какое-то явление инквизитора! И чего он ждет, задав такой вопрос? Что я разревусь, бухнусь на колени и во всем признаюсь? А эта последняя фраза про наблюдающую Мать. Пусть еще за раскаленные щипцы возьмется…

– Тебе уже ответили – тут нет убийц. Иди с миром, полурослик – уже куда жестче повторил я.

– Справедливость торжествует даже в этом мире! – припечатал напоследок мужик.

Но вот так вот уйти я ему не дал. Окликнул:

– Эй! Мужик из веселого трио! Где куртку брал? И почем?

Ответа я не дождался. Зато получил короткий и цепкий взгляд телохранителя. Ответил ему тем же, на том и разошлись. Но шагов через десять – как же меня это достало – босс обернулся и уверенно заявил:

– Правду не скрыть!

И тут Йорка не выдержала. Привстав, она рявкнула:

– Отвалите! Сказано же – здесь убийц нет! Чего непонятного? Может это ты убил! А на нас свалить пытаешься!

Злобная фурия не скрывающая эмоций. Наконец-то ее вечная придавленность исчезла. Плюющейся огнем девушке никто из трио не попытался возразить. Хватило мозгов понять – бесполезно. Поэтому они молча ушли. Йорка плюхнулась обратно на скамью, зло фыркнула. Я бы ее утешил, но был немного занят – наблюдал за проходящими поодаль старыми знакомыми – Барсом и Буксой. Наблюдал чисто автоматически и вел взглядом. Они же мой взгляд поймали, замедлили на секунду шаг, а затем ускорились, поторопившись скрыться в одной из «игл». И до них новости дошли.

Повернувшись к Йорке, предложил:

– Давай пораньше завалимся по капсулам спать.

– Хорошая мысль – призналась девушка – Меня уже вырубает.

– А встанем в час ночи.

– Шутишь?! Нет, реально что ли в час ночи? Хотя…

Я терпеливо ждал, наблюдая, как Йорка медленно, но уверенно мысленно складывает все случившееся с нами за сутки, подбивая итог. У нее ушло минуты три. После чего последовали решительные слова:

– В час ночи подъем! Реально выгодно – никаких гриферов, никакой толкотни ни в коридорах, ни на месте работ. Выполним ежедневные – а там может и на группу задание получим.

– Ага – кивнул я – Как не крути вставать рано выгодно. Если вымотаемся – после обеда перехватим пару часиков сна.

– Договорились, гоблин. Оди…

– Что?

– Куда так торопишься?

– Здесь – я обвел взглядом забитый зомби, гоблинами, орками и редкими группками полурослико в зал – Здесь Окраина. Что нам тут делать? Так что завтра наш последний здесь день.

– Ты серьезно?

– Для меня – стопроцентно, если не случится чего-то неожиданного. Тебе решать самой. Но… что ты потеряешь, уйдя отсюда?

– Да ничего – тряхнула головой напарница – Ладно! Даже не спрашиваю пока куда пойдем – чтобы не слышать плохие новости перед сном. Не забудь – тебе надо лекарства и обезболивающие. А я хлебну водички – и спать.

– Подожди меня. Найдем две свободные капсулы поближе друг к другу.

– Лишь бы встать в час.

– Я тебя разбужу – улыбаясь прямо как зловредный гоблин, пообещал я – Даже и не надейся поспать подольше.

– Нет гоблинам покоя…

– И не будет!…

* * *

Баланс: 11

Ужин и воду я вчера не брал, сэкономив пару солов. До инъекций еще далеко. А вот солы за аренду чуть бракованного комплекта конечностей система уже забрала. Ну и три сола ушли

на личную гигиену.

Текущее время: 01:05.

Протяжно зевающая Йорка скрючилась у покинутой капсулы, делая мелкие глотки из бутылки. Я не мешал, успев уже напиться. Я был занят осторожной разработкой левой руки. Медленно и аккуратно едва-едва сгибал и разгибал локоть, довольно при этом улыбаясь – рука сгибалась куда легче, не было ощущения, что мне в локоть насыпали толченого стекла. Еще работало вколотое перед сном обезболивающее, оно здесь удивительно мощное. Но факт остается фактом – работать локоть стал лучше.

Да и в целом конечности стали выглядеть лучше – не то, чтобы помолодели, но со старческой кожи исчезли некоторые пятна, руки и ноги стали чуть толще, перестав походить на обтянутые резиной спички. На руках порозовели ногти. На ногах цвет ногтей далеко не розовый, но уже и не черный. Стало гораздо легче шевелить пальцами ног, хват рук стал крепче, колени уже не трещат при каждом резком движении. Поясница под вечер побаливает с левой стороны, но эту боль можно спокойно терпеть.

Не могу не признать – выдаваемые системой лекарства и витамины действуют отменно.

Если левая рука начнет свободно сгибаться в локте – с этим уже можно жить и работать.

Машинально провел ладонью по гладкой щеке. Вчера обнаружил, что оброс щетиной, но по этому поводу не волновался совершенно – взял и сбрил. Хотя это не проблема – бородатых гоблинов хватает. А зомби и черви – сплошь обросшие. Но я побрился. Таблетка для бритья стоит два сола. Ага. Таблетка. Серая таблетка размером с большую монету. Продается в торговых автоматах. Берешь с собой в душ. Хорошо смачиваешь. И она превращается в густое серо-синее желе – этой смесью хорошенько смазываешь все места, где не желаешь волос и щетины. На голову не хватит, а вот на щеки, подмышки и прочие причинные места – да. Ждешь минуту – и смываешь желе вместе с волосами. Готово.

Так что я свежевыбритый и не пахнущий потом орк. Расту как личность!

Узнал про стрижку волос. И удивился – система этим не занимается. Хочешь быть стриженным? Стригись сам. Ну или найди гоблина с ножницами и за небольшую мзду он тебя оболванит в меру своих возможностей. Не хочешь? Купи две таблетки для бритья и обмажь ими свою дурную голову.

Убедившись, что Йорка окончательно проснулась, спросил:

– Что сегодня требует система от толком не выспавшегося гоблина? Какое служение желает?

– Удивительно чистое, блин.

– Дай угадаю – подача двадцати блоков их отверстия А в приемные ниши Б, В и Е. Верно?

– Ага. То же самое? Конечно. Мы же группа. Пришла в себя, гоблин?

– Более-менее.

– Тронулись. Позавтракаем в дороге. Нам далеко шагать, кстати?

– Угу. Километра четыре. Сначала до семнадцатого перекрестка. Там свернем на двенадцатую тропу и по ней до двадцать девятой тропки. Там считай и пришли. Шагать почти час.

– Уложимся в полчаса – не согласился я – Пошли!

И мы потопали по безлюдным тихим коридорам. Если честно – даже жутковато. Я тут всего пару дней можно сказать, но уже привык к постоянным толпам, крикам, чавкам, хохоту и плачу, что постоянно наполняют Окраину. А тут такая тишина…

Пока шли, научил Йорку правильно заворачивать за углы. Большинство людей подходят к углу впритык и резко сворачивают. Экономят время и силы. Я потребовал, чтобы она отступала от стены как можно дальше, не ленясь делать небольшую петлю. Пусть это лишние три-четыре шага, но при этом никто не воткнет тебе нож в живот – если за углом засада увидишь ее загодя и появится шанс среагировать. Компаньонка – как я стал ее иногда величать, сонно и недовольно шипела, огрызалась, но с каждым разом обходила углы все умнее.

– Никого нет – удивленно сказала Йорка, когда мы подходили к семнадцатому перекрестку – Почему все спят? Ведь это так выгодно и удобно – рано выполнить задание. А потом хочешь спи, хочешь гуляй.

– А ты почему спала? – ответил я вопросом на вопрос.

– Так ночь же…

– Вот-вот.

– И никто кроме нас так не делает что ли?

– Вот тут ты сильно ошибаешься – усмехнулся я – Поверь – уйма хитрованов выполняет задания ночью. Тихо и незаметно. Просто они не торопятся просвещать и убеждать других в выгоде такого подхода. Зачем? Они ведь сами догадались – или подсмотрели – пусть и другие своим умом доходят.

– Ну да – мы ведь тоже никого не убеждаем. Не хочешь делиться инфой?

– Не – мотнул я головой – Другая причина. Парадокс в том,

что все шишки достаются тому, кто уговаривал.

– Это как?

– А так – сначала ты с искренним желанием помочь какому-нибудь гоблину рассказываешь о всех прелестях работы ночью. Он с ленцой слушает, зевает, потом отмахивается – ерунда мол. Тут и начинается удивительное – вместо того чтобы послать лентяя нахрен, ты заводишься, начинаешь уже не рассказывать, а убеждать. И в конце концов у тебя получается его убедить. После чего он просит тебя его разбудить ночью, потом сопроводить к месту работ, следом уже не просит, а чуть ли не требует помочь с самой работой. Ты все делаешь. Но он еще не уверен. Надо бы повторить. На следующий день все повторяется. Ты весь в грязи и поту успеваешь и свою работу сделать и ему помочь. И только потом он с неохотой признает – ну да, что-то в этом есть. Может и буду так делать – если ты будешь будить меня каждую ночью и помогать в работе. Чего? Не будешь меня будить каждое утро? Помогать не будешь? Вот ты гребаная сука! Так и знал, что обманываешь!

– Ну ты и мрачный!

– Не я мрачный. А так и есть. Поэтому гоблины вроде нас тихонько выполняют задания и лишний раз не болтают. Опять же ночью бродишь, свидетелей мало. Вдруг тот, кому ты все расскажешь, решит, что твои шлепки ему как раз по размеру и подкараулит за углом?

– Вот это в точку про Окраину!

Вскоре мы углубились на незнакомую территорию. Во всяком случае для меня. Автоматически перешел на не столь быстрый шаг и Йорку придержал. Не лети, гоблин. Не лети.

– Да я здесь бывала! – попыталась она меня успокоить – Много раз. Дорогу покажу.

Я кивал, соглашаясь, но ускоряться не спешил. Надо осмотреться.

Тут все несколько иначе. Вроде те же дороги, тропы и тропки. Но отличия все же есть. Здесь все выглядело более… старым… Металлические стены потускнели, потолок не такой высокий как в наших родных коридорах – разница где-то в метр. Сплошной стальной пол часть прерывается вставками из частых решеток, оттуда рвутся потоки воздуха, и каждая такая решетка несет сюрприз. Из одной с ровным гудением исходит теплый воздушный поток с легким запахом пыли и железа. Приятно задержаться и погреться. Из другой решетки рвутся прерывистые леденящие порывы, морозящие кожу. Из следующей решетки исходит слабый поток воздуха и отчетливый аромат чего-то съедобного – но не понять, чего именно. В этих коридорах больше

поворотов, на части стен и потолка видны странные вздутия неизвестного предназначения. Нигде не встретились любимые гоблинами теплые стенные выступы, на которых так приятно согревать усталые кости.

– Чего ты так медленно шлепаешь, гоблин? – не выдержала напарница.

– Новая обстановка – охотно ответил я – Надо впитать в себя детали.

– Хм… ну впитывай… уф… – надулась рвавшаяся поработать Йорка.

– Спрашивай – предложил я – Будет не так скучно.

– Это можно. Чего вот ты тут впитываешь?

– Обстановку, архитектуру, мелкие особенности, остатки того, что когда-то тут было, но потом оказалось демонтировано. Или наоборот – чего тут не было, но потом появилось.

– Я вижу те же коридоры. Шлепаем обычной тропой.

– Рельс видишь – указал я на проходящий над нашими головами рельс, служащий дорогой для наблюдающей полусферы системы.

– Ну. Материнская тропа.

– Г-х… – поморщился я, не сдержав вырвавшийся из горла звук – Прекрати.

– Ок.

– Сравни рельс со стенами и полом. И поймешь – его установили сюда гораздо позднее. Изначально тут не было потолочного рельса и тут не каталась полусфера. Зато вон там, вон там – и еще мест десять таких же мы уже прошли – под потолком на стенах видны пятна и наглухо заделанные отверстия. Это следы креплений. Раньше тут висело оборудование – и я почти уверен, что это были камеры наблюдения.

– Пусть так. Раньше система наблюдала через камеры, потом повесили рельс и пустили полусферу. И что? Суть не меняется. Модернизация! Прогресс!

– Может и так – согласился я – Но любая мелочь может оказаться полезной. Видишь? Вот. На входе в тот зал или что там.

– Ты про три отметины на входе?

– На косяке. Раньше тут имелась дверь. Судя по размерам креплений и их количеству – тяжелая дверь. В верхней и нижней части косяка заделанные дыры. Дверь, Йорка. Раньше тут стояла дверь. А на стене рядом – о которую дверь частенько ударялась – остались следы запорного механизма. Рычажного запорного механизма с ручным управлением.

– И что? О… – поняла напарница и призадумалась.

В местах нашего «обитания» и труда, в тех зонах Окраины,

где я уже успел побывать, не было никаких дверей на входах в залы и в коридоры. Не было и намеков на то, что раньше они имелись. Имелись заслонки и двери в медпунктах и комнатах, где выдавалась пища – но там они уходили в потолок или стены. Тогда как здесь, на входе в зал, раньше висела дверь с запорами. Судя по едва-едва заметным следам на стене рядом – дверь была снабжена ручным запорным механизмом. Те, кто обитал здесь в незапамятные времена, имели возможность самостоятельно закрывать и открывать двери, запирать их и отпирать.

Мелочь?

Ну нет. Это важнейший факт. Просто его пока некуда применить. Единственное, что я сумел установить достоверно – это было очень-очень давно. И длилось до тех пор, пока кто-то резко не изменил здесь все, лишив гоблинов возможности открывать и закрывать двери.

Что-то мелькнуло далеко впереди. Смазанное движение. Быстрое и бесшумное. Там поворот – метрах в ста от нас. Остановившись, выставил ладонь, и шедшая рядом Йорка врезалась в нее животом. Удивленно «повисла» на моей напряженной руке. Глянула на меня. И, поняв, не стала шуметь, округлила губы в беззвучном вопросе: «Что»?

Убрав ладонь, прижал палец к губам и жестом же показал – делай как я. Разувшись, засунул шлепки за поясную сумку. Встал поближе к стене и мягко пошел дальше, бесшумно передвигаясь по то холодным, то теплым плитам стального пола и каждый раз морщась, когда босая нога наступала на решетки. И каждый раз в душе просыпался суеверный страх – вот-вот чьи-то очень тонкие пальцы или клыки выскочат из дыр решетки и пронзят босую ногу. А когда хлынет кровь – под решеткой послышится хлюпанье и довольно урчание насыщающегося монстра… Глупость. Будто резиновые шлепки могли бы спасти от подобной атаки. И все равно «дышащие» решетки напрягали… Жутко не хотелось на них наступать, ноги подрагивали, готовые в любой момент прыжком уйти от воображаемой опасности.

Хотя почему воображаемой? Я уже успел убедиться, что Окраины таят в себе огромное количество вполне реальных опасностей. Так что смеяться над своими необоснованными вроде бы страхами я не собирался, как и позволять себе расслабиться. Я просто шагал дальше, ведя за собой Йорку, глядя вперед, но не забывая посматривать назад.

Дойдя до поворота, где видел быструю тень, чуть задержался, прислушался. Досадливо поморщился – шумов предостаточно. Уши заполняют механические звуки – далекий лязг, сипение воздуха, клокотание… попробуй тут расслышать чьи-то шаги или

сдерживаемое дыхание затаившегося за углом.

Выглянул. Никого.

Ставший чуть шире ярко освещенный коридор уходил вперед. Решеток прибавилось и теперь они были не только на полу, но появились и на стенах. Еще пару решеток увидел на потолке. И сразу вспомнил леденящий душу рассказ Йорки о тех, кто попадал под разливы кислоты, кипятка и прочих малоприятных жидкостей. Вон из тех потолочных решеток вполне может что-то нехорошее хлынуть на наши головы. Даже не обязательно что-то жидкое – хватит и вырвавшейся из прохудившейся трубы под высоким давлением свистящей струи раскаленного пара, чтобы мгновенно превратить нас в обожженные трупы.

Еще раз вспомнил уже виденные плащи и куртки из брезентового материала. Они снабжены капюшонами. Если одет как надо и попал под струю пара – есть шанс выскочить до получения ожогов. Окраина – это, конечно, не компьютерная игра. Но экипировка здесь очень важна. Ее роль в выживании нельзя недооценивать. Возможно, я изменю свое решение и еще немного задержусь – но только в том случае, если за сжатые сроки смогу как следует приодеть себя и Йорку.

Едва мы осторожно миновали следующий поворот, я резко остановился. Едва не наткнувшись, остановилась и напарница, выглянув из-за моего плеча. Замерев, я со все нарастающим удивлением смотрел на целеустремленно шагающего по коридору человека. Хотя тут людей нет. По коридору двигался… гоблин? Орк? Что-то среднее. Шорты, кеды, бейсболка, поясная сумка, потрепанная синяя футболка свободно болтающаяся на тощем теле. Парень – а ему не сильно за двадцать – вообще худой как щепка. Но двигается свободно, движения мягкие, легкие, бесшумные и очень… необычные.

Вот он, держась левой стены, едва-едва скользя по ней пальцами, сделал пять больших уверенных шагов. Остановился на долю мгновения. Сделал еще десяток шагов, стремительно от нас удаляясь. Остановился. Странно наклонив голову, постоял, будто прислушиваясь. Пошел дальше, но оказавшись на одной из решеток остановился, присел. Подержал руку над исходящим из нее потоком, наклонившись и… принюхиваясь? В чем-то убедившись, встал, чуть постоял и пошел дальше, ровно в семь шагов добравшись до отворота на узкую тропку. Его рука нащупала край, и он свернул на тропку, перед этим повернув лицо в нашу сторону. Сейчас заметит, остановится, вскинет опущенное лицо, скрытое козырьком бейсболки… не увидеть нас невозможно – мы шагах в тридцати с небольшим.

Но случилось удивительное – парень посмотрел прямо на нас,

не выказав никаких эмоций, а потом просто нырнул в боковой коридор и пропал. И лишь затем мои глаза запоздало передали мозгу картинку ужасающего двойного шрама, тянущегося по правой скуле и уходящего под козырек бейсболки. Шрамов, что проходили прямо по…

Ох ты ж…

– Оп-па… – пробормотал я.

– Ты видел, Оди? Его лицо…

– Он слепой – столь же тихо ответил я – Вот это да. Круто…

– Что здесь крутого, гоблин? Лопнуть и сдохнуть! Парень слепой! Движется наощупь. Куда его понесло?

– На работу – ответил я, снова зашагав по коридору – Куда еще?

– Слепой он!

– Йорка, а что ему делать теперь? Ну слепой. Шрамы похожи на следы когтей. Что-то с ним приключилось нехорошее. И что прикажешь делать? Дохнуть с голоду? Продавать тело за еду всем желающим независимо от их пола? Умолять на перекрестках? Типа – бросьте в ладошки слюнявые кусочки недоеденных брикетов… ну бросьте… ну плюньте хотя бы густой питательной слюной… и соплей пожирней туда намешайте…

– Фу! Оди! Мерзко! Мерзко!

– Тише.

– Ты что говоришь такое?!

– Правду говорю. У него вариантов немного было – попрошайничать и потихоньку загибаться, или же суметь вывернуться и суметь сохранить независимость – жестко произнес я и уже чуть спокойней проворчал – Не заводись, гоблин. Парень молодец – глянь только на него. Как потрясающе двигается, ориентируется.

– Да как он вообще здесь ориентируется? А палочка? Разве у таких как он не должно быть палочки? Чтобы постукивать ей по полу и стенам?

– Он пошел другим путем. У него на месте руки и ноги. Движется безошибочно, стало быть, маршрут знает наизусть. Хм…

– Что?

– Он вряд ли полностью слеп.

– Да у него по глазам шрам тянется!

– Одного глаза точно нет – согласился я – А второго мы не видели. Но он наверняка на месте, хотя и жестоко поврежден. Но частично функционирует.

– С чего взял-то?

– Системные сообщения – пояснил я и спустя секунду Йорка

медленно кивнула, сообразив. А я добавил – Если информация передается туда, а не прямиком в мозг.

– Я поняла… Сообщения. Он должен их видеть, чтобы знать какая работа предстоит сегодня.

Системные сообщения. Они появляются прямо в глазах… наверное…

– Про систему – тут до криков и драк споры доходили раньше – в свою очередь добавила Йорка, дыша в плечо, пока я осторожно заглядывал за следующий угол – Вопли! Носы в кровь! Лицами о столешницу колотили! Гоблины, блин! И все почему? Потому что до хрипоты спорили том, куда приходят сообщения – в глаза или мозг. Но сейчас уже не спорят – все разрешилось. Вот ты как думаешь?

– Я думаю – надо найти полностью слепого, причем ослепшего из-за полного лишения глазных яблок. И спросить его про системный интерфейс. И сразу все станет ясно.

– Брр-р… – Йорку передернуло – Упаси нас Матерь! Только не глаза… вот лучше обе ноги потерять, но не глаза… И да – один из гоблинов потерял зрение. Оба глаза вон. И системные сообщения исчезли. Был гоблином, изредка поднимаясь до орка. А как ослеп – мигом скатился до зомби, а потом и до червя. Когда ему отрезали последнюю конечность – сошел с ума. Только и мог что лежать на стенном выступе и хохотать, хохотать, хохотать… пока не стал хрипеть, а затем и умер… я не видела – перестала там ходить, чтобы не видеть этот слепой хохочущий обрубок…

– Вот как – приостановился я – Это важная информация. Спасибо.

– А про муки безумного червя ты мимо ушей пропустил?

– Это уже в прошлом – глянул я на напарницу – Ему не помочь. Так что самое умное – забыть. Смотри вперед, гоблин. И не оглядывайся. Но это я в переносном смысле! В коридорах – оглядывайся почаще!

– Да не тупая я, поняла! Метафора блин! И чем настолько важная информация про глаза?

– Пока не знаю – пожал я плечами – Пока не знаю. Тс-с-с…. Вниз…

Дернув девушку за руку, медленно опустился на пол, с предельным вниманием уставился вперед.

Мы добрались до крохотного перекрестка. Небольшой круг с решетчатым полом, от которого отходило три прохода. По одному сюда явились мы, другой под небольшим уклоном уходил вверх, по полу скатывались ручейки влаги, уходящие в решетку на перекрестке. И третий проход как две капли воды походил на наш, именно им последовал слепой гоблин. Пока что его маршрут

совпадал с нашим. Но я остановился и присел не из-за слепого гоблина. Я смотрел на небольшую стенную решетку со среднего размера ячеями. Мне показалось, что я уловил за решеткой движение. Там несколько раз что-то мелькнуло, и общая направленность движения была в сторону третьего прохода. Будто за стеной кто-то спешил следом за слепцом. Из решетки в полу перекрестка исходил теплый влажный воздух, над полом висело что-то вроде белесого тумана. Он и скрыл нас, на решетку я смотрел поверх тумана. Тридцать секунд. Минута… Ничего не происходит, нет и намека на движение в темноте за решеткой.

Едва слышно спросил:

– Ты видела, как за решеткой что-то мелькнуло?

– Не – мотнула головой Йорка – Что там было?

– Не знаю…

– Может показалось? Тут туман ползает… и туда уходит…

– Может и показалось…

Туман на самом деле «тут ползал и туда уходил» – волнообразно колышущаяся над полом туманная масса медленно утягивалась в стенные решетки. Весь перекресток «дышал», двигался. Тут немудрено и ошибиться.

Ладно…

– Далеко еще?

– Почти пришли – с вернувшейся жизнерадостностью ответила Йорка – Пошли! Еще шагов тридцать, потом поворот налево – и там место нашей ночной работы.

– Ночной смены – поправил я.

– И что изменилось от того, что ты одно слово заменил?

– Звучать стало круто!

– Да ничего подобного!

– Что бы ты понимала!

– Пф! Не убедил ты меня, гоблин Оди. Не убедил…

Йорка не ошиблась. Через несколько минут мы оказались в одном из самых больших из виденных мною залов. Под потолком два рельса, две полусферы мотаются с приличной скоростью, изредка залетая в коридоры и снова возвращаясь. Как машинально отметил – зал все время под присмотром системы. Это стало ясно через несколько минут наблюдения – скорость полусфер действительно впечатляла. А вот потолок зала низковат – снова та самая старая архитектура.

В огромном зале мы двое и слепец.

Ну или почти слепец. Он, шагах в сорока, но наше приближение для него пока загадка – тут полно исходящих с разных сторон звуков, что прекрасно маскируют шум наших шагов. Парень в бейсболке чем-то занят около небольшого

возвышения в центре зала. Что-то мудрит с куском ткани. Перекинул конец через шею вроде бы… и вяжет узлы… Йорка тащит меня туда же – значит, там и находится стартовая точка нашей сегодняшней работы.

Пока шагаю за весело что-то бурчащей в своем стиле напарницей – лопнуть и сдохнуть – кручу головой, осматриваясь и запоминая мелкие детали.

Большой зал. Шесть входов-выходов. Приведший сюда нас отмечен цифрой 13. Три стены зала похожи друг на друга – потускневший металл и решетки через равные промежутки. Четвертая стена… она выглядит странно, хотя здесь столько странных мест, что пора бы уже привыкнуть и перестать удивляться. Четвертая стена лишена решеток, зато визуально похожа на кусок сыра, где каждое квадратное отверстие закрыто стальной пронумерованной заслонкой. Отверстия идут в семь рядов. К верхним ведут довольно крутые железные лестницы. С левой и с правой стороны каждого ряда имеется по заглавной букве. В самом верху буква А, потом Б… Черт! Мои бедные-бедные колени… у меня в задание ведь отмечены первые буквы алфавита…

– Придется попотеть немного – вздыхает Йорка и тут же меня утешает – Но ты не бойся, гоблин. Тут еще ждать приходится пока откроется заслонка. Хотя поднимать их ой как муторно, если честно – тяжелые!

Тут он нас и услышал – слепец – вскинул тревожно голову, оставив возню около возвышения. Рука поползла к поясной сумке. Сделав еще шаг, я спокойно сказал:

– Привет. Не дергайся, парень. Работай себе спокойно.

Пауза… он, наклонив голову к плечу, наставив на нас низко опущенный козырек бейсболки, некоторое время размышляет. Губы плотно сжаты, плечи напряжены. Он не расслабляется, пытается решить – стоит ждать неприятностей или нет?

Я повторяю:

– Не дергайся. Тебе мешать с напарницей не собираемся. Если же появятся гриферы и решат поиздеваться – мы с ними поговорим.

– Привет. И спасибо… – в голосе нескрываемые тревожные нотки, но руку от сумки он убрал – Здесь гриферы боятся пакостить.

Но не потому, что мои слова его успокоили – он просто вспомнил про полусферы на потолке. Хотя бы одна постоянно в зале и наблюдает. Поэтому и гриферы здесь шутить не рискуют. Сейчас он размышляет о другом – о коридорах. Мало завершить работу. Надо еще успешно вернуться в безопасные коридоры.

– Ну и отлично – сказал я и уставился на возвышение.

Хм…

Это что-то вроде металлического горба сваренного из больших изогнутых плит металла. Шага три в длину, два в ширину, метра два в высоту. Сооружение солидное. Крепкое. Металл сваривали старательно. Причем работал не слишком опытный сварщик. И возвышение соорудили недавно, металл свежий, еще не потускневший. Возвышение гораздо моложе этого зала. К стальному горбу намертво приделано что-то вроде полочки сантиметров в сорок шириной. Метра два в длину. По краям снабжена сантиметровой высоты вертикальным полосками. Так что это даже не полка, а лоток. На лотке лежат металлические кубики…

Ну да… кубики… с гранями сантиметров в сорок. Чуть-чуть закругленные углы и грани. Чем-то похожи на великанские игральные кости. Никакой маркировки. Не единой пометки – если за таковые не считать царапины различной глубины. Одного взгляда достаточно для понимания – кубики служат уже много-много лет. Для чего служат? А вот хрен его знает… на них не написано… Но это и есть те самые «блоки» описанные в сегодняшнем задании.

– Что это? – спросил я в пространство куда-то между Йоркой и слепым парнем.

Бросил вопрос и жду результата. Тут целых три варианта – ответят оба, ответит кто-то один, вообще никто не ответит. К моей досаде выпал третий вариант. Оба промолчали. Но это и понятно делом заняты – Йорка чуть отодвинула один из блоков, обхватила его рукой и с натугой сняла с лотка. Слепой парень продолжал колдовать с тряпкой – я уже понял, что это три связанных вместе шейных платка. Он сооружал хитрую упряжь для переноски куба. Вот он, действуя наощупь, захлестнул куб петлей, потянул на себя, слегка приподнял… и блок повис в перевязи, нагрузив в основном спину и плечи, но не руки. Повернувшись, слепец молча и уверенно зашагал к лестницам. У самой стены вытянул руку, повел ей перед собой и поймал перила ближайшей лестницы. Нащупал ногой первую ступеньку и начал подниматься.

Что ж… теперь ясно, как он умудрился не только выживать здесь без зрения, но и сохранить арендованные у системы конечности. Тут нет никакого секрета – просто парень реально умен, целеустремлен, очень организован и продумывает все загодя. Это бесценные качества характера.

– Тащи куб, гоблин! – пропыхтела проходящая мимо Йорка, несущая свой куб к лестнице – Ох-ох…

Моя мечта только что стала сильнее. Рюкзак. Я очень хочу рюкзак. И куртку!

Чего так сильно охает Йорка? И почему так сильно напряжены мышцы ее руки и плеча? Да и сама она перекосилась изрядно…

Ну-ка…

Все стало ясно через несколько секунд – кубы были очень тяжелы. Удивительно тяжелы. Каждый весил килограмм двадцать с небольшим. Тащить двумя руками – еще норм. Дистанции тут невелики, можно отдыхать, единственная дополнительная проблема – тащить приходится вверх по лестницам. Но переносить одной рукой, да еще и предмет столь неудобной формы… боюсь, сегодня мои ребра познают много боли.

Жаловать не стал. Приноравливаясь, поглядывая на двух других «несунов», поднял первый куб на верхний пролет. Отдуваясь, уселся на верхней ступеньке и поочередно принялся разминать ножные мышцы, делая это максимально основательно.

Мышцы… выносливость, сила… я приходил в себя удивительно быстро. Тут многое несправедливо, но вот про что не могу сказать худого слова – так это про еду, питье и медикаменты. Система вкалывает щедро, руки и ноги наливаются силой на глазах, регулярная физическая нагрузка только на пользу. Понятие «витамины» тут, несомненно, несколько размыто – не может быть, чтобы в них не входила некая добавка ускоряющая мышечное восстановление. И опять же – я совсем не против. Мне крайне необходима физическая сила, выносливость и быстрота. Если не во вред – я и на двойную дозу медицинских добавок согласен. И даже знаю где их взять. Осталось подзаработать еще солов на это удовольствие. И начать следует с сегодняшнего задания…

> **Задание: Подать двадцать блоков в приемные отверстия рядов А, Б, В и Е.**
>
> **Описание**: Вставить до упора двадцать блоков в открытые приемные отверстия указанных рядов.
>
> **Место выполнения**: Зона 1, блок 2.
>
> **Время выполнения**: До вечернего сигнала окончания работ.
>
> **Награда**: 15 солов.

Весь смак сегодняшнего задания в том, что отверстий в этих четырех рядах никак не меньше двадцати в каждом. Из них сейчас открыты не менее половины. И они явно не закроются до тех пор, пока в них не вставят блоки.

Вставай, гоблин. Вставай.

Поднявшись, уцепился за блок, подтащил его к ближайшему квадратному отверстию, приподнял, аккуратно вставил и мягко надавил. Щелчок. Медленно опустилась заслонка. Еще один щелчок. В задании количество блоков уменьшилось на единицу. Вот так вот все просто. На словах. А на деле… сейчас спускаться по нескольким пролетам вниз, идти до возвышения, брать тяжелый куб, тащить обратно, поднимать, вставлять…

Повторив пять циклов, уселся передохнуть чуть выше разлегшейся на лестничной площадке Йорки, что опережала меня на пару блоков. Мы молча наблюдали за размеренно работающим парнем в бейсболке. Настоящий робот. Методичный, не делающий ошибок и лишних движений. По моим подсчетам он уже перетаскал десять кубов, тем самым сделав вдвое больше меня. А ведь он слепой. Мало того, что он работал быстрее нас. Так он еще не забывал прислушиваться, порой останавливаясь и замирая на несколько секунд, медленно поводя чуть наклоненной головой. И он всегда четко знал где нахожусь я и Йорка. Не голова, а четко отслеживающий кучу факторов компьютер.

Наклонившись к Йорке, тихо-тихо сказал:

– Он нужен нам.

– А? – уставилась она на меня с нескрываемым изумлением – Шутишь? Гоблин! Я не спорю – группа должна расти. Сама хотела предложить. Но…

– Тише.

– Но может ради исключения возьмем кого-то здорового? Ты однорукий, я однорукая. И возьмем слепого? Потом безногого? Или вообще червя пригласим?

– А что? Полная команда нежити!

– Оди!

– Выдохни…

– Да я понимаю – еще тише забормотала Йорка – Понимаю… мне самой жалко. Так что берем его. Но следующий пусть будет при полном комплекте!

– Ты не поняла, гоблин – рассмеялся я – Думаешь я хочу позвать его из жалости?

– А что нет?

– Нет. Взгляни на него. Он лишен зрения. При этом не опустился. При этом работает лучше нас. Так что я сейчас думаю только об одном – как преподнести предложение так, чтобы он нас сразу не послал, а хотя бы призадумался над этим.

– Хм… не подумала…

– Давай работать. А то он уже двенадцатый блок тащит. А я только пять сумел перетаскать.

– Погнали – вздохнула Йорка, пружинисто вставая –

Постараемся не отстать!…

Постарались. Даже подналегли под конец. Но, как не грустно это признать, от искалеченного парня мы безнадежно отстали. Йорке оставалось еще шесть блоков, мне десять, а он задание уже завершил. Но, к моему облегчению, торопиться уходить не стал. Решил передохнуть. Усевшись рядом со стальным горбом, опустил подбородок на грудь и застыл. Трудно понять, задремал он или просто расслабляется. Скорее последнее – глупо доверять незнакомцам. Хотя мы под постоянным присмотром полусферы, так что бояться особо нечего. Но я все равно не рискну тут спать. Стальная спальная капсула – вот мой выбор!

Чуть поднажав, завершили задание и мы. Впихнули сообща последний куб. Я проверил интерфейс и облегченно вздохнул. В разделе «Задания» – пусто. Радостно и грустно.

Баланс: 26

Вот так.

Еще столько же – и можно не бояться потерять руку или ногу. Хватит денег, чтобы пришить новую. Не сдохнуть бы от кровопотери или болевого шока, пока тащат в медицинский блок. Кто тащит? Так верные друзья.

Вот суть – не в одиночку, но в составе пати есть все шансы процветать на Окраине. Совместный труд, дополнительные групповые задания, дружеская поддержка. Нет ни малейших сомнений, что все так и задумано изначально. Сделано все, чтобы гоблины создавали группы, звенья, бригады. Это выгодно системе – мотивированная группа может выполнить в разы больше работы, причем сделает это качественно и в срок. Система кнута и пряника в действии. Одиночек же тут особо не жалуют, как я погляжу. Им по большой части уготовано жить в шкуре орков и медленно копить солы на черный день, изредка покупая новую одежду и какие-нибудь вкусности.

Стоя на верхней лестничной площадке, крепко держась за стальные поручни, переводил дыхание, борясь с желанием посидеть на ступеньке. Ноги дрожали, поясницу снова ломило, плечо и руку сводило от перенапряжение. Особенно руку – стоило чуть согнуть ее в локте и бицепс начинал дрожать от подступающей судороги.

– Переждем – сказал напарнице, оценив состояние руки.

Неприемлемое состояние. Это моя рабочая и боевая конечность. Она всегда должна быть в состоянии действовать и без сбоев. Поэтому я все же уселся, отхлебнул воды. Йорка уселась рядом с нескрываемым облегчением. Умотались. Хотя не скажу, что работа запредельная – вполне по силам хорошо

питающемуся и отдыхающему в меру здоровому человеку.

Что это вообще за задание такое? Подача металлических кубиков в отверстия на соседней стене… звучит бредом. Бессмысленным бредом, придуманным только ради того, чтобы хоть чем-то занять гоблинов и придать зыбкий смысл их существованию. Но это не так.

Отсюда, с верхней площадки, открывался отличный вид на зал внизу. Хватило нескольких придирчивых ищущих взглядов, чтобы отыскать на полу следы некогда стоявшего здесь громоздкого оборудования. Все было демонтировано.

Почему? Да очевидно почему – оборудование пришло в негодное для починки состояния и попросту остановилось. В технологической цепочке произошел обрыв, который требовалось немедленно устранить.

Как?

Ответ очевиден – работу сломавшихся машин возьмут на себя гоблины. Сломанную технику демонтировали, корпуса срезали подчистую, у стен поставили крутые металлические лестницы, вырастили посреди зала уродливый горб с заслонкой и лотком. Все готово. И система выдала первые задания на «подачу блоков в отверстия А, Б, В и так далее»…

Подобный подход к делу говорил о многом. Но сейчас мое внимание было обращено к слепому парню. Я понял, чем он занимается. Он не дремал. Разве что отдыхал, но это «побочка» основного занятия – судя по его редким жестам, по тому, как он неосознанно сгибал пальцы в подсчетах, он был занят освежением своей внутренней системы координат. Слепец перебирал в памяти схему коридоров и подсчитывал повороты. Вот его ладонь двинулась вперед, пальцы другой руки принялись считать – раз, два, три… – на четвертом повороте ладонь свернула влево, пальцы снова принялись сгибаться – раз, два, три, четыре… – еще поворот… еще сгибы пальцев… и ладонь сжалась в кулак. Стоп. Прибыли. Короткая пауза… и начато освежение в памяти нового маршрута. Ошибаться нельзя. Один раз, всего один раз пропустишь нужный поворот – и вся система координат полетит к чертям, причем он поймет об этом далеко не сразу, продолжит шагать – но уже совершено в ином неправильном направлении.

Потянувшись, несколько раз согнул и разогнул руку. Рука послушно повиновалась. Отлично. Мышцы немного пришли в себя. Проверив колени, удовлетворенно кивнул. Ткнул задремавшую Йорку в плечо – когда успела-то? Хотя мы уже минут двадцать так сидим.

– Пару минут – сонно пробормотала девушка, привалившись плечом к стене.

Ну да. Время то – середина ночи. Ладно… Посижу немного еще. Заодно проверю интерфейс.

> **Задание: Обработка маркировки.** (Групповое).
>
> **Описание**: Специальными губками, полученными из химпота 14Б (КЛУКС-17) обработать маркировку стен и полов в прилегающих коридорах с 1 по 8.
>
> **Место выполнения**: Прилегающие к КЛУКСУ-17 коридоры с 1 по 8.
>
> **Время выполнения**: До вечернего сигнала окончания работ.
>
> **Награда**: 20 солов.

Интересно…

Отмывка надписей от грязи?

Восемь коридоров и каждый длинный. Побегать туда-обратно придется немало. Но двадцать солов… это двадцать солов…

Глянул на слепого. Тот продолжал сидеть, но подался вперед, оторвав спину от опоры. Почти завершил «обновление карты» и готовится подняться. Без сомнения весьма целеустремленный парень. Мое решение заполучить его в группу только окрепло.

Окинув коротким взглядом зал, хотел уже толкнуть продолжающую спать Йорку, но по глазам резануло ярким цветом. Я увидел что-то… морковное? Где… быстрее…

Вернуть взгляд на центр зала. Ничего. Пройтись глазами по полу под нами и вокруг центрального горба. Тоже ничего. Поднять глаза и осмотреть видимые отсюда выходы-входы. Их шесть всего. Со своей позиции вижу четыре. Стоп… я вспомнил момент, когда скользящий взгляд уловил что-то яркое. Тот вход, через который мы сюда вошли. Вход, откуда выползали невысокие, но густые облачка пара, стелющиеся понизу, припадающие к полу как побитые собачонки, постепенно тающие и растекающиеся каплями конденсата. Там, в темноте и паре, я и заметил оранжевый… сгусток? Оранжевый силуэт?

Да. Непривычный и при этом знакомый силуэт. Определенно так. Я ощутил некий укол узнавания. Встав, впился взглядом в окутанный паром проход. Впечатление, будто вглядываюсь в пасть тяжело дышащего зверя готового к прыжку.

Пар… пар… откуда-то пришедшая волна воздуха небрежно отпихнула паровые волны, приподняла их…

Вот! Чуть в глубине прохода, шагах в двух от воображаемого порога, под прикрытием пара, я увидел несколько знакомых силуэтов. Совсем маленьких силуэтов. А за ними что-то покрупнее, что-то окрашенное в яркий морковный цвет с темными вкраплениями. Пар снова сгустился, накрыл

непроницаемым покрывалом притаившихся у входа тварей.

Плуксы.

Три маленьких темных плукса и один крупней, с яркой оранжевой кожей. Вернее чешуей, если его строение такое же.

Что б меня… чтоб меня…

Что я уже знаю о плуксах? Какое впечатление и цепочку составил?

Плукс. Чешуя. Безмолвный. Быстрый. Прыгучий. Зеленая кровь.

Оранжевый? Затаившийся? Могущий выжидать? Охотящийся?

Я тут же вспомнил то смазанное движение, что почудилось мне за стенной решеткой на заполненном паром перекрестке недалеко отсюда. Не мелькнуло ли в ячеях решетки что-то оранжевое? А следом замелькали более темные и мелкие тени…

Я нагнетаю? Мне чудится? Притягиваю факты за уши и путаю воображаемое с действительным? Напрягись, гоблин! Это важно!

Прикрыв глаза, «отмотал» назад наше путешествие по незнакомым мне старым коридорам. Вот мы сворачиваем, почти догнав слепого парня. Вот подходим к перекрестку с решетчатым полом и стенами. По одному из подходов скатывается влага, что-то привлекает мое внимание, я чуть дергаю головой, смотрю на стену забранную решеткой и…

Да! Я не ошибся и не притягиваю за уши – за решеткой мелькнул оранжевый бок. Это подсознательно мучило меня, во время работы я машинально возвращался мыслями к тому моменту и все пытался понять, что же именно я увидел. Поэтому и не пропустил оранжевой вспышки среди густого белесого пара, пусть она и показалась на секунду. Твари неподвижны. Поэтому их трудно заметить.

Оранжевый плукс в глубине, позади собратьев.

О чем это говорит? Если это вожак стаи – он должен быть впереди. Но он занял позицию сзади. Понимает, что окрас его чешуи предательски ярок и предпочитает прятаться в темноте и паре? Он не вожак? Он умный вожак? Это просто обычная мутация окраса и я зря прицепился к цвету плукса?

Но он позади, тогда как остальные сидят рядком. Все же он знает о слишком ярком окрасе своей чешуи? Звучит логично. Ведь они на охоте, сидят в засаде. И я знаю кто их намеченная жертва.

Слепой парень, что уже встает.

На перекрестке я увидел плуксов идущих следом за ним. Они терпеливо и бесшумно шлепали за стеной выискивая лазейку и подходящий момент. Бесшумно! Они не шлепали. Нет. Они крались. Так охотятся умные хищники могущие часами преследовать ни о чем не подозревающую жертву. Я заметил их

случайно, можно сказать глядел в их удаляющиеся спины.

Они терпеливо ждут. Чего? Да понятно чего – притаились в темноте и паре, идеальное место для засады. Они не могли не заметить, что жертва тут не одна. Но уже виденные мною плуксы бросались в атаку мгновенно. Едва опустилась стенная заслонка – плукс ринулся в атаку и угодил под удар тяжелой шипастой дубины.

Проклятье… раз за разом я перебирал в голове вся связанное с плуксами, на ходу добавляя новое.

Плукс. Чешуя. Броня. Безмолвный. Быстрый. Прыгучий. Зеленая кровь.

И я не сидел. Уже встал, снял шлепки, бесшумно начал спускаться. Йорку будить не стал. Она безоружна. Что эта девчонка может против бронированных плуксов? Подставить мягкие руки и хрупкие пальцы под их удары и укусы? Пусть остается наверху.

Что еще я знаю…

Тут нужно разделить. Плуксы оказались разных видов.

Серый с зеленым. Плукс. Чешуя. Безмолвный. Быстрый. Прыгучий. Зеленая кровь.

Оранжевый. Плукс. Чешуя? Безмолвный. Быстрый? Прыгучий? Зеленая кровь? Выжидающий. Терпеливый. Умный.

Слишком много вопросов.

Миновав последнюю ступеньку, зашагал к парню, что аккуратно складывал до этого подложенный под зад платок. Бережет здоровье, предусмотрителен даже в мелочах. Разумно.

Он услышал мое приближение и резко напрягся. Рука метнулась к поясной сумке, выхватила длинное шило. Сначала я удивился, замерев в нескольких шагах. Откуда такая агрессия? Он знал, что мы в этом зале. Мы работали бок о бок. В чем причина? А… он чуть опустил лицо к моим ногами и все стало ясно. До этого я и Йорка передвигались по залу в шлепках. Название этой обуви говорит за себя. Сейчас же я подошел к нему почти бесшумно. Нетрудно догадаться, что это либо кто-то другой явился в зал, либо же один из нас решил ограбить слепого.

– Молодец – одобрил я его поведение и покосился на затянутый паром проход – Реакция на высоте.

– Чего ты хочешь? Ты один из двойки работавшей рядом?

– Да. Я один из двойки. Моя напарница Йорка спит на верхней площадке. Меня зовут Оди. Официально – двойная единица, одиннадцатый.

– Я слышал о тебя. Ты убил Джонни. Ты и твоя подруга – ровно произнес слепой, чуть подавая назад и упираясь спиной в горб – Твоя подруга точно спит? Или подходит сзади?

– Я здесь не по твою душу. А насчет Джонни… Слухи – это слухи.

– Чего хочешь? – моим словам явно не верили.

Это и понятно. Представляю, чего натерпелся слепой – или почти слепой парень – от тех, кому плевать на чужие увечья, от тех, кто жаждет над кем-нибудь поиздеваться. Пинок. Тычок. Толчок. Пусть мелочь. Но каждый день…

– Чего хочу? Для начала рассказать короткую и очень занимательную историю.

– Забудь. Мне неинтересно.

– Решил умереть? – удивился я.

– Угрожаешь?

– Не прими как пафосную похвальбу, но хоти я тебя убить – убил бы уже. И ты ведь вроде умный расчётливый парень. Сам посуди – стал бы я к тебе красться посреди ярко освещенного зала с постоянным присутствием наблюдающей полусферы? Куда проще прикончить тебя в коридоре.

Крохотная пауза… короткий кивок…

– Верно. Так о чем ты там говорил, Оди? Почему я решил умереть?

– Мы где-то в двадцати пяти шагах от того прохода, которым пришли сюда. Мы шли за тобой.

– Я знаю. Слышал вас. Часть пути вы были без шлепок – как сейчас. Я здорово напрягся – произнеся это, снова замер с наклоненной головой, губы плотно сжаты. Ждет подвоха. Ожидает атаки.

– Тот проход окутан паром. И полусферы там я не видел.

– Появляется раз в два часа. Это тропа смерти.

– Не понял.

– Что ты не понял?

– Почему тропа смерти?

– Так называют коридоры, где полусферы появляются редко. Тропа смерти. Дорога смерти. Сумрачная тропа. Темная тропа. Дорога в один конец. Невозвратка. Их по-разному называют. Не слышал?

– Я новенький.

– Что там в проходе?

– Там плуксы – буднично произнес я – Три совсем маленьких, чуть крупнее крысы. И один побольше, причем оранжевый, прямо ядовито-морковный, цвет его чешуи аж глаза режет. Этот веселый квартет я уже заметил разок – за решеткой на перекрестке неподалеку отсюда – заметил их спины. Они дружно топали следом за тобой. Знаешь, это может прозвучать полным бредом, но у меня такое впечатление, что они… охотятся за тобой…

терпеливо преследуют в поисках подходящего момента и места. Ну и лазейки, чтобы выбраться в коридор.

– Плуксы… – повторил парень, приподнимая козырек бейсболки.

Я увидел его лицо. Невольно поморщился. Как же тебе не повезло…

Двойным шрамом лицо поделено на две неравные части. И линия «раздела» проходит аккурат по глазам. Вместо левого взгляда чернеет дыра. Правый глаз вроде и на месте, но и он серьезно пострадал, о чем говорит искромсанная кожа вокруг и заросшее белой пленкой глазное яблоко.

– Ты что-то видишь?

– Самым уголком. Мутно. Движущиеся тени. Яркий свет.

– Сообщения?

– Их вижу четко.

– Ясно. Считай слепой. Но ты держишься и выживаешь.

– Как могу.

– Уважаю – коротко сказал я.

Пауза.

– Спасибо. Плуксы… в том проходе…

– Ты не удивлен, кстати. Почему поверил?

– Слышу их. Уже несколько дней. Но списывал на усталость и напряжение. Жутко боюсь провалиться в долги и потерять руку. Не каждое задание получается выполнить. Прыгаю с УРН на ОРН. Но теперь понимаю – не чудилось. Много раз слышал едва-едва стучащие когти. И… прозвучит глупо… но я ощущал что-то очень плохое, чужое… казалось, что кто-то с ножом стоит за спиной… постоянно это ощущение – вот уже третий день.

– Компенсация – медленно кивнул я и коротко глянул на опасный проход. Пар застилает. Ничего не видно. Но они наверняка там. Терпеливо ждут.

– Ты о чем?

– Потерявшие зрение частично компенсируют это за счет других способностей. Слух. Осязание. Память. Ты стал гораздо чувствительней.

– Верно. Плуксы… если они там – его рука дернулась в правильном направлении – То нам надо пересечь зал и войти в проход отмеченный цифрой семнадцать тире четыре.

– Вижу. Есть такой.

– Следовать им. Миновать два левых прохода. На третьем свернуть. Потом…

– Короче – ты знаешь дорогу, верно?

– Да. Проведу.

– Отлично. Я разбужу напарницу, после чего мы быстро, но

без паники отступаем. Как тебе план?

– Звучит отлично.

– Уже веришь мне?

– Да. Вы завалили Джонни и его сук. Их все ненавидели. Йорка – говорят, она натерпелась от Джонни Льва. Говорят, он говорил, что сегодня-завтра натянет эту суку. Говорил всем. Но натянул не он. А его. Вы сделали правильно.

– Слухи – это слухи – повторил я – Но неясно почему ты веришь мне.

– Вас стали бояться. Крутые гоблины-убийцы. Но я не слышал, чтобы вы пытались из кого-нибудь выдавить солы или вещи. Слышал вы ударно работаете. Я много чего слышу…

– Ясно. Потихоньку двинулись.

Шаг.

Взгляд назад.

И аккурат попадают на момент, когда из вставшего стеной пара выскакивают четыре плукса. Три мелких впереди. Быстрые! Оранжевый отстает, но приближается.

– Поздно – бросаю я слепому и выхватываю из-под перевязи стеклянный нож – Повернись! Слушай!

– Слышу… когти… – голос задрожал, наполнился страхом, но слепой не побежал. Он чуть присел, выставил перед собой шило.

Он не попросил спасти его. Не попросил защитить. Закусив губу, замер в ожидании битвы. Он готов дорого продать свою жизнь.

Внезапно зал оглашает короткий прерывистый вой сирены. На потолочной полусфере зажигаются мигающие красные огни. Система засекла плуксов и подняла тревогу. Но толку с этой гребаной иллюминации?

Три бегущих плукса раздались в стороны. Два ко мне, один к слепому. Перед этим маневром, бегущий сзади оранжевый плукс что-то сделал. Непонятно что. Какое-то смутное движение в том месте, где у нормальных существ должна быть шея. У темных там пустое ровное место, забранное чешуей. А у оранжевого… там что-то другое…

– К тебе плукс! – кричу я – Десять шагов! Девять!

– Ок!

– Оди! – испуганный вскрик сверху.

– Сиди там! – рявкаю и, сжав зубы, прыгаю вперед. Я знаю – сейчас будет больно. Очень больно.

Прыжок. Еще один широкий шаг. Ко мне бросает смутная тень. Левую голень обжигает жутчайшая боль, хочется выгнуться, рухнуть, забиться на полу. Рычу сквозь зубы. Еще один бросок. На второй ноге повисает еще один плукс. И сгущающаяся перед

глазами темная пелена боли разрывается, взгляд проясняется. Таща на себе присосавшихся плуксов, не глядя на ноги, вопя от жуткой боли, делаю еще два шага и попросту падаю, выставив перед собой нож. Боль рвет меня на части, режет на вопящие и корчащие лоскутки. Что с моими ногами? Что с ногами?! Но я не отвожу застывших глаз от цели.

Удар.

С отчетливым хлюпаньем стеклянный осколок на всю длину вошел в то самое место. Вошел неожиданно легко. Оранжевая тварь повалилась на пол, забила ногами по полу, я же, успев вырвать стеклянный нож, согнулся, уселся, почти вслепую ударил по ноге. Лезвие скользнуло по чешуйчатому боку. Не пробило. Еще раз! Меня вырубает от дикой боли. Осознал, что воплю по всю глотку. Бей, гоблин, бей! Удар! Лезвие скользит. Едва не сломалась.

– А-А-А-А! – оглушающий вопль, надо мной вырастает Йорка с искаженным лицом. Отрывает от тела напряженную руку и… на мою ногу падает тяжеленный металлический блок, всей своей массой ударяя по плуксу, что застыл сбоку на моей голени уродливой чешуйчатой опухолью.

Шлеп…

И лапы разжались, существо отпало от ноги, залитая моей кровью пасть искривилась, заскрежетали клыки – плуксу больно, его почти раздавило. Но второй продолжает терзать ногу… еще удар… и тут плукс отпал сам собой и застыл в странном параличе. Отбросив стекляшку, поджал ноги, двумя руками – и плевать на локоть! – подхватил блок и обрушил его на тварь. Приподнял. И еще раз! Благодаря бушующему в крови адреналину я даже не почувствовал веса стального куба. Приподнять и по второй! Удар! Поднять блок, бросить взгляд на окончательно застывшую оранжевую тварь, встать и рвануть к слепому. А тот… тот скрючился на окровавленному полу, рядом медленно ворочается плукс с торчащим в боку шилом. Подскочившая Йорка вырвала шило. А я со всего маху шибанул блоком, в стороны плеснула густая зеленая кровь.

Захрипев, упал на колени.

– Вот дерьмо… вот дерьмо…

– Оди! Оди!

– Я в норме… в норме…

– Где в норме?! Где?! Ноги порваны!

– Что с парнем? Проверь, проверь его.

– Нет! – отрезала Йорка, срывая с шеи платок, зажимая один его конец между пальцами ног и начиная скручивать в жгут – Мы группа. Сначала ты!

Спорить бессмысленно. Медленно приходя в себя, я мог лишь наблюдать, как девчонка, помогая себе зубами и коленями, накладывает мне ниже колена жгут. Затянула. С помощью шила затянула еще туже. Как-то хитро подвернула. Сорвала с меня перевязь. Тут я уже помог и вдвоем мы перетянули вторую ногу. Заодно рассмотрел раны – их много. Большая часть от когтей. Меня уже передергивает от одной только мысли о том, какую заразу они мне туда занесли. И две глубокие – до кости – раны с буквально перфорированными краями. Места, где присосались пасти плуксов.

С трудом поднимаюсь, шагаю к парню. Ноги пока держат. Кровотечение остановлено. Но надо срочно в медблок. Срочно. Прошу Йорку еще раз:

– Проверь его.

– Ладно!

Подбираю покрытый зелено-желтой кровью скользкий нож. Только сейчас замечаю порез на ладони – при последнем ударе рука соскочила с импровизированной тряпичной рукояти и нож глубоко вспорол кожу. Ерунда. Это ерунда.

Пошатываясь, наклоняюсь, цепляю за лапу обмякшего оранжевого плукса. Со стоном выпрямляюсь, иду ко второму. Машинально поднял лицо к потолку. Прямо над нами неподвижно висит полусфера. Система пристально наблюдает. Вторая полусфера носится по периметру зала. Но красный свет уже потушен, сирена замолкла – я замечаю это только сейчас.

– Оди! Он плохо! Живот пробит!

Зло выдыхаю:

– С-сука!

– Руки порваны. Но это мелочь. А живот… жгут не наложить.

– Футболку его. Сверни. Воткни в рану. И помоги взвалить его мне на спину.

– Ты бредишь, гоблин! Не донесешь!

– Быстрей, напарница! Быстрей!

– Ты придурок, гоблин! Тупой придурок! Лопни и сдохни!

– И не забудь подобрать дохлых плуксов. Собери их всех!

– Держи…

На взвывшую спину обрушилась тяжесть. Парень жилистый, но тяжелый. Стонущая поясница явственно хрустнула. Лишь бы не сложиться сейчас… лишь бы не сложиться… держись, гоблин, держись, падла! И шевели ногами!

Нагнувшись, засеменил, побежал вперед. Каждый шаг отдается взрывом боли в коленях. Но я бегу. И сдавленно хриплю:

– Плуксов. Плуксов!

Перед глазами поползли зеленые строчки. Система говорит

со мной. Но мне не до чтения. Если отвлекусь, если отведу взор от стелющегося под ноги пола, то рухну и больше не поднимусь.

Вперед, гоблин, вперед!

Дальше все было в тумане.

Крики Йорки, направляющей меня, толкающей из стороны в сторону, указывающей путь, ругающейся, орущей и плачущей. Бормотание висящего на спине слепого парня. Мелькающие стены и пол, что становился то ближе, то дальше – меня мотало, наклоняло, мне нехорошо. Что-то в крови… эти твари что-то впрыснули мне в кровь… я сейчас вырублюсь…

Открывающаяся дверь. Дырчатое стальное кресло. Я поворачиваюсь к нему спину, дергаюсь, обмякшим кулем моя ноша рушится на кресло, Йорка укладывает его, затем хватает меня за руку и тащит за собой, по пути сбивая какого-то любопытного с ног. Еще один коридор. Еще одна дверь. Кресло… меня силой поворачивают. Толкают в грудь и спиной вперед я падаю…

Ослепительная вспышка… и рожденный ей мрак проглатывает меня… сознание тухнет…

Глава восьмая

СТАТУС:

Номер: Одиннадцатый.

Ранг: Низший (добровольный).

Текущий статус: ОРН. (стандартное трехразовое питание и водоснабжение).

Баланс: 26 + 40 + 15 + 15 + 4 = 100.

Задолженности: нет.

Текущее время: 06:47.

Общее физическое состояние: норма.

Состояние и статус комплекта:

ПВК: норма.

ЛВК: норма.

ПНК: норма.

ЛНК: норма.

Дополнительная информация: борьба организма с последствиями острой интоксикации. Легкий токсикоз.

Оказание медицинской помощи – бесплатно. (Р).

Инъекции лекарств и обезболивающих – бесплатно. (Р).

Инъекция иммунодепрессантов – бесплатно. (Р).

Инъекция усиленной дозы витаминов – бесплатно. (Р).

Инъекция стимуляторов – бесплатно. (Р).

Стоимость суточной аренды комплекта конечностей – возвращена (+4). (Р).

Так…

Что это за странная арифметика? Что за круглая сумма?

– Пошли нахрен, гоблины! Лопнуть и сдохнуть! Отвалите, пока не изуродовала!

Йорка в гневе страшна. Йорка в злобе грозна.

Я, с перемотанными ногами, с перевязанной ладонью, исколотый иглами, возлегаю на блаженно теплом стенном выступе и мне очень хорошо. Нигде не болит, сознание ясное. Система сработала потрясающе. Я очнулся при «выносе» – когда чертыхающаяся Йорка стащила меня с кресла с максимально доступной для нее аккуратностью и поволокла к выходу. Соображалка включилась, начал помогать. Кое-как добрались до ближайшего стенного выступа. Время было чуть больше шести утра.

Умотавшая Йорка вскоре вернулась, волоча по полу слепого

парня. Сползя, помог ей поднять его на выступ. Стащил с себя изгвазданную кровью майку, расправил шейный платок, прикрыл этими тряпками дохлых плуксов, сдвинул кучу чуть ближе к стене. И вытянулся рядом. В полуметре от меня неподвижно лежит еще один раненый бедолага. Бейсболка прикрывает исполосованное шрамами лицо.

На краю выступа сидит злобная сгорбившаяся Йорка с демонстративно зажатым в руке шилом и отгоняет уже проснувшихся ранних пташек, что не могли не заметить кровавые разводы на полу и перемотанных бинтами пострадавших. Вот и слетелись с любопытными расспросами. Но Йорку лучше не гневить – каждый кто рисковал подойти слишком быстро мгновенно получал резкий и очень обидный отпор несколькими хлесткими словами.

Я же удивленно изучаю зеленую арифметику мерцающую перед глазами. Через минуту, глянув на шипящую змеей Йорку – а только что рычала и гавкала, о эти переменчивые женщины – спрашиваю:

– Ближайший банкомат где?

– Метров сто отсюда – удивленно отвечает она – А что?

– Тебе начисления дали?

– И не только! Пятнашку отвалили за плукса, что я прихлопнула.

– Плукса – вздохнул пухлый орк поодаль, вставший на цыпочки и смотрящий на прикрытых майкой и платком тварей.

– Тише – попросил я и перевел взгляда на орка – Уйди.

– Понял! – отреагировал тот и моментом скрылся.

– Что еще?

– Четыре сола вернули – аренда руки и ног сегодня за счет системы. Все уколы – бесплатно! Ну и за задание пришло. О! А дополнительные задания дали? Хотя какие задания… Черт! Гоблин! Я думала мы сдохнем!

– Угу… – кивнул я – И какой у тебя сейчас баланс?

– Положительный! Я богачка, гоблин! Тридцать четыре сола!

– Ясно. Пока никого нет – рванули к банкомату.

– Зачем? Что-то серьезное? – забеспокоившись, привстала напарница – Сколько тебе надо? Для лечения, да?

– Да мне – буркнул я, осторожно слезая с выступа и мя-я-ягко мягко опираясь на несчастные ноги – Тебе я деньги переведу.

– Зачем?

– Помоги – попросил я и Йорка с готовностью подставила плечо. Показала дорогу. Шагая следом, пояснил:

– Пора пришить тебе обратно руку. Хык… – сдавленно екнул от резкой остановки – Ты чего?

– Руку? – уставившись перед собой произнесла девушка – Операция… да ну ее, Оди! Мне и с одной рукой норм – я привыкла.

– Это не обсуждается – отрезал я, толкая ее вперед – Живо!

– Оди! Послушай! Резать же будут! Ножи острые… верно?

– Вперед! – безжалостно подгонял я Йорку.

– Оди! Послушай, гоблин. Просто послушай доводы!

– Плуксу в задницу твои доводы! Ты просто боишься!

– Да боюсь! И что?! Вот страшно мне! Страшно!

– Всем бывает страшно – философски вздохнул я – Нам сюда?

– Оди! Давай еще подкопим…

– Зачем? Новая рука обойдется в пятьдесят три сола. У нас есть такие деньги.

– Но…

– Вперед я сказал! Вперед!

– Я же от вас зомби любопытных отгоняю! Мне нельзя сейчас руку пришивать!

– Вперед, блин!

Уже не слушая ее лепет, добрался до банкомата и, разобравшись с помощью инструкции в виде зеленой анимации, сначала отправил сорок солов, а затем заставил Йорку их снять. На этом мои трудности не кончились. Наплевав на израненные ноги, буквально пихая упирающуюся напарницу, дотолкал ее до медблока, вырвал шило и последним тычком впихнул в открывшуюся дверь. Створка начала опускаться. Я успел еще злобно прорычать:

– Без второй руки не возвращайся, гоблин! – и стальная заслонка отрезала меня от сжавшейся на краешке кресла Йорки.

Страшно ей…

Вот с тяжеленным стальным блоком наперевес кидаться на злобного плукса ей не страшно было, а как в медблок – так здравствуй паническая атака! Где логика?

В том случае адреналин зашкаливал? Так и сейчас вон его сколько – того и гляди из-под двери в медблок потечет. Желтоватый такой…

К нашему временному лагерю на стенном выступе вернулся как раз вовремя. Над лежащим на выступе парнем склонились двое. Один держал в руке его бейсболку, вторая рука медленно сжималась на лежащей рядом поясной сумке, подгребая к себе. Второй уже поглядывал на прикрытых тряпьем плуксов.

Послышался смешок. Булькающая фраза:

– Трындец он урод. Перепахало…

Глянул на потолок. Полусферы нет. Шагнул ближе и два раза ткнул шилом. Ткнул сильно. Безжалостно. Двойной крик боли,

визгливый испуганный скулеж, получившие по глубокой колотой ране в задницах мародеры отскочили с потрясающей скоростью. Успев убрать шило с глаз долой, нехорошо улыбнулся тварям и пообещал:

– Я найду вас, ушлепки. Подстерегу на какой-нибудь тропке смерти… и сначала отхерачу жадные руки, а затем перехвачу ваши глотки! Верни вещи на место, ты тварь! – мой палец указал на самого наглого, что продолжал стискивать в руке чужую поясную сумку – Верни, сука!

– Оди… это Оди – неожиданно всхлипнул стоящий сзади и обеими руками держащийся за уколотую задницу – Мы не знали… не знали, что он из твоих… ты же понимаешь, Оди – сожри или будь сожранным. Выживание… это сучье выживание не дает выбора…

– Вещи – повторил я.

Первый мародер ожил. Приставными шажочками, с противной и жалкой улыбочкой на разом взопревшей харе, он осторожно добрался до выступа, бережно опустил сумку рядом с парнем.

– Бейсболка на полу – продолжил я – Подними. Отряхни. Верни туда, где взял.

– Как скажешь, Оди – зашептал тот и нагнулся.

Лучше бы ты присел, придурок. Полшага вперед и шило еще раз по самую рукоять вошло в ягодичную мышцу. Таких тварей надо учить надежно. Вой боли. Скулеж. Вприпрыжку, крутясь, мародер мигом очутился метрах в пяти. Поочередно глянув на каждого, улыбнулся еще шире:

– А я все равно вас убью. Найду и убью. Пошли вон!

Миг… и никого…

Подняв бейсболку, опустил на изуродованное лицо слепца. Тот неожиданно шевельнулся, тихо сказал:

– Я Баск.

– Это твое имя, мужик?

– Это мое имя, мужик.

– Я Оди.

– Тоже неплохо…

– Вступишь к нам в группу? Я, Йорка. И ты – Баск.

– Хорошо.

И он снова затих под бейсболкой. Осмотрел его живот. Хотя что там смотреть? Живот сплошь залит медицинским клеем, кое-где налеплены дырчатые пластыри – видимо для вентиляции. У меня на ногах такая же фигня – медицинский клей вперемешку с длинными пластырями.

Мне особо заняться пока было нечем. Глянул на время.

Текущее время: 07:32.

Вряд ли Йорка появится скоро. Сколько времени системе требуется, что удалить из плеча остатки старой и пришить новую руку?

Понятия не имею. Спать хочется жутко. Но позволить себе этого не могу – мародеры так и шастают. Займусь изучением интерфейса. Часть системных сообщений уже пропала, но я их легко вспомнил.

> Награда за уничтожение малого серого плунарного ксарла – 15 солов.
>
> Награда за уничтожение малого серого плунарного ксарла – 15 солов.
>
> Награда за уничтожение малого желтого плунарного ксарла – 40 солов.

Кто мне объяснит, что такое «плунарный ксарл»?

Несложно догадаться, что отсюда и явилось вполне запоминающееся звонкое сокращение «плукс». Но, эльфы меня задери, каково значение «плунарный ксарл»?

Про окрас тоже все ясно. Хотя тут очень неточно все. Серый плукс – скорее зеленоватый. А желтый – он ярко-морковный.

А еще оранжевый плукс, он же желтый плунарный ксарл, чтоб им всем сдохнуть. Система оценила его больше чем в два раза дороже обычного серого. Отвалила от щедрот сорок солов. И хотя «морковка» вообще никого не укусила и была самой медленной, я решение системы всецело поддерживаю. За таких надо платить щедро. Таких надо уничтожать безжалостно.

Потому что эта гребаная тварь морковного окраса – командир. Он отдавал команды серым плуксам, сам держась за их спинами и координируя их действия. Я сам видел. Теперь ясно почему плуксы проявили такое удивительное терпение – их волю жестко подавил лидер. Подавил с помощью того странного пульсирующего вздутия, которое пронзил мой «артефактный» стеклянный нож. А как только оранжевый плукс сдох – серые солдаты тут же словили откат, получив что-то вроде паралича. И это позволило нам их быстро добить.

Надо осмотреть эту тварь. Всех тварей. И осмотреть внимательно.

Плунарные ксарлы… это безумное словосочетание будет долго терзать мой разум. Дохлыми тушами займусь позже. Еще не закончились системные сюрпризы.

Баланс: 58.

Тут понятно. Наглядная арифметика пропала, но я все помню. Было так:

Баланс: 26 + 40 + 15 + 15 + 4 = 100.

Двадцать шесть солов было, семьдесят солов добавили за плуксов, еще четыре система вернула, пояснив, что это возврат средств ранее списанных за аренду конечностей. Так у меня на счету появилась сотня. Я от нее отщипнул сорок и перевел Йорке. За услугу банкомат с меня снял два сола, напарница получит тридцать восемь. Вместе со своими солами ей хватит и на новую руку, и на медикаменты. Пусть еще и массаж закажет, чтобы снять стресс.

Главная новость – с тех, кто убивает плуксов, система за аренду конечностей денег не берет. А также за оказание медицинской помощи, витамины, иммунодепрессанты и прочие лекарства. Все разово. Завтра все опять станет платно – если не повезет прикончить еще хотя бы одного плукса. Или двух? Черт… система прямо зажимает информацию! Могла бы быть щедрее на сведения и пояснения!

Идем дальше по мерцающему списку. Хотя уже почти добрался до его конца.

Получение групповых боевых (дополнительных) заданий?

Да. Нет.

Снова этот лаконизм.

Опасно. Но упоминание «дополнительных» меня сразило наповал, и я выбрал утвердительный ответ, тем самым подписываясь на новые жизненные трудности.

Добавлен раздел меню «Бестиарий».
Активирован раздел меню «Бестиарий».

Удивленно мигнув, полез в интерфейс.

Статус.
Физическое состояние.
Финансы.
Задания.
Бестиарий.

Выбрать.

Серый плунарный ксарл.

Желтый плунарный ксарл.

И все? С двумя из двух мы уже столкнулись! Как-то несправедливо. Или других тварей тут не встречается?

При выборе первой строчки перед глазами появилось целое изобилие. Да еще и с зеленой картинкой. Ну почему все зеленое?

Никто не ответил. Медленно крутится перед глазами расставивший лапы плукс.

Серый плунарный ксарл.
Ранг: Солдат.

Хищник. Быстрый. Хорошо плавает. Легко ориентируется в полной темноте. Растет на протяжении всей жизни.

Место обитания – повсеместно.

Чаще всего атакует из темноты. Обычно захватывает одну из конечностей жертвы всеми лапами, глубоко впивается клыками, после чего пасть начинает медленно дрожать, отчего игловидные зубы двигаются в ране, расширяя и тревожа ее. Питается поступающей в пасть кровью и кусочками плоти.

Прочная чешуя дает надежную защиту от режущего оружия. Рекомендовано применение тяжелого шипованного оружия со смешанным ударным дробяще-колющим воздействием на цель.

Дополнительно: при укусах впрыскивает в кровь жертвы яд, приводящий к вялости, слабости, дезориентированности, потере сознания. Объем впрыснутой дозы яда зависит от размеров особи. Зафиксированы смертельные случаи при отравлении.

От яда серого плунарного ксарла эффективен антидот С-ЖПКА-2, доступный для приобретения в торгспотах.

Сленговые названия: плукс, сосач, вампир и другие.

Размножение – икромечущие.

– Вот черт – пробормотал я – Пасть начинает медленно дрожать… и эта хрень дрожала у меня на каждой ноге? И что за бред про ранги? Это же животные…

Желтый плунарный ксарл.
Ранг: Тактический лидер.

Хищник. Быстрый. Хорошо плавает. Легко ориентируется в полной темноте. Растет на протяжении всей жизни.

Место обитания – повсеместно.

Тактический лидер. Направляет группу числом до пяти серых плуксов, удерживая над ними полный контроль. Способен выбирать и долго выслеживать оптимальную для стаи жертву, бросает бойцов в атаку в наиболее подходящий для этого момент. При потере бойцов без раздумий обращается в бегство.

Атакует последним из стаи, зачастую прибывая к уже пораженной ядом и болевым шоком обездвиженной жертве. Обычно захватывает одну из конечностей жертвы всеми лапами, глубоко впивается клыками, после чего пасть начинает медленно дрожать, отчего игловидные зубы двигаются в ране, расширяя и тревожа ее. Питается поступающей в пасть кровью и кусочками плоти.

Прочная чешуя дает надежную защиту от режущего оружия. Рекомендовано применение тяжелого шипованного оружия со смешанным ударным дробяще-колющим воздействием на цель.

В передней части туловища имеет небольшое кожистое вздутие, лишенное защитной чешуи.

Дополнительно: при укусах впрыскивает в кровь жертвы яд, приводящий к вялости, слабости, дезориентированности, потере сознания. Объем впрыснутой дозы яда зависит от размеров особи. Зафиксированы смертельные случаи при отравлении.

От яда желтого плунарного ксарла эффективен антидот С-ЖПКА-2, доступный для приобретения в торгспотах.

Сленговые названия: плукс, сосач, вампир, вожак, безумная морковка и другие.

Размножение – икромечущие.

– Насчет тактического лидера согласен – пробормотал я – Тут блин нет ошибки. Но как-то маловато тварей перечислено…

– Бестиарий урезан – едва слышно произнес снова пошевельнувшийся Баск – Информация. Список тварей… кое-что можно докупить…

– Где?

– Любой инфоспот. Только для полуросликов и выше…

– А черт!

– Спасибо, Оди.

– За что?

– Ты знаешь.

– Брось. Тут от тебя не спасибо надо. Просто в случае чего –

отплатишь тем же.

– Без вопросов. Я еще посплю…

– Стой! Насчет группы. Ты серьезно?

– Давай.

Добавление в постоянную группу тринадцатого?
Да. Нет.

Разумеется.

– Ты в группе, гоблин! – обрадовано заявил я распростертому парню.

Тот промолчал, но оттопырил большой палец. Одобряет. И что-то еще бубнит. Я наклонился ближе.

– М?

– Не гоблин я.

– А кто?

– Зомби. Зомби Баск.

– Отлично – закатил я глаза от восторга – Гоблин Оди, гоблин Йорка и зомби Баск – прекрасная команда!

Мне еще раз показали большой палец и зомби затих. А мне кое-что пришло в голову и от досады я зашипел как раздавленная змея и поспешно полез в интерфейс. Хотя бы я ошибался, хоть бы я ошибался… ну пожалуйста…

Нет… не ошибся. Черт! Сожри меня черви! Я дебил!

Задание: Обработка маркировки. (Групповое).

Описание: Специальными губками, полученными из химпота 14Б (КЛУКС-17) обработать маркировку стен и полов в прилегающих коридорах с 1 по 12.

Место выполнения: Прилегающие к КЛУКСУ-17 коридоры с 1 по 12.

Время выполнения: До вечернего сигнала окончания работ.

Награда: 30 солов.

Система, не обращая внимания на наше состояние, радостно увеличила рабочую норму на треть. Поглядев на залепленные пластырями и залитые клеем ноги, упрямо закусил губу, покосился наверх. Хрен тебе, стальная мамаша! Задание будет выполнено!

Выполнено…

Вот же я гоблин, а?…

Свесив израненные ножки, сижу весь из себя раненый и больной, рядом лежит еще более серьезно раненый новый член команды, а Йорку я отправил на медицинскую операцию. Да уж –

передо мной открывается прямо-таки прекрасная рабочая перспектива…

Но паниковать пока не стоит – время раннее, еще восьми нет. До вечернего сигнала больше двенадцати часов. И сейчас займусь главным – подремлю вполглаза, дожидаясь третьего члена команды. Улегшись поудобней, проверил Баска, убедившись, что он дышит и не открылось кровотечение, после чего прикрыл глаза, сложил руки на пузе и максимально расслабился, обмяк. Пусть каждая перенапряженная и завязанная узлом мышца потихоньку придет в себя и начнет напитываться водой, питательными веществами и витаминами, коими обогащена моя кровь. В погружающемся в дрему разуме быстро-быстро закрутились картинки недавнего боя.

Что я сделал правильно?

В чем я ошибся?

Как двигались серые плуксы?

Подбирали ли под себя лапы перед прыжком?…

Где-то на десятом вопросе и ответе разум спасовал и потребовал покоя, который и получил. Последнее воспоминание – я не до конца прочитал системные сообщения. Но это позже. Надо отдохнуть…

* * *

Подремать удалось на славу – целый час я неподвижно пролежал, давая лекарствам шанс хорошенько потрудиться. А лекарства у системы убойные. Зевая, нащупал бутылку с водой и жадно выпил где-то четверть литра, еще столько же оставив. Проверив Баска, убедился, что парень протянул этот час. Хотел разбудить и дать выпить воды, но призадумался и решил с этим делом пока не спешить – не уверен, но вроде как при ранениях брюшной полости нельзя давать воду первые часы. Как проснется – сам решит. Думаю, если вода противопоказана какое-то время, система его предупредила.

Вытащив из поясной сумки последний пищевой брикет, с жадностью слопал его. И лихо запил остатками воды. Топливо загружено в брюхо, но голод не утолен – глаза сами ищут заветную комнату выдающую пищу. Дождусь возвращения Йорки и схожу за завтраком.

Поспать еще?

Нет. Уже девять утра. День пролетает стремительно и надо заняться хоть чем-то полезным. Для начала прочту последнее системное сообщение.

Уничтожение плунарных ксарлов
Поощрение: игровой вызов любому члену группы. (Р)

Надо же как щедро. Разово? В следующий раз за убийство плуксов поощрения не дадут? Мол это уже не геройство, а обычная рабочая рутина?

Оглянувшись, ближайший экран обнаружил на стене над облюбованным стенным выступом. Можно сказать висел прямо над нашими кроватями. Мне только и потребовалось что осторожно повернуться, бережно разместить израненные ноги и подпихнуть под спину дохлых плуксов прикрытых пропитанной зеленой и красной кровью тканью. О чистоте и не думал – я похож на выходца из ада. Полусфера на потолке уже дважды задерживалась над нашим выступом, неодобрительно поблескивая визорами. Уверен – стоит сползти с «кровати» и нас тут же погонят в душ. Гигиена! Одобряю…

Поерзав, упер затихшую поясницу в горку трупов, распрямил колени, уронил левую руку на колено, предварительно пару раз тихонько согнув и разогнув локоть, что уже не был настолько синим и раздутым. Лекарство действует.

Ну… я готов!

Хотя будет смешно, если я так долго готовился для игры в банальные крестики-нолики…

Выбрал себя как члена группы принимающего вызов. В коридоре разом вспыхнули экраны, высветив мой номер. Идущие по своим делам замерли в ожидании – успеет ли одиннадцатый принять вызов, что за игра? Я уже убедился, что эти частые игровые вызовы являются настоящими развлекательными шоу-программами для обитающих здесь зомби, гоблинов и орков. Может и для чудом выживающих червей эти вызовы реальная отрада. Всегда приятно смотреть на веселую громкую картинку…

Nether Earth.
Один раунд.
Выберите уровень сложности:
Легкий.
Нормальный.
Тяжелый.

Это не крестики-нолики…

Уровень сложности?

Задумчиво смотря на экран, потратил несколько секунд на раздумья и, пожав плечами, выбрал последний вариант из предложенных уровней сложности – тяжелый. Коридор

изумленно ахнул, затем послышался нескрываемо злорадный смех и весьма обидные для меня комментарии, где предрекали мой скорый провал. Вполне возможно, что они правы – я просто решил рискнуть. Хотя нет… странно, но название игры показалось мне смутно знакомым и чем-то приятным. Это и определило мой выбор сложности. Я доверился смутному чувству узнавания и интуиции. Осталось проверить насколько я был прав. Или насколько ошибался…

Меню исчезло. Экран посветлел. Игра началась. Мне потребовалась минута, чтобы хоть немного разобраться. Невероятно примитивная графика, уши режут противные звуки, имитирующие тревожную музыку. Схематично изображено что-то вроде замка с буквой «Н» на крыше. Рядом покачивается в воздухе некий прямоугольник… Какая-то левитирующая платформа… ей я, похоже, и управляю. Шевеля пальцами, прикладывая максимальные усилия, чтобы разобраться как можно быстрее, потаскал платформу из стороны в сторону, подвел к «Н» и меню сменилось, забросив меня во внутренности некой фабрики по производству… боевых роботов… Выбор шасси, корпуса, оружия, компьютерного блока… А оружие-то какое – фазеры, лазеры, ракеты, атомная бомба! Выбрав самое дешевое оборудование, собрал робота, спустился ниже по меню и наткнулся на варианты приказов – занимать заводы и вражеский базы, ждать прямого приказа, идти на штурм…

Это стратегия! И по всем признакам это стратегия в реальном времени.

А еще я почти уверен, что раньше уже видел эту игру и практически наверняка играл в нее. С каждой секундой пальцы двигались все быстрее, я отдавал команда за командой. Первого дешевого отправить на захват. Второго собрать максимально мощным, отдать приказы, следом покинуть базу. И снова я управляю странной летающей платформой. Собранные мною роботы уже ломанулись куда-то вправо – игровая карта представляет собой узкую полосу утыканную странными постройками, моя база на ее крайней левой стороне. А раз роботы идут направо – стало быть там и находится враг… А что, если я опущу платформу на одного из роботов? Руки так и норовят это сделать… не раздавлю случайно такой «шляпой»? Рискну… меню справа изменилось и строчки меня порадовали – я получил прямой контроль над боевым роботом, став его пилотом. Вот теперь мне окончательно все понятно… вперед, железный хлам! Скоро нам предстоит встреча с врагом!

Игра Nether Earth оказалась не слишком долгой и стоило мне отвоевать несколько заводов по производству ресурсов, дело

пошло на лад. Противниками выступали такие же роботы и вскоре желтые унылые пейзажи озарились вспышками лазерных зарница и взрывами атомных бомб. Когда ядерный взрыв уничтожил последнюю базу врага, система признала мою победу.

Игровой вызов завершен.
Итог: **победа**.
Награда: 20 солов.
Победная серия: 2/3.
Бонус к награде (ИВ): 0%
Бонус к шансу получения ИВ: 0%
Шанс получения дополнительного приза: 0%

– Отлично повоевали – признался я сам себе, потягиваясь и разминая затекшие части тела.

И награда отличная – двадцать солов лишними не станут.

Баланс: 78.

– Хорошо сыграл – к стенному выступу подошла девушка в облегающей безрукавке, обтягивающих шортах и красных кедах на босу ногу. Поясная сумка висит на груди, к ней прицеплена небольшая бутылочка с зеленоватой жидкостью, на поясе шорт покачивается короткая дубинка с шипами. Короткая стрижка, карие глаза, левая щека исполосована шрамами. Но на ее лицо я глянул мельком. А вот руки и ноги… на ее руках и ногах мой взгляд задержался дольше. Не конечности, а спортивный идеал. Никакого жира, сплошные сухие рельефные мышцы, вздутые вены змеями ползут под кожей. Причем руки разноцветные – левая бронзовая, с остатками какой-то татуировки, а правая белая. С оттенком ног ей повезло чуть больше – обе черные.

– Спасибо – ответил я, глядя на бейсболку гостьи, украшенную вручную вышитыми цифрами «299» и уже знакомой символикой желтого огня.

Ко мне пожаловал гость от бригады Солнечное Пламя. И судя по ее внешнему виду – вряд ли девушка занята очисткой слизи с металлических блоков. Она боец. И вряд ли она в своем обычном костюме – тут больше похоже на выходной костюм отдыхающего.

– Под тряпками плуксы дохлые?

– Верно.

– Серые?

– Три серых. Один весь из себя желтый и плунарный. А что?

– Я бы забрала их – легко и просто пояснила она, не пытаясь скрыть интереса – Сегодня отдыхаю, поспала подольше. Выползла из капсулы сонная – а в коридорах гоблины и зомби уже вовсю

визжат о том, что в двадцать третьем коридоре сидят израненные бойцы, причем сидят рядом с кровавой горой плуксовых трупов.

– Горой? – хмыкнул я и чуть нажал спиной на импровизированное кресло из мертвой плоти – Тут не гора. И даже не горка. Так… кучка…

– Отдашь? Не бесплатно, само собой.

– И почем нынче дохлые плуксы? – с нескрываемым интересом спросил я.

– Смотря чем возьмешь. Солами? Предметами?

– И если в солах?

– Покажешь товар?

– Прошу – чуть повернувшись, сдернул тряпку. Послышались ахи, возбужденные голоса, несколько орков подошло поближе, жадно облизывая взглядами трупы плуксов.

– Хм… мелочь…

– Мелочь – признал я.

– Пятерка за серого. Десятку за мандарина.

– Как-как? Мандарин? Ты про желтого?

– Ну да. Он же оранжевый. Прямо как мандарин.

– Этот плукс и командует прямо как мандарин – кивнул я.

– А это тут причем? – не поняла девушка – Фрукт командует?

– Сам толком не понимаю – признался я, отодвигаясь от горки трупов и занимая такую позицию, чтобы дохлые плуксы оказались между нами – А если вещами? Оружием?

– Никакого оружия – покачала она головой – Шутишь? Если дешевка – и сам за солы в любом торговом автомате купить можешь. Вроде шила с коротким жалом – за пятерку как раз и купишь. А если что посерьезней – за такую мелочь никто не даст. Могу предложить две обычные черные футболки – в здешних торгспотах такого цвета нет.

– Три черные футболки, несколько добрых советов и твой зеленый напиток – предложил я.

– Не поняла.

– А что тут непонятного?

– Про советы не поняла.

– Выглядишь бывалой. Я новичок. Так что советам буду рад.

– Две футболки.

– Три. Нас трое. Одну мне, одну ему – кивнул я на продолжающего спать Баска – И одну девушке чуть уже тебя в плечах. А советов – уж сколько дашь.

– Договорились. Но напиток зачем? Это просто таблетка изотоника растворенная в обычной воде. Таблетку за один сол можно купить в торгспоте. Сходил бы сам. Я всегда таскаю с собой пару таблеток в сумке и одну уже растворенную. Удобно –

идешь и посасываешь живительную влагу.

– Посасываешь – хохотнул плетущийся куда-то достаточно крупный сонный орк, явно не разобравшийся в ситуации и просто услышавший милый женский голосок – что так не вязался с внешностью обладательницы сего голоска.

Мы промолчали. Но орк не унялся. Он приостановился и, растирая сонную харю, гыгыкнул и продолжил портить себе жизнь:

– Хочешь пососать? Так я дам тебе забавную шту… к-ха! Ыы-ы-ыг… – выпучив глаза, синея на глазах, бедолага вцепился в сжавшую его горло мускулистую руку продолжающей мило улыбаться девушки.

– Хочешь дать мне забавную штучку? – промурлыкала двести девяносто девятая – Это так мило… ну давай… покажи мне ее… покажи скорее…

– Ы-ы-ы-ы-ы-ыг! – подыхающий полуорк уже ничего никому не хотел показывать. Он смотрел на потолок, но полусферы не было – она здесь проносилась раз в десять минут. И как раз недавно умчалась. Рука на глотке дебила сжалась сильнее. И сдавленное блеяние прервалось. Крохотный приток воздуха исчез. Орк-дебил начал умирать, о чем оповестил подкосившимися ногами.

Выждав еще пару секунд, девушка разжала руку, и орк шлепнулся к ее ногам, вдохнул и тут же зашелся в диком кашле. Но кашлял недолго – ему по ребрам пришелся сокрушительный пинок, отбросивший его на метр в сторону.

– Исчезни! – велела двести девяносто девятая.

Полудохлый придурок повиновался. Лающий кашель затих за поворотом. Внимание девушки снова обратилось ко мне.

– Сам чего не сходишь за изотоником?

– Даю отдых ногами – вздохнул я, демонстративно косясь на израненные ноги.

– Ага… ладно, договорились. Хорошо. Сделка. Схожу за футболками.

– Это – кивнул я на плуксов – Можешь сразу забирать.

– А если я не вернусь? – прищурилась девушка с номером двести девяносто девять.

– Не вернешься – развел я руками.

– Ладно.

В следующий миг я стал свидетелем того, насколько быстрым и точным может быть тренированный боец. Одним быстрым долгим движением она умудрилась сорвать с сумки бутылочку с растворенным изотоником, швырнуть ее мне легким движением кисти, продолжить движение, открыв клапан сумки и вытащив

сложенный пластиковый мешок, причем все это она проделывала уже в пути, вмиг оказавшись чуть ли не вплотную. Быстро… очень быстро… я уважительно кивнул, нарочито неспешно откупоривая бутылку.

– Поймал – чуть удивленно и, как мне показалось, чуть раздосадовано произнесла девушка – Реакция на высоте.

– Повезло – улыбнулся я и сделал крохотный глоток.

Сладко-солено-фруктово… как-то такие вот сложились ощущения. Упаковывая плуксов в мешок, дарительница пояснила:

– После тренировок, долгой работы, переходов или боев – самое то. Я и на ночь обязательно такую бутылку выпиваю. Вообще – до трех-четырех в день.

– Богато живете – вздохнул я – Спасибо за пояснения.

– Это в счет тех советов – фыркнула она, закрывая мешок – Жди!

Молча кивнул. Сделал еще глоток. И прицепил бутылку к своей сумке.

Три-четыре изотоника в день…

Таблетка стоит один сол. Только на них у нее уходит четыре сола, плюс надо еще и воду докупать. Ну скажем шесть солов – столько она тратить в день только на изотоники. И уж точно она не питается только пищевыми брикетами выдаваемыми трижды в день. На них такие мышцы не нарастишь. В общем – небедно живет.

– Держи – передо мной упали аккуратно сложенные черные футболки.

– Спасибо.

– Советы какие тебе?

– Ты ведь боец, верно?

– Так заметно – девушка с гордостью оглядела руки, поиграла мышцами – Да. Боец.

– Мне бы касательно боевых дел советов – попросил я.

– Погоди… это первые ваши плуксы?

– Так точно.

– Система послала запрос на получение дополнительных боевых заданий?

– Уже принял.

– Смело ты. Вы ведь простая группа. Без прикрытия бригады.

– Так точно.

– Смелые гоблины-смертники… или орки?

– Гоблины, гоблины – закивал я – И даже зомби. Я к нежити толерантен. Что посоветуешь?

– Расскажу главное. Правила выживания. Ты лидер группы, верно?

– Угадала.

– Да от тебя так и прет этим запахом – хмыкнула двести девяносто девятая – Слушай внимательно, лидер. Боевые задания система выдаст тебе и только тебе как лидеру группы. Да вообще все задания только тебе. Но речь о боевых.

– Ага.

– Поэтому ты должен четко отслеживать свое местоположение. Всегда должен прикидывать какими дорогами и тропами куда идешь, где останавливаешься передохнуть или на ночлег.

– Не уловил – признался я.

– Радиусы. Ну или чтобы проще – места и расстояния – еще более туманно пояснила девушка – Чем ты ближе к проблеме – тем вероятней.

– Все еще не въезжаю.

– М-м-м… на вашем примере поясню. С плуксами где сцепились?

– Первая зона, второй блок. Подача блоков.

– Знаю это место. Там наблюдение постоянно, хотя рядом пара сумрачных и даже темных троп, верно?

– Точно. Из темной тропы плуксы и вынырнули.

– Вот! Мать все время мониторит ситуацию, наблюдает за коридорами и залами, верно?

«Мать»… Еще одна верующая?

– Верно – кивнул я.

– Тогда у вас был статус простых трудяг.

«Статус трудяг»? Звучит логично…

– Верно…

– Ага. И вот вы спокойно работаете, планируете уже как проведете остаток дня. И тут хлоп – с сумрачной тропы выныривает четыре плукса. Матерь их засекает. Что она делает дальше?

– Зовет подмогу – легко догадался я.

– Точно! Но конкретно вас она позвать не может – потому что вы по статусу трудяги. Не бойцы. И даже не кадеты. И вот от этой самой проблемной точки, от центра беды – от появившихся плуксов – Мать начинает искать тех, кому можно поручить срочное боевое задание. Она расширяет круг. Радиус сто метров – никого. Радиус двести метров – никого. Радиус триста – никого. Четыреста – есть бойцы! Их лидеру тут же бросается задание – немедленно мчаться ко второму блоку первой зоны и уничтожить четырех плуксов. Дается и краткое описание противников – три крысы и мандарин.

– Три крысы и мандарин… – повторил я.

– Это…

– Я понял. Сленг для краткости.

– Да. Система, конечно, пишет, как положено, по списку перечисляя каждого из засеченных – три серых малых плунарных ксарла, один желтый малый… ну и так далее. Это мы уже сокращаем.

– Ага.

– Ты что-то говорила про кадетов?

– Это вы сейчас. У вас боевые задания со статусом «дополнительные». Так что можете не выполнять, но, если откажетесь два раз подряд – боевые задания выдаваться перестанут надолго. Так же кадеты могут отказаться и от экстренных боевых заданий. И ничего им за это не будет. Имеют право включать самосохранение. Но в кадетах мало кто задерживается. Почти все переходят на статус бойцов, как мы их называем. И запрос о переходе на этот уровень система отправит тебе сразу же, как только выполнишь всего одно дополнительное боевое задание. И будет предлагать раз за разом после каждого успешного боевого. Понял?

– Понял. Спасибо.

– И если ты получишь бойцовский статус – строго следи за своим местоположением! Тут полно тропинок, на которых не то, что задерживаться – по ним и ходить не стоит без великой нужды. Потому что там часто появляются плуксы. И совсем нередка ситуация, когда группа измотана, кто-то возможно ранен, еле волочите ноги – и тут бац! Система вывешивает срочное боевое задание – потому что твоя группа оказалась ближе всех к эпицентру проблемы. Понял?

– Да – медленно кивнул я – Понял. Это очень важный совет.

– Именно! Пусть группа измотана – но вы идете в бой! Там наверняка и поляжете. Но задержите плуксов, за это время система подтянет других бойцов и в конце концов с проблемой справятся. Многие боевые группы так полегли. Кадетским легче – почуяли беду и проще отказаться. Бойцы так не могут. Предпочитают идти даже в неравный бой.

– Почему? Потеря статуса? Да в задницу! Все лучше, чем потерять жизнь.

– Статуса? Плевать на него. В задницу статус! Гоблин… ты про трибунал когда-нибудь слышал?

– Военный суд. Строгий и беспощадный.

– Точно. Как только ты подписываешься на переход в бойцовский статус, ты получаешь многое – больше солов, больше поощрений, частые подарки, доступ к дополнительным лотам торговых и информационных автоматов. Ничего не напоминает?

– Это как… полиция? Верное слово? Нет… раз трибунал – армия? Особое обеспечение и дополнительные блага.

– Точно. Армия. А за невыполнение приказа в армии любой страны мира тебя ждет трибунал, а следом и суровое наказание.

Логично. Более чем логично. Силком в солдаты система не тянет. Если подписываешься под тем, что ты боец, что ты солдат, то будь готов к тому, что изменившая твой статус система будет на тебя полагаться, ожидая быстрого и четкого выполнения боевых приказов. Сказано атаковать превосходящие силы противника – атакуй! Другого варианта не будет. В армии приказ командира – высшая инстанция. И горе тому, кто приказ не выполнит… саботаж, дезертирство… плохой пример для других солдат… и отсюда незамедлительные карательные меры.

Ну и второй аспект – моральный. Ты ведь подписываешься на переход к боевому статусу осознанно, верно? И, стало быть, понимаешь, что, если откажешься гнать измотанную группу через залы и коридоры навстречу врагу, кто-то из мирных работяг погибнет. Потому что их некому будет прикрыть. И это ляжет тяжелым бременем на твою совесть.

– Боюсь спросить. И какое наказание за невыполнение боевого задания?

– Кадетам – никакого.

– Ну а бойцам?

– Лишение всех накоплений, лишение доступа даже к наперед проплаченное личной жилой капсуле, шестимесячный запрет на пользование банкоматом, понижение статуса до зомби – со всеми вытекающими.

– Погоди… то есть…

– Если ты как лидер откажешься выполнять боевое задание – по любой причине! – тебя и всю твою группу ждет одинаковое наказание. Вас лишат всего. И у каждого заберут по три конечности. Оставят только по одной руке на каждого. Почти черви.

– Ни хрена себе… – с крайней задумчивостью молвил я.

– Да – кивнула двести девяносто девятая – Напортачил один – страдают все! Проняло?

– До костей.

– Вот и думай.

– И много кто идет в бойцы?

– Много. Выгод немало, гоблин. Денег хватает на все и даже больше. Тут главное – думать! Поэтому и советую – всегда знай свое местоположение, всегда грамотно выбирай маршрут. Ты лидер. Ты солдат. Ты всегда должен знать, где находится твоя группа и какое задание может в любой момент прилететь от

системы. Многое зависит от местности вокруг, поэтому должен заранее знать все ее опасности и тонкости. Расспрашивай, не скупись на покупку проверенной информации. Такие вот мои тебе советы.

– Спасибо. Принял советы с благодарностью. И где не стоит ходить?

– Держитесь поближе к клуксам, не задерживайтесь в старых коридорах, будьте предельно осторожны в таких местах как Гиблый Мост и подобных.

– Гиблый Мост?

– Это просто первое что на ум пришло. Вчера им проходили. В Дренажтаун ходили хоть раз?

– Еще нет.

– Гиблый Мост – самый короткий путь отсюда в Дренажтаун. Обходным путем в пять раз длиннее. Те, кому хочется выпить и потискать не слишком искалеченных и более-менее симпатичных девочек или мальчиков за приемлемую плату – проскакивают Гиблым Мостом. Чаще всего успешно.

– И длинный он?

– Сам увидишь. Но не вздумай там задерживаться. И не вздумайте спускаться к опорам моста – там начинается Стылая Клоака. Бойтесь!

– Стой…

– Не! Я сегодня выходная. Впереди счастливая двухчасовая тренировка, особый обед и особая приятная компания на вечер… удачи вам!

– Стылая Клоака – с грустью вздохнул я, подгребая к себе футболки – Заинтриговала и ушла… хотя бы еще один совет, воин!

– Экипировка! – крикнула она перед тем, как свернуть – Оружие! Эти два фактора решают очень многое! Но меньше, чем мозги лидера – это самое главное! – и пропала окончательно.

Эх…

– Мозги лидера – пробурчал я, задумчиво постукивая указательным пальцем по правому виску – Мозги лидера…

– Что там с мозгами лидера? – поинтересовался знакомый голос.

– Живая! – обрадовался я, вскидывая глаза на вернувшуюся Йорку – Ой…

– Да ваще! – попыталась состроить сердитое лицо Йорка, но широченная радостная улыбка никак не желала гаснуть.

У нее снова было две руки. И она усилено шевелила пальцами новой руки, разгибала и сгибала в локте, демонстрировала работу плечевого сустава. Пришитая рука была

сморщенная, выглядела кошмарно, если честно, но все же – это была рука. Работающая вторая рукам. Йорка перестала быть инвалидом. Команда стала полноценней.

А мое «ой» относилось не к сморщенной коже новой конечности, а к обилию татуировок. Не знаю кем была прежняя обладательница сей руки, но татуировки она любила – на коже в буквальном смысле слова не осталось живого места. Даже не понять какого цвета рука была изначально. И ведь ни одного осмысленного рисунка – сплошь хитро закрученные линии черных, красных и зеленых цветов.

– Хочешь я тебе врежу? – спросила счастливая Йорка, сжимая новый кулак.

– Воздержусь – помотал я головой – Поздравляю, напарница.

– Спасибо! Спасибо! Лопнуть и сдохнуть! Спасибо! У меня снова две руки, Оди! Спасибо тебе! Это все ты! Ты вернул мне руку!

– Да прекрати.

– Замри!

Замер. И получил шикарное жесткое объятие и быстрый мокрый поцелуй в правую щеку.

– Работает нормально?

– Нормально!

– Нигде не заедает? Не хрустит?

– Нигде!

– Отлично.

– Я счастливый гоблин! – объявила Йорка.

– А я счастливый зомби – прошептал сквозь бейсболку Баск.

Глянув на него, спросил:

– Глаза тут чинят?

– Не на Окраине – задрожала в такт словам бейсболка на лице – Я прошел диагностику. Здесь система глаза не чинит.

– А дальше?

– Советуют поспрашивать в Мутноводье.

– Прекрасно – воодушевился я – А мы как раз туда собирались заглянуть в самое ближайшее время! Так… Йорка, вот тебе бутылка изотоника. Половина твоя. Половина – Баску. Так его, кстати, зовут. Зомби Баск.

– Йо тебе! – склонилась над раненым Йорка.

– Только сначала спроси можно ли ему пить – вспомнил я, сползая со стенного выступа.

– А если нельзя?

– Вся бутылка твоя. Еще держи две футболки. Тебе и Баску. Ну и мне… Посидите недолго, скоро вернусь.

– Куда хоть идешь?

– Чуть прошвырнуться по магазинам – ответил я, осторожно ступая и на ходу натягивая черную футболку прямо поверх изгвазданной кровью майки, чтобы не притягивать к себе взгляды шокированной общественности – Скоро буду.

– Ждем тут!

Руки и плуксы. Плуксы и руки.

Много вопросов задать не успел, многие вопросы и задать-то некуда. Но тут главное не отчаиваться!

Оглядев себя, остался доволен – морду бы срочно сполоснуть, но футболка села на торс как влитая, подчеркнув грудные мышцы и плоский бугристый живот. Руки излишне свободно болтаются в рукавах, но тут пока поделать нечего.

Руки… и плуксы…

Касательно рук, буквально только что, увидев испятнанную татуировками новую руку Йорки, задумался я вот о чем – а что система делает с теми руками, что она забирает за провинность или неуплату? Хотя нет. Вопрос поставлен неверно. И так ясно что она с ними делает – это ведь ресурс, а ресурс надо использовать. Отрезанные руки отправляются на хранение, а когда возникает нужда, тут же пускаются в дело.

Вот сегодня Йорка получила сморщенную руку. Только одну руку. Верно?

Верно.

Система вроде не дура, поэтому логично предположить, что цельный комплект конечностей она разбивать на части не станет. Йорке пришили руку взятую из склада «некомплекта». Вполне логичное предположение. А склад некомплекта большей частью пополняется за счет преступников и неплательщиков. Оттуда и была взята сегодня одиночная рука.

Это я к чему?

Да рука больно приметная. Невероятно приметная, яркая, с уникальным рисунком. И вот что произойдет, если бывшая владелица татуированной ручонки наткнется на Йорку в узком коридоре? М? Это ведь рука. Рука! Конечность! Это вам не майка и не трусы поношенные – чью потерю можно легко забыть. Ты увидишь на другом человеку *свою* руку… Боюсь, реакцию бывшего владельца предсказать трудно… и пусть среди нас нет тех, кто бы обладал *реально своими* конечностями – отросшими в материнской утробе. Все равно даже к чужой конечности привыкаешь – вот как я уже свыкся со своим стариковским набором.

А у меня ведь полный комплект. Конечности выглядят одинаково. И вряд ли ради новенького система полезла бы в элитный склад. Стопроцентно кого-то превратили в полного червя

и конечности перешли ко мне.

Либо кто-то умер и был оперативно доставлен в медблок, где его живенько лишили уже ненужного комплекта…. Учитывая внешний солидный возраст моих лап – это вполне вероятно.

Вот разве я теперь не зомби? Я опираюсь на ноги мертвеца, мои руки – руки мертвеца… Да все мы тут зомби в той или иной степени.

И последний вопрос о руках-ногах пришедший мне сегодня в голову – где мои истинные конечности? Те самые, что от папы с мамой. И если они бродят сейчас по Окраине – узнаю ли я их? Пойму ли, что вон тот мужик таскает на себе именно *мои* конечности?

Да уж… странный бред бурлит в моей голове… может в изотоник что-то веселящего намешали? А я ведь чуть-чуть отхлебнул…

А плуксы… да, не успел я задать вопросы касательно дохлых зверушек – на кой черт они сдались бригадам?

Но вот как раз этот вопрос вполне практичный и получить на него ответ можно в любой момент. Вон хромает куда-то гоблин однорукий, почесывая пузо под майкой. Выглядит расслабленным. Явно только что позавтракал. И шагает он туда же куда и я – держит курс прямиком на стену с торговыми автоматами.

Торгспоты… инфоспоты… с каждым днем в голове оседает все больше словечек, постепенно обретающих смыл.

– И где ж тут изотоники то искать? – чересчур громко вздохнул я, окидывая взглядом стройный ряд торговых автоматов, искоса поглядывая на покупающего воду гоблина.

– Шизу ищешь? Соляные таблетки? – отреагировал тот – Так вон чуть правее, бро! Разбогател что ли? Футболка крутая! Черная! А с мордой что? А с ногами что за жуть приключилась?

Ну да. Дай малейший шанс – и гоблин тут же зацепится за него языком. Рыкать не стал, коротко и правдиво описал недавно случившуюся ситуацию, одновременно покупая «соляные таблетки», как он назвал изотоник. Официальное же название гласило ШИЗ-9.

Шиза…

Я живо представил светящийся на экране плакат с сурово сдвинувшим брови гоблином в рваной майке, наставившем палец: «А ты закинулся сегодня шизой, гоблин?».

Купи шизу! Закинься шизой! Живи с шизой!

Цена в один сол. Я купил десять. И одну таблетку тут же вручил жадно сопящему гоблину, одну приберег для себя, остальные ссыпал в поясную сумку. Гоблин принял дар с

благодарностью, булькнул ее в купленную бутылку, затряс ожесточенно. Трясет, а сам на меня смотрит с ожиданием в глазах – когда я на него многочисленные вопросы отвечать начну. Но тут придется тебе изотоником бесплатным удовольствоваться. Моя очередь небрежные вопросы задавать. Но задам в форме красивого ответа. Лениво зевнув, произнес:

– Да не особо разбогател. Встретились тут с плуксами. Сам видишь, как они нас.

– Это да!

– Но все же и мы их.

– Вижу, вижу, бро!

– Плуксов бригаде сдали – Солнечное Пламя. Слышал о таких?

– А кто нет, бро? Производственники! Сильнейшие во всех окрестных зонах. Я бы к ним и в чистильщики с удовольствием. Так не берут. С-суки…

– Футболку от них получил – продолжил я – Ну и чуть солов перепало, конечно. Одного у них не спросил. На кой черт им плуксы?

– Да ты чего, бро? Не продешевил хотя бы? Серый плукс дешевле пятерки не уходит. Это если мелкий. Ну и еще не подтухший…

– Так и ушел.

– Отлично продал, бро!

– Но зачем они им?

– Так у Соплей неподалеку целая мастерская!

– Как? Соплей?

– Ну да! Наши окрестили. Слишком длинно ведь – Солнечное Пламя! Сначала сократили до Сопло. Типа – на семнадцатом Сопло опять в бурлаки набирает! Годятся даже зомби! Бла-бла-бла! А потом как Сопло в Сопли превратилось.

– Сопло в Сопли – повторил я – М-да… пять раз подумай, один раз назови.

– Это точно! Гы-гы-гы!

– Мастерская?

– Ну да! Они там плуксов в дело пускают! Потрошат, сдирают шкуры, выделывают их. А мясо готовят! Там при мастерской обжираловка – хочешь мясо тебе пожарят, хочешь сварят или потушат. Говорят, вкусно готовят! Но как проверить? У какого гоблина есть солы на жареное мясо?

– Так плуксов можно есть…

– Да еще как можно! Ты что! Был бы острый нож, немного соли и место для готовки. Так скажу, бро – знаю пару мест с раскаленными, просто раскаленными трубами! Шмат мяса на

такую бросишь – вмиг зажарит! А запах… м-м-м-м…

– М-м-м-м… – подвыл и я немного запрокинувшему голову гоблину.

Очнувшись, он горестно вздохнул, зажал бутылку подмышкой и ткнул в меня грязным пальцем:

– Помни если что!

– Конечно! А шкуры плуксов куда девают?

– Ты что! Это же золотое дно! В Дренажтауне обувь из плуксовых шкур с руками вырвут! И одежду делают! Прочная ведь – не каждый нож пробьет. А те, кто в Зловонке обитает – им и вовсе нельзя без обувки такой! Там ведь столько всего острого и колкого под их любимым дерьмом!

– Зловонке?

– Ага!

– А это где?

– Про Дренажтаун ведь знаешь, раз не спрашивал.

– Слышать приходилось.

– Ну вот. Если отсюда прямым путем топать, то тропки сначала приведут к Гиблому Мосту. Слышал?

– Ага. А Зловонка?

– А еще соляная таблетка найдется до бедолаги гоблина однорукого?

– Найдется. Если подробностей добавишь – достав таблетку «шизы» покрутил ее перед его глазами – Ну?

– Как до середины Гиблого Моста дойдешь – глянь налево. Увидишь стену вдалеке, а над ней длиннющую щель, откуда льет ленивый водопад. Его еще Дерьмопадом называют.

– С фантазией назвали…

– Да правдиво назвали! Он ведь из Зловонки течет – из ее разливов собирается! Давай таблетку!

– А водопад куда льет?

– Так то просто – большая часть дерьма уходит в сварной желоб, что в каналы Дренажтауна ведет. А меньшая через желоб перехлестывает и вниз – в Стылую Клоаку.

– Тропами до Гиблого Моста, по нему, мимо Дерьмопада по левую руку и над Стылой Клоакой до самого Дренажтауна, он же верхний квартал города Мутноводья. Это самый короткий путь до города, правильно?

– Он. И самый опасный! Лучше уж подольше шлепать, но в обход, через другие кляксы.

– Кляксы – это клуксы?

– Ну да. Тоже наши окрестили – чтобы проще было. Мы вот из семнадцатой кляксы… как в плевке живем – гоблин неожиданно скрипнул зубами, утер глаза ладонью, едва не выронив бутылку с

водой – Дерьмо!

– Дерьмо – согласился я, отдавая таблетку «шизы» – Но жить везде можно.

– Тоже верно. Бывай, бро!

– Бывай.

Гоблин ушлепал, бормоча под нос что-то злое и почти невнятное. Я только и уловил что-то вроде «ублюдочные Сопли жадюги», «сучьи кляксы» и совсем уж неожиданное «трахнутые эльфы!», причем гоблин усиленно грозил кулаком потолку. И все же выронил бутылку. Подобрал, постоял… как-то сник и побрел дальше, ожесточенно хлебая изотоник…

Накрошу-ка я и себе шизы в бутылку… вдруг жить станет легче…

Требуется незамедлительное принятие душа.

– А черт…

Спорить бессмысленно. Нащупал взглядом открывшуюся шагах в двадцати впереди и слева узкую дверь и пошлепал к ней, зная, что за мной пристально наблюдает с потолка система. Придется все же привести себя в порядок…

Спустя четверть часа вывалился из душевой кабины другим человеком. Ой… куда я замахнулся. Не человеком – гоблином. Посвежевшим чистеньким гоблином в стремительно просыхающей одежде. Поясную сумку удалось не намочить.

Баланс: 67.

Отхлебывая сладко-солено-фруктовый изотоник, не спеша подошел к двум наиболее интересующим меня торгспотам. Оглядел представленные на витрине товары. Что ж… ничего особенного, но есть за что зацепиться взгляду. В прошлый раз я глядел мельком. Сейчас же изучал пристально – с твердым намерением купить. И для себя, и для членов команды.

Позвать их сюда и пусть выбирают себе по душе?

Я не настолько кретин. Нет. Для каждого из группы я выберу сам. И оружие, и экипировку. А затем научу всем этим правильно пользоваться. Только так и никак иначе. Прочие любительские способы меня не интересуют совершенно.

Начну с…

Лишь привычка поглядывать по сторонам спасла мне жизнь. Краем глаза я увидел стремительную беззвучную тень. Успел отдернуть голову. И намертво зажатое в кулаке длинное шило прошло в сантиметре от виска. А воткнуть шило гаденыш

планировал в глаз…

– За Джонника! – торжествующе вякнул несостоявшийся убийца и осекся, замерев в неудобной позе. Дошло до него наконец-то. Но как-то с запозданием.

Я крепко держал его за локоть вооруженной вздернутой руки. Держал левой рукой, чувствуя, как в напряженном локте опять просыпается боль. Держал и смотрел в заполненные слезами мокрые глаза гаденыша.

– Я любил его! А он любил ту шлюху! – истерично крикнул мне в лицо парень и попытался выдернуть руку. Я шатнулся следом за ним. Стеклянный звон… Он вздрогнул, коротко ахнул и уронил голову мне на плечо. Не отпуская обнявшего меня мертвеца, глянул на потолок, по сторонам. Вроде тихо. Полусферы нет, ближайший орк шагах в двадцати и стоит спиной. Приподняв парня, оттащил его к выступающей из стены скамейке. И уложил на бок так, чтобы он смотрел в стену. Отойдя, оглядел «натюрморт» и, развернувшись, пошел прочь, на ходу убирая левую руку обратно в перевязь и пряча под нее обмотанную тряпкой рукоять. Само отломанное стеклянное лезвие осталось в сердце трупа, заперев рану. Сердце встало почти мгновенно. Если и выльется кровь – то пару капель самое большее и никаких привлекающих внимание кровавых пятен.

Парня я узнал – один из трех оставшихся в живых из кодлы Джонни Льва. Все же решился один из них на месть. Но по личным мотивам. А судя по невероятно расширенным зрачкам – парень был под дурью. Чем-то закинулся для смелости. Что ж – тоже информация, хотя предпочел бы получить ее другим способом.

Через пять минут я стоял рядом с такими же торгспотами у другой стены кляксы. Огляделся – не мчится ли еще один мститель? Вроде никого. Можно спокойно рассматривать и прицениваться.

Немного жаль стеклянный клинок. Когда воткнул, услышал характерный треск ломающегося стекла. Эльфийский цветок испил столько крови, сколько мог. И остался в сердце последнего врага – разве не красивая смерть для оружия?

Стоп… глянув чуть в сторону, сходил до одежного автомата. Прокрутил витрину и убедился – черных футболок в продаже не было. Не соврал боец бригады Соплей. Зато в продаже нашлись отличные трусы ценой в один сол и серые невзрачные штаны стоимостью в десять солов. Дорого! Но я купил. Ложной скромностью и разными комплексами не страдаю, могу хоть голым ходить – причем свободно и с располагающей милой улыбкой. И действовать голым смогу – в любой ситуации. Есть у

меня такая отчетливая внутренняя убежденность. Но я должен выглядеть как человек серьезный – а за такового меня вряд ли примут, увидев торчащие из-под черной футболки коротенькие шортики.

Приобрел. А теперь серые носки за один сол и серые кеды за десять. Странные у них тут ценовые категории. Заметил, что синие, зеленые или красные носки стоят уже два сола. Такая же наценка в один сол касается всех предметов одежды и обуви. Стоимость красителя? Я взял самые дешевые вещи. Хотя добавил бы по солу за штаны и кеды, имейся в продаже черный цвет.

Рюкзак. Это обязательный пункт. И я уже отыскал взглядом единственный вариант ценой в пятнадцать солов. Небольшой рюкзак литров на двадцать пять. Невзрачный серый рюкзак с до обидного узкими непрактичными лямками. Но я его купил.

Оглядевшись, быстро переоделся, заодно обнаружив, что в штанах имеется тугая резинка. Плюс-минус пара размеров. Удобно. Старые вещи аккуратно сложил и убрал в рюкзак, вдел руки в лямки. Левую сразу убрал на перевязь, продолжая беречь. Чуть походил перед торгспотами, убеждаясь, что ноги чувствуют себя в обуви нормально, а штаны нигде не натирают. Такие вещи надо знать наверняка. А обувь так вообще надо хорошенько разносить перед тем, как отправляться в долгий переход. Только конченый придурок может рискнуть пойти куда-то дальше, чем на километр в новой неопробованной обуви.

Поразмыслил не стоит ли сменить приметную черную футболку на невзрачную серую или темно-синюю чуть дороже. Я ведь тут кое-кого только что зарезал. Но махнул рукой – в сердце убитого остался кусок стекла с изображенным красивым цветком. Это прямая ниточка ко мне. Да и сам парень из банды мною же убитого Джонни Льва и его верной… шлюхи? Нет, паренек, тут ты ошибся. Та деваха не была подстилкой жирного Джонни. Она была его серым кардиналом, умело управляя этой тушей. Ее подвела мстительность и жадность.

Как у меня с деньгами? Пока хватает.

Следующая моя покупка очевидна – дубинка.

Простейшее и при этом опаснейшее в умелых руках оружие. Древнейшее человеческое оружие наравне с камнем. Хотя еще большой вопрос какой именно предмет взял в руки наш предок на заре эволюции – камень или же палку. Я склоняюсь к последнему варианту. Или все же первым оружием был неспелый плод сорванный лапой с ветки и брошенный в голову беснующегося под деревом льва?

Воспоминания? Ведь очевидно, что я вспоминаю сейчас… но это не личное… нет ни малейшего личностного оттенка в этих

воспоминаниях, нет эмоций. Моя голова просто хранит сведения академического характера. Но при этом я не могу вспомнить, когда и как получил их. Школа? Университет? Академия?

Дубинка обошлась мне в десять солов. Еще за четыре сола я приобрел два длинных острых металлических стержня с квадратным сечением. Они идеально вошли в специальные отверстия предусмотренные в конце дубинки. Всего таких отверстий было четыре. Но и двух острых стержня вполне достаточно – и для плукса и для гоблина. Да и орку не поздоровится если такой дубиной ударить по любой незащищенной части тела.

Я приобрел три пары серых плотных перчаток по два сола за пару, удивительно, но заплатил не шесть, а пять солов. Скидка! Причем нигде и никак не обозначенная визуально. Ну и шило за пять солов купил.

Баланс: 6.

На этом с покупками решил временно завязать. Сегодня многое бесплатно. Система балует бойца, ласково треплет меня за упругую гоблинскую щечку. Ути-пути, мой смелый убийца плунарных ксарлов… Но день только начался и не стоит уходить в ноль еще до полудня.

Обратно шагал через центр кляксы, цепко поглядывая на только-только начавшие заполняться столики. Гоблины выползали завтракать. Начался обычный цикл ленивого большинства с Окраины. Зевающие перекошенные рты, вялая походка, охи, вздохи, поеживания, кашель… никто никуда не торопится. Лентяи. Многие даже пропустили ежеутренний восьмичасовой сигнал начала работа – а зачем выползать из капсулы и переться под очи Матери, если задание уже висит в интерфейсе? Зачем торопливо запихивать в пасть завтрак и, почесывая уколотые иглами места, мчаться к месту работ, если еще так рано, а они знают, что сегодняшнее задание можно выполнить за четыре-пять часов? Вот именно – незачем. Сейчас погрызем пищевой брикет, выпьем пустой водички, потреплемся с соседями по столу, с надеждой посмотрим на экраны – а вдруг игровой вызов? Они тут частенько. Пусть даже не свой – так и на чужую игру поглазеть можно. Поскрипеть завистливо зубами если выиграет, злорадно похихикать в случае проигрыша… Даже нищий гоблин может жить сладко при желании – есть чем заняться аж до полудня. Ну а там обед – святое дело! Потом можно вздремнуть часик. Ну и уже где-то часам к трем вялой походкой можно направляться к сегодняшнему месту работ и выполнять ненавистное задание. Как завершил – вприпрыжку,

радостно обратно в кляксу! Вечер там пролетит незаметно – многочисленные экраны не затухают, игровые вызовы один за другой, многие длинные, есть на что посмотреть!…

Едва свернул в наш «больничный» коридор, сразу понял – опять проблема!

Еще через десять шагов опознал угрозу и зло ощерился – опять это мудачье!

У них, правда, нихрена не получалось, это видно по набычившейся Йорке, стоящей на выступе перед подошедшими двумя парнями. Двое из кодлы Джонни. Да вы издеваетесь! Долго эта проблема будет тянуться?

Приглядевшись, беззвучно рассмеялся, чуть ускорил шаг. Меня порадовала увиденная композиция. Злая Йорка выставил перед собой руки и почти тыкала каждому парню в лицо по дерзко оттопыренному среднему пальцу. Подкорректировав путь, чуть сместился и неторопливо приближался к ним сзади. Йорка увидела меня первая и на встревоженном лице начала загораться радость. Прижал палец к губам. Тихо, гоблин, тихо. Поняла, сомкнула губы, промолчала. А через несколько шагов я стоял за их спинами и с интересом прислушивался – как раз начался очередной раунд переговоров:

– Ты совсем тупая? Сказали же тебе – конец двойной единице! Не вернется он.

– Эта сука сдохла! – попытался грозно прорычать второй, что был чуть пониже ростом но пошире в плечах.

– И ты теперь одна! Руку отрастила, падла? Хорошо! Работать сможешь больше! Дань пока такую же оставляем, приносить на ту же сумрачную тропку. И без опозданий, сука, если хочешь жить!

– Че ты молчишь, сука?

А другие нехорошие слова они знают? Джонни был настоящим чернушным мастаком – не научил что ли парнишек грязнословию?

– Может ей врезать? А? Давай я врежу этой суке! Напрашивается! Вот ненавижу баб! Тупые вы, с-сука! Тупые! Только для одного годитесь! – низенький затрясся, растопырил локти, разинул рот, шумно задышал, став похож на рожающую курицу, понявшую, что не стоило зачинать ребенка от страуса.

И ведь они ни разу не обернулись! Ни разу! Я стою и дышу им в затылки – а у них реакции ноль. Никакого внутреннего напряжения, ни малейшего намека на чуйку или банальную осторожность. По мою душу отправился заряженный наркотой неумеха с шилом и они решили, что у него все обязательно получится? Да что не так с этими гоблинами?..

Глянул на потолок. Мама уже ушла на работу? Детишкам

можно порезвиться!

Йорка сдавленно всхлипнула, хрюкнула, закрыла лицо новой ладонью.

– Да не ссы, дура! – тут же оживился первый – Не ссы! Ну напортачила, натворила бед. Но все можно забыть. Сегодня вечерком обсудим в том коридорчике. Обговорим. Найдем способы. Мы же люди…

– Ты не человек – не согласился я, втыкая ему шило в правую трапециевидную мышцу.

Второй ушлепок получил удар шипами дубины сзади по бедру. Неглубоко. Но больно. Рухнул на колено. Я еще успел бросить дубинку напарнице, та ее поймала и только тут очнулся парень с шилом в мышце.

– Ай! Ай! Ай! Ай!

– Заткнись, червь – попросил я, чуть наклоняя шильное жало в ране и «айканье» как отрезало, зато начался длинный хрип, парня затрясло будто муху насаженную на булавку. У этого гоблина невероятно низкий болевой порог. Пришлось рыкнуть еще раз:

– Эй! Тихо!

Хрип исчез, парень послушно замер, но при этом, сохраняя неподвижность корпуса и рук, мелко-мелко переступал ногами. Так ведет себя непослушный ребенок, схваченный за ухо выведенной из себя матерью. Я указал подбородком на второго «криминального гения» и назидательно сказал:

– Посмотри, как хорошо ведет себя этот гоблин. Хороший гоблин! Учись!

«Хороший гоблин» зажал ладонями пробитое бедро, свернулся калачиком под стенным выступом и притворился дохлым. Лежит не гудит и только пахнет… буквально…

– Кто из вас обделался? – спросил я горько – Какой ушлепок?

– Я-я-я-я… почти-и-и – жалобно проблеял парень с шилом в теле.

– Гребаный трус. Стисни булки, чмошник! И слушай! Оба слушайте! Я задолбался вас предупреждать. Мне проще зарезать, чем слова тратить! Если еще раз… один гребанный раз… – медленно сказал я – Продолжать надо?

– Нет! – они ответили хором.

– Исчезли! – резко дернув шило в ране, расширив ее, вырвал оружие, быстрым движением вытер о майку скулящего гоблина – Пошли!

Они исчезли быстро. Но и тут не без накладок. Раненый в ногу подскочил, но, придурок, явно не знал, что получившие ранения мышцы быстро немеют, становятся непослушными, ноги

подламывают. Он подскочил – и упал. Вскочил снова, вытянул лапы к другу – а того уже не было. Зажал плечо ладонью и убежал.

– Люкс! – этот жалобный потрясенный вскрик потрясал своей искренностью.

Вот тебе жизненный урок, ушлепок – то чмо тебе не друг и кинет в любой опасной ситуации. Запомни этот урок, если не хочешь стать кормом для плуксов.

Они исчезли. Развеялась вонь.

– Я знала, что ты не сдох! – буркнула Йорка, крутя в руках дубинку – Это мне?

– Тебе – кивнул я.

– Я бы сама купила! Каждый экипируется сам! Правило!

– С чего ты так решила?

– Не решила – услышала. И впитала! – гордо подбоченилась Йорка, едва не наступив на руку распластанного Баска.

– Поясни, напарница – попросил я, вползая на выступ и с облегчением вытягивая ноги – А я пока раны проверю.

– Да что пояснять? Услышала как-то разговор за соседним столике – в нашем клуксе. Они говорили, что каждый в группе экипировать себя должен сам. Штаны там, ботинки или хотя бы кеды. Вооружаться тоже сам. И что, если группу уважаешь, должен хотя бы шило купить самое дешевое – за пять солов. Ну или стержень для дубинки – он еще дешевле. Вот такой – девушка указала на торчащие из дубины стержни испившие крови.

– Протри – попросил я, кивая на валяющиеся рядом грязные майки.

– О! Точно!

Она взялась приводить оружие в порядок, а я добавил:

– Каждый экипируется сам – это бред. В какой-нибудь компьютерной игре это наверняка сработает. Но здесь не игра. Мы группа, наша жизнь зависит друг от друга, от наших действий, от наших умений, от наличия и состояния оружия и экипировки. Если у тебя нет дубинки, а мы идем в опасные места – это нормально?

– Нет, но… так говорили…

– Пусть говорят и делают что хотят. У нас своя группа. И основные правила здесь устанавливаю я. Дополнительные правила – обсуждаем сообща. Ясно?

– Ясно.

– Баск. Ты слышишь, я вижу. Ясно?

– Ясно…

– Возражения?

– Нет.

– Нет.

– Отлично. Вот вам сразу одно правило.

– Первое?

– Нет. Просто одно из основных.

– Ага…

Глянув на компаньонов, озвучил правило:

– За элементами своей одежды, экипировки, оружия и прочих вещей каждый из группы должен следить сам. Следить тщательно. Беглый осмотр утром. Беглый осмотр во время любого перерыва, длящегося дольше десяти минут. Обязательный и тщательный осмотр и проверка каждой вещи вечером перед сном. Если разорвана майка – дырка латается! Погнуто, затупилось шильное жало – выпрямляется, точится. Отошла чуть подошва на кедах – клеится немедленно! Каждый элемент должен быть в полном порядке!

– Элемент… – повторила Йорка и покрутила головой – Ну и словечко…

– Йорка!

– Да я поняла! И впитала – а старое и неправильное уже выпитала. Буду следить.

– Еще одно правило – личные вещи покупаете на свои заработки. Но либо покупайте два разных комплекта – для работы и отдыха – либо один, но такой как у меня.

– С обновкой!

– Спасибо. По вашим личным вещам требования у меня простые – у каждого должны быть носки на ногах! Обувь на босу ногу – бред! Сгодится разве что по кляксе погулять. Для долгих переходов этот вариант не катит. Да к чему объяснять очевидное – сами же понимаете. Поэтому просто перечислю то, что у каждого должно быть с собой из важной мелочевки на первое время. Начнем с рюкзака. Вот такой как у меня на первое время сгодится. В нем чтобы у каждого была запасная пара белья, две пары носков – покосившись на внимающую Йорку, добавил – Небольшой запас личных средств гигиены. Все перечисленное чтобы было у каждого к сегодняшнему вечеру.

Тут дернулся даже зомби Баск, вяло шевельнул рукой. Сказать он ничего не успел – я успокаивающе добавил:

– А сделать так, чтобы вы могли позволить себе такую покупку – моя забота как лидера. Ясно?

– Ясно.

– Ясно.

– Идем дальше. На мне вся медицинская шелуха. Покупка лекарств, бодрящих и восстанавливающих средств. И само собой вся необходимая медицинская помощь в случае чего. Сегодня

пришили руку Йорке. Следом вернем глаза Баску. И никаких споров, и обсуждений! Экипировка и вооружение – тоже на мне. Это прямая обязанность лидера – достойно снарядить членов своей команды. А мы команда! И никак иначе! И снова – никаких споров и обсуждений. Просто принять как факт. Ясно?

– Ясно.

– Ясно.

– А теперь к моим ожиданием. Чего я жду от вас как от команды? Йорка?

– Ну…

– Баск?

– Выполнения приказов? Ты лидер.

– Верно! Я жду четкого и моментального выполнения приказов. Не потому, что я самовлюбленный самодур обожающий власть. Нет. Просто любое промедление и попытка осмысления полученного приказа перед тем, как начать его выполнять может привести к нашей гибели! Обсудить можно позднее – в безопасности, сидя за столиком в кляксе. Я сказал – вы сделали! Только так! Ясно? Отвечать обязательно. И без вялости в ответе!

– Ясно!

– Ясно!

– Хорошо. И главное мое требование к каждому из вас – это верность. Вот что самое главное в группе. Этого же вы должны ожидать и от меня – верности. Каждый из нас должен быть уверен, что может полностью доверять каждому члену команды – как любую тайну, так и свою жизнь. Только что один из двоих бросил напарника и убежал. За это ему сердце из груди вживую вырезать надо! И вырезать причем без анестезии и через задницу! Верность – это главное! Мы команда. Мы семья! Я никогда не брошу никого из вас! Придется – нырну в яму с кислотой ради любого из вас. Нырну без раздумий! И этого же я жду от вас! Ясно?

– Ясно – Йорка ожесточенно затерла глаза ладонью – Ясно… тупой ты гоблин… осторожней со словами! Сердце ведь расплавиться может от таких слов! Дурак!

– Ясно… – медленно кивнул Баск – Я… я не предам. Никогда!

– Вот и отлично – улыбнулся я, помня о слепоте зомби Баска и добавив в голос побольше эмоций – Отдохнули, поболтали – и хватит! Принимайте первые подарки. Беречь их не надо! Используйте!

Открыв сначала поясную сумку, а затем рюкзак, каждому вручил по паре перчаток и по две таблетки «шизы». Пока они осматривали – или ощупывали – подарки, вспомнив, добавил:

– Наш рабочий цвет – черный! В свободное время хоть в

розовых лосинах ходите оба. В рабочее – черный! Не найдется черный – берем серый. И только эти два цвета, гоблины! Черный и серый! Теперь по делам – Баск, тебе пока сидеть на выступе. Рана в животе – не шутка. К вечеру затащим тебя в душ, а пока пей «шизу» и отдыхай. В медблоке тебе что-нибудь сказали?

– Велели лежать шесть часов – ответил зомби – На спине. Первые три часа воздерживаться от питья, потом небольшими глотками. Через шесть часов порекомендовали вколоть дополнительное восстанавливающее лекарство стоимостью в два сола.

– Вколешь – кивнул я – Солы сброшу на банкомат. Получишь позже.

– Да я сам!

– Забыл?

– Помню…

– Отлично. Засекай время, отдыхай, жди медблока. Мы с Йоркой займемся выполнением задания. Иногда будем подбегать, спрашивать о самочувствии. Но специально не жди – лучше поспи. Во сне заживает быстрее.

– Вы работаете, а я лежу…

– Ага. Мы команда. Кто-то не может – другие делают за него работу – спокойно ответил я – Так у нас заведено и это правильно. Йорка, двурукая ты моя, готова?

– Йес! Дубинку брать?

– Обязательно! На пояс. И готовься – ждет тебя сегодня индивидуальное задание.

– Какое?

– О задании – после задания! Вперед!

– Оди… расскажи… Оди!

– Пошли маркировку освежать, гоблин Йорка. Нам пахать и пахать…

Ковыляя за Йоркой к химпоту 14Б не забыл перевести на счет зомби Баска два сола. Лидер сказал – лидер сделал.

А едва перевел два сола, наткнулся взглядом на смутно знакомую харю, чешущую в пузе. Опознал быстро – тот самый олень с тремя четверками на шкуре. Орк, что правильно считает себя слабаком и хранит бутылку с водой между потными ляжками. Торгспот был рядом и я без малейших раздумий потратил еще два сола на воду. Вручил прохладные бутылки удивленно вылупившемуся на меня орку с оленьей душой.

– Долг вернул.

– С-спасибо… ого…

– Помни – будут проблемы, обращайся. И если вдруг какая-то падла решит забрать твою воду – скажи, что тебе ее дал гоблин

Оди с двойной единицей на плече.

– Скажу! Все уже знают про тебя, Оди! И про жирного Джонни!

Махнув ему рукой на прощание, пошлепал за Йоркой, уже суетящейся около очередного безликого пристенного ящика. По пути допер о своей ошибке – Баску нет особого смысла получать переведенные мною солы. Проценты системы сожрут эту сумму.

Баланс: 0.

Задание: Обработка маркировки. (Групповое).

Описание: Специальными губками, полученными из химпота 14Б (КЛУКС-17) обработать маркировку стен и полов в прилегающих коридорах с 1 по 12.

Место выполнения: Прилегающие к КЛУКСУ-17 коридоры с 1 по 12.

Время выполнения: До вечернего сигнала окончания работ.

Награда: 30 солов.

Глава девятая

Задание мы с Йоркой выполнили за три часа ударного труда.

Труда ударного, но умного. Просто так не бродили, заранее определили откуда начнем – с самых дальних коридоров, распределили работы. Я действовал сразу двумя губками. Йорка носилась по коридорам, меняя покрасневшие плотные губки на зеленые.

Технологии поражали. Под обработкой маркировки, а к ней относились любые надписи и цифры на стенах и полу, имелась в виду протирание специальной губкой. Но это не очищение от грязи – хотя она тоже отходила моментально. Тут суть была в другом – стоило пройтись губкой по потускневшей от времени и невзгод зеленой стрелке, указывающей на КЛУКС-17, и она тут же становилась как новая. Не чистой – новой! Краска освежалась, начинала блестеть, указатель становился первозданно ярким, заметным издалека. Получается, губка заменяла собой и кисточку, и краску, и универсальный трафарет при этом действуя на любой цвет, не пачкая руки и не оставляя следов на поверхности, где не имелось маркировки. Это потрясающе.

А еще это в меру легкая работенка позволяющая сохранить силы.

Три часа – и каждому из нас на баланс легли честно заработанные деньги.

Баланс: 10.

От сердца отлегло. Мы вернулись к стенному выступу, и я сразу же отправил Йорку за покупками, велев не забывать оглядываться и помнить про дубинку на поясе.

Тут как раз подошло время Баску отправляться за дополнительным уколом. Тревожить его раны не хотелось, так что я поймал пробегающего мимо орка, добро улыбнулся ему и попросил проявиться самаритянские чувства. Орк перед моей улыбкой не устоял и помог загрузить Баска в медблок, а затем и оттащить его обратно на стенной выступ. После чего помощник потряс мою руку в крепком рукопожатии и спросил разрешения использовать мое имя в качестве отпугивателя мелких гриферов. Мое согласие он получил – но только в обмен на еще одну услугу. На этот раз мы бережно оттащили Баска за едой и водой. Следом обед получил и я – и он снова оказался бесплатным. Так еще и укол бесплатный добавили. С коротким пояснением «лекарство». Система балует! Но и мы систему не подводим, усердно выполняя

ее задания и делая даже сверх ее ожиданий. Орк-помощник оставил нас, вальяжно отправившись на обед.

Бак поведал, что система вколола ему два укола – и только один из них платный, потому что особый восстановительный. Система же разрешила питаться и пить в нормальном режиме, посоветовав ограничивать себя в движениях.

Ограничивать. Но не избегать движений.

Для меня это стало радостной вестью – как раз появилась новая внезапная задача и для ее выполнения весьма желательно присутствие всех членов команды.

Вернувшаяся Йорка продемонстрировала такой же как у меня рюкзак и заверила, что у в нем присутствуют носки, белье и средства личной гигиены. И намекнула, что не так-то и часто нужны эти самые средства личной гигиены – если речь о женских интимных мелочах. Требуются не чаще одной недели в полгода.

Такое вот внезапное открытие я для себя сделал. Хотя для группы это идеально – не все женщины легко переносят свои особые дни. Для некоторых это кошмарная неделя, наполненная болью и раздражением. Интересно откуда я это знаю? Понятия не имею.

Поблагодарив Йорку за примерное выполнение поставленной задачи, поднял их на ноги и, осторожненько, вдоль стеночки, повел за собой по магистральному коридору. Первые шагов тридцать прислушивался к гомону спешащих куда-то гоблинов, но затем вслушиваться перестал – уже было ни к чему. На одной из скамеек стоял орущий и размахивающий руками гоблин, пересказывающий главную новость дня.

Жмурика на скамейке отыскали.

Не назывались имена и номера, но по описанию ясно, что мечтающий о любви труп отыскали его подраненные друганы щеголяющие свежими пластырями и медицинским клеем. Им же обломилось похоронное задание. Ну да – они же ближе всех были.

А вот детективное задание от системы получили другие личности – группа из трех неплохо одетых мрачных полурослико в. И эти самые полурослики после краткого расследования решили, что имела место драка между тремя друзьями, в процессе которой все трое получили ранения различной тяжести, причем одно ранение оказалось фатальным. Помершего приятеля подранки уложили на скамейку, сами отправились получить медицинскую помощь, а через какое-то время якобы обнаружили мертвого друга и подняли тревогу. Такая вот рабочая теория была выдвинута.

Обвиненные завопили о своей полной непричастности к кровавому убийству. Полурослики чуть надавили и

подозреваемые согласились всецело сотрудничать – кое началось с обыска обвиняемых. Во время обыска в кармане одного из обвиняемых была найдена главная вещественная улика, тут же продемонстрированная собравшейся толпе, в которой находился и орущий сейчас посреди коридора гоблин-говорун.

Что за улика?

Эти придурки даже не подумали избавиться от яркой цветастой рукояти стеклянного ножа! Она отыскалась в кармане раненного в плечо идиота. А сам стеклянный клинок – уникальное оружие, как со вкусом произнес главный из троицы полурослико в – находился в сердце безвинно убиенного бедолаги.

Вина доказана! Двое убили одного стеклянным ножом! Их тут же схватили, один попытался бежать и был безжалостно и умело сбит с ног, после чего спеленат веревкой – туго и столь же умело. Полурослик, глядя на чертовых убийц, сказал, что будет проверена связь этого преступления с недавним тройным убийством, где так же фигурировало некое режущее оружие, оставившее стеклянные фрагменты в глубоких ранах. Воющих убийц подняли и потащили на правосудие Матери! А Материнский суд всегда строг и справедлив! Строг и справедлив!

И кое-что еще!

Гоблин-говорун понизил голос, умело нагнетая атмосферу.

Когда их волокли, они выкрикивали имя якобы настоящего убийцы! Истинного убийцы что подставил их! И это имя!

Тут гоблин-говорун наткнулся взглядом на нас – троицу в черных футболках приткнувшуюся у стены – и осекся, не сводя с меня единственного глаза. Удивленная толпа загомонила, орки и гоблины начали оборачиваться, чтобы увидеть причину внезапного «залипания» рассказчика кровавой истории. Широко всем улыбнувшись, попросил стоящих на пути подвинуться, и мы продолжили свой путь, двигаясь в мертвой тишине.

– Это как? – затрясла меня за плечо Йорка – М? М? Как? Как у него в карманах отыскалась отломанная рукоять стеклянного ножа?

– Это же гоблин – пожал я плечами – Они вечно что-нибудь подбирают и прячут по своим кармашкам.

Неспешно, но размеренно шагающий зомби Баск молчал и тихо улыбался. Я тоже улыбался, думая о ярком стеклянном ноже с эльфийским цветком на лезвии. Вот уж поистине настоящий артефакт – даже сломанный, он сумел напоследок укусить еще разок.

– И ведь, наверное, никаких отпечатков на рукояти? – нарушил молчание Баск.

– Понятия не имею – снова пожал я плечами – Но наших-то

там точно не сыскать – мы ведь не при делах.

– Точно.

– Точно – согласился я и мы засмеялись.

– Придурки! – буркнула Йорка – Лопнуть и сдохнуть!

* * *

Мы получили еще одно дополнительное производственное задание. Одиннадцатая зона, девятый блок. Задание небольшое, копеечное. Видимо сыграло свою роль послеобеденное время – до вечернего сигнала окончания работ не так уж и много осталось часов. Но дело должно двигаться, и система выбрала нейтральный вариант – и нам и вам, так сказать. Что ж – я не был против.

> Дополнительное групповое задание? (с поощрением (Р)).
>
> **Да. Нет.**
>
> **Задание: Подать двадцать блоков в приемные отверстия рядов А.** (Групповое).
>
> **Описание**: Вставить до упора двадцать блоков в открытые приемные отверстия указанных рядов.
>
> **Место выполнения**: Зона 11, блок 9.
>
> **Время выполнения**: До вечернего сигнала окончания работ.
>
> **Награда**: 15 солов.
>
> **Поощрение**: игровой вызов любому члену группы.

Награда, конечно, печалила. Всего по пять солов на гоблина. Рабочая норма и оплата одиночки «размазанная» на всю группу. А шагать пришлось три километра, пройдя пару дорог, одну тропу и две тропки. Последняя, по словам Баска, являлась тропой смерти, где полусфера появлялась раз в час, проносясь за тридцать секунд. Остальные пятьдесят девять минут и тридцать секунд делай что хочешь – грабь, убивай, насилуй. Есть безопасный маршрут, но он длиннее на полтора километра. Я предпочел пойти коротким.

Стоит ли такая дорога пяти солов? Однозначно да. Это ведь наличка – в здешнем понимании. Я могу потратить ее на кое-какую одежду, купить еще одно короткое шило, а может взять воды и пищевых брикетов. К тому же чем нам еще заняться? Других заданий не предлагают. Остаток дня проваляться на теплых скамейках подобно тюленям? И не стоит забывать о главном бонусе – игровом вызове любому члену группы. В

прошлый раз я сорвал неплохой куш. Но даже если выпадет игра в крестики-нолики – это тоже деньги.

Мы бы обошлись в задании и без Баска. Но оставлять его в одиночестве не хотел. Слепой и раненый – тяжелое сочетание. Плюс под лекарствами, что как-то, но влияют на мозги, делая их ватными и туповатыми. Да еще эта новая шумиха с очередным трупом. Баска уже заприметили в нашей компании. Одно дело я. А если те три мрачных полурослика явятся к ослабленному слепому и начнут на него давить? Они ведь не в курсе, что он ничего не знает. Запихнуть зомби в капсулу и пусть спит – думал над этим, но Баск опередил меня, заявив, что лежать не хочет и чувствует себя неплохо. Волноваться не о чем – система латает на совесть. Так вот все и сложилось.

Короткую тропу смерти миновали без проблем. Когда до цели осталось пятьсот метров, я разрешил напарнице прервать упражнения. Йорка подчинилась с превеликим удовольствием, не скрывая облегчения. Понимаю ее – упражнение не из легких. Я заставил ее тренироваться на ходу. Тренироваться начальному обращению с дубинкой. Это оружие крепилось за ремень поясной сумки этаким не слишком удобным крючком, что вполне мог зацепиться при неправильном рывке. Поэтому я этот крючок сломал пополам, оставив короткий шпенек. Его вполне хватало, чтобы удерживать дубинку на ремне, и он точно не мог зацепиться. После чего Йорка принялась через каждый десятый шаг срывать с ремня дубинку, вздымать и наносить сильный вертикально направленный удар. Я органически не переваривал этот размашистый и такой предсказуемый удар. Но я помнил, как легко и непринужденно охранники Соплей прибили к полу плуксов. Против мелочи удар идеален – пробивает, нанося серьезное ранение шипами, следом за шипами бьет сама дубина, дробя хребет, плукс оказывается пришпилен к дубине, удерживая кою, можно удержать на месте и опасную тварь. Так что – маши дубиной, гоблин, маши дубиной! Первые четверть часа – на каждом десятом шагу. Остаток пути – на каждом двадцатом шагу. Дубинкой пользоваться исключительно одной рукой. Второй даже не касаться.

Шаги отсчитывал Баск, произнося цифры монотонным четким голосом. Он же служил живым атласом Окраин, подсказывая, где лучше свернуть, куда лучше не соваться, где самые опасные сумрачные тропы. Я внимал, впитывал, не забывая подправлять движения Йорки. Так и дошли до нужной зоны и блока.

Рабочее место не впечатлило – нет такого размаха как в том огромном зале с высоченным потолком. Мы оказались в небольшом помещении с едва заметным округлым возвышением,

из которого поднимались знакомые стальные контейнеры. По длинной стене одинокий ряд квадратных отверстий. Подчеркивая важность процесса и контейнеров, под потолком катается крохотная, но всевидящая полусфера системы. В углу отдыхает четверка работяг. Ну как отдыхает – вроде бы режутся в карты, слышны азартные голоса. Видимо смену отработали.

А нам еще работать. Но… двадцать контейнеров на двоих? Ерунда! Мы справились быстро, не затратив много сил. Я оттащил восемь стальных кубов. Йорка двенадцать. Баск отдыхал, опять прикрыв изуродованное лицо бейсболкой. Зато он ожил, когда мы уже покидали зал и сообщил интереснейшую информацию – мы всего-то метрах в трехстах от Вкусного Плукса – жральни Соплей. Там же находится мастерская, но туда посторонних не пускают. Путь к Вкусному Плуксу идет коротким темным переулком начинающимся за вторым выходм и зала, а потом следует светлой безопасной дорожкой, где есть стенные выступы для отдыха, несколько экранов, стоит десяток разных торговых автоматов, имеется банкомат. Все условия для вышедших на небольшую прогулку цивилизованных и обеспеченных гоблинов. Баск рассказал это просто для инфы – старался быть полезным – но я решительно сменил курс и отправился поглазеть на бизнес-оплот здешнего капитализма. Видимо Сопли не только сопли жуют. Дело делают.

Баланс: 15.

* * *

Темной тропкой мы прошли быстро. И оказались на стыке шести дорог и тропинок. На входе в нужный нам коридор стояло четыре охранника в уже знакомой мне экипировке. Четыре мускулистых громилы одним своим видом говорили – не беспокойтесь, уважаемые посетители, мы позаботимся о вашей безопасности. Проходите, отдыхайте. А над входом, над головами охранников, очень реалистично нарисован серый плукс с намалеванным на холке красным потекшим смайлом. Будто кровью плеснули, и она вот так вот легла артистично. Ниже надпись разноцветными буквами: «Веселый Плукс». Я пялился с нескрываемым интересом, в открытую изучив вывеску, охранников и их экипировку.

Почему система не стирает вроде как неположенную надпись и рисунок? Выдать задание паре гоблинов, припрутся сюда с зелеными губками и… Но мне как-то пофиг. Мне интересно как

тут все устроено.

Едва подошли поближе, началось что-то интересное – из коридора выпнули охающего однорукого гоблина. Отряхнувший руки амбал смерил меня взглядом и вернулся в коридор. Лежащий ничком гоблин горько прохныкал:

– А мяска так хо-о-о-очется…

Еще пара шагов и мы оказались внутри. В широком двухсотметровом коридоре тусовалось не меньше ста гоблинов, орков и полурослико в. Чинно сидели на теплых выступах, общались, играли в карты и бросали игральные кости. Тут ничего прямо этакого нового нет. Вон и полусфера катается по рельсу, подтверждая статус коридора – светлый и безопасный.

А вот что действительно необычно – перед расположившимися на стенных выступах посетителями стоят тарелки, стаканы, имеются столовые приборы. А запах… смешанный запах настоящего мяса – жареного и вареного – едва не сбил меня с ног, сквозь расширившиеся ноздри ворвался мне прямо в мозг, попутно выбив ногой дверь ведущую в душу и взорвался там фейерверком соблазнительнейших ароматов. Это нокаут… я едва не заскулил как-тот выпнутый гоблин:

– А мяска так хо-о-о-очется…

Гулко сглотнул Баск. Прерывисто вздохнула Йорка. Всех нокаутировало. Присесть бы на один из выступов – так ведь нельзя без весомого повода, вон ходит улыбчивая девушка в синем длинном фартуке, подходя к сидящим и что-то спрашивая или предлагая. А вон еще пятеро в синих фартуках с желтыми пламенными эмблемами. Тут присаживаются те, кто готов потратиться на еду. И вряд ли это дешево. Садиться без повода и потом бодаться сначала с официантами, а следом с вышибалами… это глупо.

Место впечатляет. Это уже уровень, ребятки. Это прямо неплохой уровень. Мы попали в настоящее заведение. Есть официанты. Есть вышибалы. Как такие места называют в играх? Трактиры? Таверны? Харчевни? Ах да… здесь это место именуют короче – жральня, жраловка. Только гоблины и могли такое придумать.

Жраловка Веселый Плукс.

В глубине коридора виден банкомат, рядом сидит скучающий безрукий одноногий парень, что сразу приковывает к себе взгляд – золотая кудрявая шевелюра, синие-синие глаза, белоснежная улыбка. К банкомату один за другим подходят сделавшие заказ, перебрасываются с парнем парой слов, проводят операции. Вот как здесь расплачиваются за угощение.

Но как же пахнет… просто с ума сойти.

Память у меня блокирована, ведь я добровольный низушек гоблин Оди, но кое-что новое о себе узнал – я точно не вегетарианец. У меня челюсти сводит от желания впиться в шмат не слишком прожаренного мяса. Впиться так, чтобы жирный мясной сок брызнул на руки и лицо. Впиться, оторвать кусок, быстро пережевать и придавить это шикарное мясное месиво к нёбу, выдавливая на язык изобилие сока… Кажется я сейчас сознание потеряю…

– А мяска так хо-о-о-о-чется… – вздохнул Баск и, тут же застеснявшись, повернулся к выходу.

– Ты куда? – удивился я.

– Денег то нету, гоблин – потупившись, шепотом поведала мне Йорка – Пойдем потихоньку. Не привлекая внимания…

– Ну нет у нас денег. И что? – буркнул я – Посмотреть нельзя что ли?

– Да тише ты…

– Вон там свободно. И нас уже зовут.

– Ты чего? Не надо! Кто зовет?

– Экран – улыбнулся я – А это святое.

Расположенный над выступом экран высветил наши позывные, предлагая воспользоваться поощрением.

«Игровой вызов!».
Один раунд.
Морской бой.
Выбрать номер:…

– Кто желает сразиться в Морской бой? – глянул я на боевых друзей.

Йорка состроила гримасу и отрицательно помотала головой.

– Я бы хотел… – робко произнес Баск.

– Вперед – не раздумывая, сказал я – Топи врагов, зомби!

– Топи врагов! – поддержала меня Йорка, мягко ткнув Баска в плечо.

Они уселись перед экраном. Многие из присутствующих тоже сменили позицию – интересно ведь поглазеть. Я же уселся так, чтобы оставаться рядом с проходом. Вытянул ноги. Прислушался к ощущениям. Раны дергает. Но боль… хорошая… просто растревожил я ноги лишними нагрузками.

– Добрый день.

Я едва не ослеп от ее невероятной сердечной улыбки. Подошедшая девушка официант мило хлопала глазками, поправляя рукой закрученный светлый локон. На ее лице следы косметики? Или мне чудится от потрясения всякое? Да и одета весьма и весьма – белоснежные шлепки, штаны, футболка, платок

на голове и синий фартук с пламенной эмблемой. Настоящая униформа?

– Вам подать меню сейчас? Или чуть позже?

Умница девочка. Дает мне шанс поменять решение. Скажу «чуть позже» – и она отойдет минут на десять. Этого более чем хватит, чтобы неспеша, не теряя лица, спокойно покинуть дорогое заведение, куда заглянул можно сказать случайно, поддавшись импульсивному порыву.

Но я этим шансом пользоваться не стал. Качнул головой на поглощенных битвой напарников, пояснил:

– Заказа не будет. Мы с работы. Чисто глянуть зашли, как богатые живут. А тут вызов. Закончим – и пойдем.

– Удачной игры – мне подарили еще одну милую улыбку, что ничуть не потускнела, когда ее обладательница узнала, что мы не собираемся тратить здесь солы.

Еще пара плюсов в твою копилку, девочка умница.

– Им три больших компота за мой счет.

– Конечно – чуть присела официантка и удалилась.

Книксен? Это был книксен? Где я? Это точно Окраина?

– Спасибо – не стал спорить я, благодарно улыбнувшись подошедшей старой знакомой. Короткая стрижка, карие глаза, левая щека исполосована шрамами, на бейсболке цифра «299» – Отдых продолжается? Захотелось мясного?

– Само собой! Белок! Жиры! Ну и сладкого на десерт – как не побаловать себя? Твой день как прошел?

– В работе – ответил я – Только вот закончили.

– Ого. Вы сегодня еще и работали. Я-то как увидела здесь, подумала, что празднуете победу в бою. А тут вон как. Да вы трудяги. Ладно, не буду мешать.

– Есть минутка? Пару вопросов бы задать. Общеобразовательных.

– Разве что минутка – ослепительно улыбнулась кареглазая – Я тут кое-кого жду… ну ты понимаешь…

– Я быстрый парень – заверил я ее.

– Пошли.

– Ты отличаешься от них как плукс от червя – сообщила мне она, едва мы опустились на соседний стенной выступ.

– Думаешь?

– Чувствуется. Прет от тебя этаким… а от них нет.

– Это пока – улыбнулся я.

– Думаешь? Стоит ли время тратить, убийца львов?

– Не понимаю, о чем ты.

– И сегодня про тебя опять слушки ползли удивительные. Слушай… хочешь переговорю насчет тебя с парой наших

бригадных?

– С Морисом, например? – проявил я осведомленность.

– О… знакомы?

– Бурлачили на него – усмехнулся я – Спасибо, двести… как к тебе лучше обращаться?

– Энгри.

– Энгри – чуть удивленно кивнул я – Еще раз приятно познакомиться. Я Оди. Приветствую со всеми церемониями. Можно спрашивать? А то минутка тикает…

– Давай.

– Где качаешься? Что пьешь и ешь?

– Решил набрать форму?

– Верно.

– Туда тебя не пустят – в нашу бригадную качалку. Она в одной из наших «игл».

– Грустно… питаешься чем?

– Тут стандартно. Шесть раз в день пищевые брикеты, изотоники, хотя бы два раза в неделю ем мясо – больше вареное. Ну и раз в неделю покупаю особые инъекции.

– Какие?

– Тут нужен статус. Как получишь – система сама предложит.

– И что за статус?

– Минималка – боевой полурослик. Но не кадет. Солдат. Сам понимаешь – система заботится о тех, кто выполняет самые опасные задания.

– Ясно. И что за инъекция? Массу дает?

– Нет. Разве что немного. Это не стероиды. Но действие в чем-то схоже. Повышается выносливость, сила, быстрее восстановление после тренировок. Система сама пояснит, когда предложит. Я советую.

– Спасибо.

– Еще что?

– Мясо здесь дорогое?

– В среднем… Обычный ростбиф из серого плукса обойдется в двадцатку. Вкусно. И гарантия нашей бригады.

Вот это цены… сюда нувориши одни ходят?

– Можно за десятку получить порцию костей с неплохими кусками мяса. Есть что поглодать, вполне хватит, чтобы побаловать вкусовые сосочки.

– Уже приемлемей. А что за гарантия?

– Бригада гарантирует – здесь ты получишь свежее мясо, а не тухлятину. И это будет именно мясо плукса.

– А какие еще варианты? – удивился я.

– Свинина – коротко ответила Энгри.

– Свинина?! Реально? Здесь есть? И почему это плохо?

– В смысле – червятина. Ее свининой называют.

– А? Червятина? Не видел здесь насекомы… стоп! Ох ты… Ты серьезно?

– Более чем. Не вздумай покупать уже разделанное мясо у малознакомых. Да даже у хорошо знакомых разделанное нарезанное мясо не бери – не угадаешь, что за вырезку тебе предлагают. С ляжки плукса или с ягодицы червя…

– Твою мать… – искренне произнес я.

– Поддерживаю. Но такова здешняя сучья жизнь. А черви пропадают частенько. Даже из клуксов. Пропадают бесследно и попробуй потом угадай – сдохли они от голода и их буднично оттащили в медблок на утилизацию, либо же этим обрубкам кто-то заткнул кляпами рты и сумрачными тропами утащил туда, где можно уже не бояться надзора Матери. Хорошо зная дороги и тропки можно незаметно пройти сумрачными путям так, что ни разу не попадаешься на чужие глаза.

– Встречные гоблины, орки?

– Это делается ночью. Пусти впереди разведчика – и проблем не возникнет.

– Это реально? Или домыслы?

– Черви бесследно пропадают. Порой это же случается с зомби. Два раза какая-то несуществующая бригада забирала с перекрестка пяток зомби-доходяг и о них больше никто не слышал. Оди… ты просто не покупай разделанное мясо. Подкопи денег и приди сюда – здесь тебе за десять солов дадут три-четыре мясные кости и наслаждайся себе. Либо, если повезет еще раз убить плукса, поспрашивай, где можно его приготовить – и пожарь себе сам. Хотя проще притащить тушку сюда – за свежак тебе отрежут хороший кусок, пожарят и подадут со всеми почестями. Скажешь мое имя – пожарят как следует.

– Понял. Спасибо. Хм…

– Спрашивай.

– Минута еще тикает?

– Мое вечернее развлечение опаздывает – вздохнула Энгри – Так что спрашивай.

– Червей куда утаскивают? В темное местечко, где можно без помех разделать?

– Не отбить бы аппетит – поморщилась девушка – И чего сразу разделывать? Сам подумай – черви все тощие. Они ведь доходяги, едва выживают. Сначала надо что?

– Что?

– Будь хозяйственным, Оди. Кто купит жилистое мясо? И самому жрать не захочется. Все хотят сладкого жирка. Поэтому

украденную скотинку надо сначала откормить.

– Тьфу…

– Ага. Еще хочешь жареного мяса?

– Хочу.

– Так и быть – вздохнула Энгри – Ты необычный и забавный парень. Угощаю…

Подавшись вперед, я успел накрыть ее ладонь своей, не дав поднять руку. Улыбнулся:

– Спасибо. Но нет. Мы заработаем солов – и сами купим себе мяса. И тебя буду рад угостить.

Смерив меня задумчивым взглядом, не спеша освобождать ладонь, Энгри медленно кивнула:

– Верю.

Убрав руку, спросил:

– И где откармливают?

– Тут уже одни слухи. Гоблины болтают – эхо носит. Но вариантов мало. Зловонка, Стылая Клоака. И там и там нет надзора Матери. Там царит вечный сумрак, Оди. Сплошная гребаная сумеречная зона. Там каждый коридор – тропа смерти. И поэтому туда не суются.

– То есть там живут?

– В Зловонке? Еще как живут. Если бульканье в дерьме можно назвать жизнью.

– Гоблины, орки?

– У них свои прозвища. Меткие. На Зловонке – дерьмоеды. Но если встретишься вдруг с кем из них, знай – себя они называют болотниками. Назовешь дерьмоедом – будет драка. А подраться они любят и умеют.

– Ага. Болотники… и почему? Догадки уже есть кое-какие, но…

– Все из старичков знают. Зловонка – бывший рабочий узел Дренажтауна. Вокруг него таких узлов шесть штук. Как лепестки навозного цветка идут кругом вокруг верхнего квартала. По сути – это гребаные сплетения сотен труб. И каждая труба – с дерьмом. Буквально.

– С чьим?

– С эльфийским! – фыркнула Энгри – Что за вопрос? Все дерьмо мира стекается в Дренажтаун.

– Прямо все? – недоверчиво прищурился я.

– Ну ты и гоблин! Выражение просто такое. Хотя может и правдивое. А так – все стоки ведут в Мутноводье и там фильтруются. Раньше и Зловонка исправно давала свою порцию вонючих отходов. Но однажды там случилась очень крупная авария. Лет двадцать назад вроде как. И авария была крайне

серьезной. Куча сложнейшего оборудования вышла из строя. Все было так плохо, что Мать решила не тратить время на ремонт и, демонтировав силами гоблинов и орков остатки важной техники, оставила разрушенный узел как есть.

– Так все плохо?

– Я была там однажды. Не внутри. У входа. Но видела перекрученные и раздавленные толстенные трубы, вдавленные и вспученные стены, остовы разбитого оборудования – насосы и все такое. Мать мудра – там нечего было восстанавливать. Всю нагрузку перевели на оставшиеся пять узлов. А шестой… там самотеком продолжает сочиться дерьмо из дыр. Разлилось неглубокое болото – оно медленно стекает в построенный желоб тянущийся в Дренажтаун. Так вот появилась Зловонка. И вот там, как мне чудится, свининку и откармливают перед убоем. В тот единственный раз, когда стояла у входа, прикрывая наших, чудились мне доносящиеся из вонючей темноты жалобные крики… Года три назад боевое звено наткнулось на плывущего по сточному желобу жирного тяжелораненого червя. Они вытащили его. Он вскоре умер у них на руках, истекая говном вперемешку с кровью. И не сумел сказать ни слова – у него был вырезан язык. И выколоты глаза. И отрезаны яйца. О! Вот и мое вечернее развлечение. Освобождай место, гоблин.

– Спасибо – кивнул я, сползая с выступа.

– Не суйся в такие места. Сиди на Окраине. Тут куда безопасней – поверь мне.

– Верю. А Стылая Клоака?

– Про нее даже не вспоминай. Гиблое место.

– Ясно. Еще раз спасибо, Энгри.

– Да не за что. Все мы были новичками. Не забывай постоянно мониторить раздел заданий – система кадетов о допах не предупреждает.

Пропустив улыбающегося Энгри широкоплечего накачанного мужика чуть постарше меня, вернулся к своей команде. Назад не обернулся – зачем пялиться на чужую романтику?

Команда вовсю резалась в Морской бой, попивала компот и во всю костеря какую-то подлую подлодку. Другие посетители Веселого Плукса не отрывали глаз от экранов, но не забывали отдавать дань жареному мясу.

Свинина…

Мать вашу…

У меня воображение четкое, направленное, лишь слегка «размытое», я держу его под контролем, не разрешая устремляться вскачь. Но в этот раз я позволил себе дать воображению волю. И тут же перед глазами развернулась мерзкая

яркая картинка.

Я будто воочию увидел, как посреди ночи на приткнувшегося в уголке тощего обрубыша-червя падает несколько зловещих теней, как умелые руки запечатывают червю рот или вырубают его умелым ударом по голове. Подхватывают обмякшую жертву и за десяток секунд выносят на сумрачную тропку. Умело меняя дорожки, избегая взгляда системы, приносят его к Зловонке. Хлюпая по вонючей жиже, тащат пленника все дальше и дальше в глубины заброшенного аварийного узла. И вот там, где нет полусферы, где нет обычных работяг гоблинов и орков, с червя сдирают одежду, разжимают ему челюсти и обрезают воющему бедолаге язык, тем самым окончательно лишая его звания разумного существа и превращая в обычную скотину мясной породы. Поочередно выкалывают глаза. Если мужик – отрезают яйца. Лишают источника гормонов? Чтобы меньше проявлял характер и быстрее набирал жирок?

Окровавленного червя бросают в загон или клетку, ставят перед ним миску со жратвой – и вряд ли это что-то вкусное. Не станешь жрать сам – вольют в глотку силком. Так или иначе но ты проглотишь свое пойло, скотина. А потом придет время, когда червь, потерявший волю к жизни, но не думающий и о смерти, просто покорно жрет что дают, а в оставшееся время слепо смотрит в пустоту дырами вырезанных глаз.

Ну а затем неизбежное – набравшую вкусного сладкого жирка скотину пора пускать под нож. Потыкают одобрительно пальцами по заплывшим жиром ребрам и ягодицам, ощупают ляжки, потеребят за складки на спине, не спеша достанут остро отточенный нож и полоснут безразличного ко всему червя по глотке. В сердце бить нельзя – трудно потом слить кровь. Лучше вскрыть сонную артерию. А еще лучше – предварительно воткнуть обреченному крюк в нижнюю часть тела и подвесить тушу. Так и кровь можно аккуратно слить в какую-нибудь посудину. Лучшие куски парной свинины – скорее на продажу! Куски похуже съедят сами свинопасы. А требуху нечищеную от дерьма хорошенько разварить и разлить получившуюся кашу в миски еще отъедающимся червям…

Что-то на душе нехорошо стало.

И сильнее стало убеждение – что-то не так с этим местом. С этим миром. Что-то очень не так. Все должно было быть иначе. Знать бы еще откуда во мне такая твердая уверенность.

Отпил компот, одобрительно хмыкнул – вкусно. Не знаю, что за сырье, вряд ли настоящие фрукты-ягоды, но вкусно и даже сладковато.

Проверять интерфейс…

Статус.
Физическое состояние.
Финансы.
Задания.
Оп-па… Спасибо тебе, Энгри.

Задание: Патруль.

Важные дополнительные детали: Быть на месте не позднее 20:00. По двойному сигналу сменить предыдущий патруль.

Описание: Патрулирование 29-го магистрального коридора с 20-го по 40-вой участки. При обнаружении плунарных ксарлов – уничтожить. При получении системного целеуказания – уничтожить указанную цель.

Место выполнения: 29-ый магистральный коридор с 20-го по 40-вой участки.

Время выполнения: до 22:00, по двойному сигналу сдать смену прибывшему патрулю.

Награда: 45 солов.

Текущее время: 18:38.

Под заданием убывающий таймер. 04:13… 04:12…

На принятие решения осталось меньше пяти минут. Наличие таймера понятно – система явно пытается обеспечить в двадцать девятом магистральном коридоре непрерывный патруль с щадящими двухчасовыми сменами.

Награда – шикарная. Каждому достанется по пятнадцать солов за два часа непыльной работенки. Единственное, что меня смущает – это явно обозначенная опасность наткнуться на стаю бодрых и голодных плуксов. Еще более сильное смущение вызывает упоминание о «системном целеуказании». Как-то стремно под такое подписываться. Но вариантов не предлагают, а времени осталось уже меньше трех минут. Могу принять решение сам, но надо учитывать состояние компаньонов.

Допив компот, отставил бокал и глянул на команду. Оба довольно лыбятся – игровой вызов завершен безоговорочной победой зомби Баска.

– Потопили всех, Оди! – сжала кулаки Йорка – Всех пустили на дно плуксов кормить!

– Утопили – продолжая улыбаться, кивал Баск – Фуф…

– Молодцы! – одобрил я итог вызова – Вот что значит командная работа. Каждый помогает другому, тем самым достигая общей цели. А теперь главный вопрос вечера – как самочувствие? Прежде чем ответите, уточню – система

предложила на два часа заделаться зевающими от скуки патрульными, бродящими в двадцать девятом магистральном коридоре. Потянем? Награда – каждому по пятнадцать солов.

– Отличные деньги! – вздохнула Йорка, разжимая левый кулак и опуская ладонь на шипастую дубину – Отличные деньги…

– Я за!

Зомби ответил слишком поспешно. И ясно почему – он слеп и тяжело ранен. Считает себя обузой для команды и сделает все, что не стать мертвым грузом.

– Баск – наклонился я к нему – Мне нужна правда. И только правда. Как ты себя чувствуешь?

– Боли нет. Уколы могу получить по пути к двадцать девятому магистральному. И ты зайдешь в медблок. Рядом получим ужин, чтобы не с пустым брюхом бродить. Я знаю длинную фэнтези историю! Даже две. В одной про зомби и конец света. А в другой про зомби и сексуальную принцессу. Скучно не будет!

– Круто! Йорка? – глянул я на девушку – Как?

– Я супер!

– Отлично – кивнул я – Задание подтверждаю.

Интерфейс мигнул, зеленый текст с описанием стал ярче, таймер с намеком замигал.

– Выдвигаемся, бойцы – велел я, вставая первым – Нам топать и топать. Сколько топать, кстати?

– До Гиблого Моста-то? – спросил Баск – Да мы считай рядом. Полчаса неспешным шагом. Минут на пять задержимся в медблоке, еще пять уйдет на получение еды. Нам когда там надо быть?

– К восьми вечера.

– Точно успеем.

– Само собой – ответил я.

Разумеется успеваем – система знает где мы. И не выдала бы нам задание, не успевай мы вовремя явиться в нужное место.

– Погоди… а причем тут Гиблый Мост?

– Так из двадцать девятого магистрального выходит магистральный тридцатый – а он метров через двести и упирается в Гиблый Мост.

– Вот как… тогда топаем чуть быстрее, гоблины и зомби. Если успеем прийти пораньше – хочу глянуть на этот мост.

– Зачем?

– Рано или поздно по пути в Дренажтаун нам этого моста не миновать – ответил я – Но про него столько страшилок ходит, что лучше я посмотрю на Гиблый Мост заранее.

– Оттуда и Дренажтаун видно, говорят! – добавила Йорка, последней выходя из Веселого Плукса – И другие красоты.

– И другие красоты?

– Ага!

– Вот и полюбуемся на здешние красоты – подытожил я – Ну что, гоблины? Вкусного мяса нанюхались?

– Ой нанюхались, лопнуть и сдохнуть! – вздохнула девушка.

Баск грустно кивнул.

– А эти богатеи еще так чавкают! – сердито надулась Йорка – Зависть берет! Злость охватывает!

Зомби Баска вздохнул еще горше, нежно погладил себя по громко урчащему израненному животу прикрытому черной футболкой.

Рассмеявшись, ободрил бойцов:

– Значит пищевые брикеты будут вкуснее. Не переживайте – и у нас будет мясо. Много мяса – жирного и вкусного. Двинули! Прямо к Гиблому Мосту, гоблины и зомби! Прямо к Гиблому Мосту!

Команда отозвалась дружным возгласом, и мы зашагали вперед, полагаясь на целеуказания зомби Баска. Я так и не расспросил парня о том, как он потерял глаза – не было подходящего случая. Но вот, кажется, и он – подходящий случай. Время во время патруля тянется невыносимо медленно. Так и хочется скрасить скуку рассказом. Может и Йорка проговорится о том, как потеряла руку.

А себе сделал заметку – поскорее устроить сытный мясной ужин для команды.

Я ведь обещал – у нас будет много жирного и вкусного мяса. Но только не свинины…

Глава десятая

– Непривычно – признался я, стоя на выходе из тридцатого магистрального коридора и с некоторой даже оторопью глядя на открывшийся моему взору… пейзаж… да, самый настоящий индустриальный пейзаж. После тесных коридоров и пусть просторных, но все же залов, оказавшись здесь, я на пару секунд ощутил головокружение.

За нами – привычная теснота коридоров.

Перед нами – почти необъятный простор.

Здесь мало света, но кое-что разглядеть можно.

Я бы назвал это широченным каньоном с вертикальными ровными стенами. Ширина каньона, если навскидку, километра полтора-два. Длина не меньше двух, так что каньон, конечно, коротковат. Он скорее похож на след исполинского каблука оставившего вмятину в нашем мире. Мы вышли к каньону у его начала, слева, метрах в ста тянется стена, а направо уходит разлом, там, где-то далеко-далеко мигают огни. Прямо от наших ног берет начало длинный стальной мост, стоящий на множестве ажурных опор, уходящих в глубину разлома. Вот он Гиблый Мост. Он не снабжен перилами. Ровная стальная полоса, пересекающая разлом и упирающаяся в солидную гроздь огней на той стороне – Дренажтаун. Ширина моста метров восемь. И я сразу заметил следы демонтажа и блестящих стальных латок, натертых ногами. Эти же латки попадались мне в тридцатом коридоре и заканчивались у входа в двадцать девятый, где имелось характерное утолщение коридора. Некогда по мосту ходил некий рельсовый транспорт – что-то электрическое, возможно этакий трамвайчик. Потом транспорт убрали, рельсы срезали. Посыл понятен – расстояние плевое, тут всего-то километра два от Дренажтауна до двадцать девятого магистрального, что, как пояснил Баск, является неофициальной границей Окраины. Что такое два километра для крепких гоблинов и зомби? Ничто! Ерундовая дистанция – смогут и ножками. Хотя скорей всего транспорт просто вышел из строя, и система не смогла заменить его остановившееся стальное сердце.

Да. Мой дорожный атлас пополняется. Карта мира постепенно разворачивается в моем мозгу…

За нами Окраина, мы в двухстах метрах от ее границы – участок которой вскоре будем патрулировать. Перед нами некая буферная зона – весь провал с Гиблым Мостом, Зловонка и Стылая Клоака. В полутора километрах впереди находится Дренажтаун, верхний квартал города Мутноводья. Над нами…

над нами обычный потолок, есть большая полусфера наблюдения, висящая как-то кривовато и передвигающаяся странными рывками. По потолку бегут десятки разномастных труб – все в направлении Дренажтауна. Ну или от него – тут уж как посмотреть. Под нами Стылая Клоака… сделав всего шаг вперед, оказался на самом краю разлома. Посмотрел вниз. И увидел опоры моста уходящие в непроницаемый белесый туман. До тумана метров пятнадцать. А о глубине каньона можно только гадать – Баск и Йорка не знали.

Вот она Стылая Клоака…

Стоя на краю, я несколько минут смотрел на туман, ползал взглядом по ажурным опорам, вслушивался. Члены команды не мешали – они вовсю вертели головами, тихо переговариваясь. Йорка смотрела глазами. Баск «смотрел» ушами, поворачивая голову подобно локатору.

И Зловонка…

Тут не ошибешься – только слепой не заметит сползающую по стене густую бурую массу, что спустя метров двадцать стекала в сварной желоб под наклоном, уходящий на другую сторону каньона. Желоб шел параллельно мосту. Бурая масса одним своим видом вызывала омерзение. Вот он знаменитый и воспетый Дерьмопад. А начинается он от длиннющей щели. Вход в Зловонку. С нашей позиции видна металлическая площадка на ближайшей к нам стороне щели. К площадке ведут крутые металлические лестницы – слишком крутые, идут вверх чуть ли не вертикально. Я насчитал шесть пролетов. Нижний, чуть более пологий, заканчивался у самого входа в тридцатый коридор и находился метрах в пяти от нас. Если искалеченных системой безногих и безруких бедолаг действительно похищают болотники для откорма и последующего забоя, то несут их этим маршрутом. Хотя может существовать и потайной путь.

– Про свинину истории слышали? – спросил я, продолжая водить глазами и впитывать поступающую информацию.

– Брр-р-р! – отозвалась Йорка – Фу! Лопнуть и сдохнуть!

– Людоеды долбанные – произнес Баск – Это правда.

– Про свинину?

– Да.

– А про похищения червей?

– Тоже правда.

– Надежный кто рассказал?

– Однажды я слышал похищение – тихо сказал зомби – Денег на капсулу не было. Ослеп незадолго до этого, только начал осваиваться, стал больше полагаться на слух. Был на грани банкротства. Задремал на ближайшем стенном выступе. И

посреди ночи услышал шаги. Тихие, но быстрые. Пауза. Потом сдавленное короткое мычание. Снова шаги. И тишина… а на следующее утро окрестные зомби удивлялись куда делся голосистый червь-певец, что зарабатывал пением на жизнь. С каждого зомби по крошке и по капле – к вечеру почти сыт. Про певца больше никто не слышал.

– Это было в кляксе?

– Недалеко от семнадцатой кляксы. В паре тропок от нее.

– И туда можно дойти незамеченным для системы?

– Сыщется несколько сумрачных тропок – кивнул Баск – Могу назвать номера.

– Пока не надо – покачал я головой – Значит истории про свининку со сладким жирком правдивы.

– Более чем.

– Одного понять не могу – как человечину выдают за мясо плукса? Тут кое-что не вяжется. У этих чешуйчатых тварей кровь зеленая.

– Только у молодых – хором ответили Йорка с Баском.

– Поясните – попросил я.

– А что пояснять? – развела руками девушка – Пока они маленькие кровь зеленая. Чем взрослее – тем краснее. У крупных, тех, что до колена и выше – кровь уже красная! Это я точно знаю – видела, как тащили туши двух серых плуксов. Мясо в дырках шкуры было красным и кровь стекала тоже красная.

– Говорят, что зеленая кровь только у тех плуксов, кто еще не пробовал нашей крови – добавил Баск – Стоит один раз присосаться – и их кровь краснеет. Еще говорят, что плуксы не могут стать взрослыми, если не жрут нас. А так прокормиться и без нашего мяса могут – чем-то за стенами питаются.

– Жрут слизь и мусор? – предположила Йорка.

– Кровь краснеет у тех плуксов, кто отведал крови гоблина? – хмыкнул я и недоверчиво покачал головой – Звучит не слишком правдиво. Но с цветом крови разобрались.

– Может свалим уже отсюда? – чуть сварливо поинтересовалась девушка, демонстративно показывая мне гусиную кожу на руках.

– Экскурсия окончена. Шагаем обратно – кивнул я – Вот-вот начнется патрулирование.

Здесь, у начала Гиблого Моста, бушевал порывистый ветер. Сильный ветер. Он то затихал, то вдруг налетал бил исподтишка в плечо, а иногда и в спину, отразившись сначала от стены. Тридцатый коридор был наполнен гудением ветра, что продолжал сопровождать нас, подталкивая сзади. Если так ветрено здесь – то каково на Гиблом Мосту? Там ведь нет и

намека не перилла. Это просто гладкая стальная полоса, тянущаяся так полтора километра самое малое.

До двадцать девятого магистрального добрались без проблем. Тут идти всего триста шагов – а мы шагаем ме-е-елко-мелко. На перекрестке наткнулись на две чужие группы. Одна оказалась нашей сменой, вторая направлялась к Гиблому Мосту и выглядела достаточно серьезно – пятеро крепких парней с полными комплектами конечностей, сумки, на поясах дубинки и длинные шила, защита голеней и колен, на ногах закрытые странными щитками кеды. Группе предстояло провести два часа на недавно оставленной нами ветренной площадке. Тоже патруль. На нас парни глядели с неприкрытым превосходством. Я же, сначала выставив им высокую оценку и посчитав собранными и приметливыми, через пару минут свою оценку резко снизил – эти орки не заметили слепоту Баска. Хотя зомби двигался с вполне определенной характерностью, к тому же козырек бейсболки не мог полностью скрыть исполосовавшие лицо шрамы. Подобные вещи должен замечать каждый, кто считает себя бойцом. А эти считали. Но демонстрировали это Йорке, скаля клыки в улыбках и нарочито напрягая бицепсы. Идиоты.

Вслух не сказал ничего. Мы обменялись прощальными любезностями и разошлись. Отработавший свой патруль двинулся по направлению к семнадцатой кляксе, и я почти уверен, что по пути они заглянут в Веселого Плукса хлебнуть компотика. Может и косточек погрызут – заработали. Мы неспешно зашагали вдоль стены двадцать девятого магистрального. Те пятеро утопали к Гиблому Мосту. Шли гордо расправив крылья и выпятив зобы – в смысле расставили руки и задрали подбородки, явив всему честному миру кадыки. Я окончательно убедился – это еще толком непуганые жизнью идиоты.

– У них такие же как у меня – заметила Йорка – Но крепления не обломаны.

Я молча развел руками и указал на расстилающийся впереди коридор. А что сказать? Пусть каждый решает для себя, что ему важней – чтобы дубина точно не потерялась, вися на мощном цепком креплении, или же чтобы она быстро и гарантировано выхватывалась.

– Про дубину ты вовремя напомнила – поблагодарил я – Давай. На каждом двадцатом шаге.

– Вот я дура-а-а… – жалобно заныла напарница – Оди… рука отваливается…

– Тогда на каждом пятидесятом – смилостивился я – Но от всей души и силы.

– Йес!

– И кто-то говорил про длинную захватывающую историю – глянул я на Баска.

Тот тут же заулыбался. Кашлянул. Пытался скрыть эмоции, но видно – ему приятно, что лидер помнит о историях и что не забывает о слепом зомби.

– Какую? Про зомби и конец света? Или про принцессу?

– Давай про конец света.

– Сразу скажу – начинается непривычно.

– Еще интересней.

– К-хм… ну так вот. Заваливается безрукий зомби в бар, а на веревке тащит за собой трех поющих червей и дохлого голого полуруслика…

За поистине необычной историей зомби Баска два часа пролетели незаметно. Опомнившись, потряс головой, глянул на часы:

Текущее время: 21:57

– Такой подлянки только от полуруслика и можно было ожидать! – подытожила Йорка.

– Аминь – поддержал я ее и с удивлением глянул на Баска – Да у тебя талант рассказчика. Хотя я так и не понял откуда дохлый голый полурослик достал бутылку с ядерными орками. Но история классная.

– Аминь! – повторила за мной Йорка, с облегчением вешая дубинку обратно на пояс – О моя рука-ручонка! Болит зверски, лопнуть и сдохнуть!

– Ты привыкнешь – пообещал я и еще раз оглянулся. Люблю я оглядываться, что тут скажешь. И вообще по сторонам поглядывать люблю.

Осмотр ничего не дал кроме привычного – мы тут почти одиноки. Двадцать девятый был полон гудящего ветра и больше ничем и никем – кроме нас, само собой. Других патрулей тоже не было. Последняя четверка гоблинов ушла час назад и ее никто не сменил. С другой стороны нашей зоны патруль вообще не встретился. По полу ветром мотает какой-то мусор, мигает вдалеке одна лампа.

Странно?

Вовсе нет.

Я давно заметил, что вечерний гудок завершения работ служит еще одним важным сигналом для населения. Гудок говорит – время восемь вечера! Прочь из коридоров! Живо в кляксы! Прочь из сумрака, бегом к свету. И до утра по тропам и

тропкам не шаркайте, зомби, не бегайте, гоблины, не ходите, орки… Это не официальный приказ, это даже не рекомендация, но большинство воспринимает вечерний сигнал именно так – время вышло, пора по норкам. Здешняя ночь на инстинктивном уровне воспринимается опасной – прямо как на заре человеческой эволюции, когда наши предки забивались в пещеры, отгораживались негаснущим огнем и с дрожью вслушивались в наполненные звуками ночные джунгли. Наши предки знали – ночью на охоту выходят страшные хищники… Вот и здесь примерно так же. Только страшней.

Морковка, мандарин – это создание-командир заставило меня призадуматься.

Долбанная морковка с рангом тактического лидера. Раньше я воспринимал плуксов как бронированных крыс, живущих за стенами. Теперь же относился к ним с куда большим уважением. В свете полученной инфы очень легко представить себе вышедшую на ночную охоту небольшую стайку голодных плуксов движущуюся только по сумрачным тропкам. Днем народа многовато, опасно. А вот ночью коридоры почти пусты и можно выследить одиноко куда-то бредущего гоблина, которому никто не придет на помощь…

Плуксы умны – бойся, гоблин! Это правило я постарался хорошенько вбить себе в подкорку, мысленно повторяя эту фразу на каждом пятидесятом шаге и вслух на каждом сотом. Баску не понадобилось много времени, чтобы разобраться и вскоре, на миг прерывая интереснейшую историю, он вместе со мной на полном серьезе повторял: «Плуксы умны – бойся, гоблин».

Текущее время: 22:00

Осмотрел коридор, вгляделся вдаль, глянул на прислушивающегося Баска. Не-а. Никого и ничего. Ни намека на спешащий к нам чуть опоздавший патруль. Смену сдавать некому.

Текущее время: 22:01

– Хм…

– Ленивые гоблины! – ругнулась Йорка и, вытянув руку, поправила Баску ворот футболки – Что делать будем, Оди?

– Главное – сдать задание – спокойно ответил я – Не будут же нас здесь держать… О… ну вот…

Система зачла задание как выполненное. Каждый получил на счет по пятнадцать солов. Всего за два часа неспешной ходьбы – которую я уже зачел себе и каждому как дополнительную полезную нагрузку на опорно-двигательный аппарат.

Баланс: 30.

Приятно получать деньги без вычетов – сегодня питание и медицина за счет системы. Даже дополнительные уколы были сделаны бесплатно. За инъекции деньги система взяла только у Баска. Видимо там медицина посерьезней и подороже. Надо не забыть скинуть ему двенадцать солов через банкомат. С меня снимется четырнадцать, на руки он получит десять. Проценты система берет жирные… Зато радует сумма награды за короткое условно боевое задание.

Получение групповых боевых (обязательных к исполнению) заданий?

Да. Нет.

Ух как неожиданно и хитро система подсунула это предложение. Только-только в трясущиеся ручки упала жирная денежная награда и сразу же вопрос – а хотите, чтобы так было всегда?

Кто откажется?

Я, пожалуй. Решительно нажал нет, помня слова Энгри о том, что система с упорностью механического дятла будет раз за разом делать этот запрос. Системе нужны бойцы. Нужны на постоянной основе. То, что нас тупо некому было сменить в этот поздний час, только доказывает это. Бойцов не хватает даже для стабильного патрулирования – слишком уж огромны территории Окраины. Сотни коридоров и залов.

Признаться честно, отказывался через силу – боевой статус дает немало плюшек. Был большой соблазн согласиться. Но если я уверен в своих силах, то вот другие… их надо хотя бы еще разок окунуть с головой в кровавую баню. Посмотреть, как они поведут себя в еще одном бою. И вот тогда, всмотревшись в их лица, заглянув в глаза, подумать и принять решение.

– Ну что, гоблины и зомби? – весело спросил я, поглаживая себя ладонью по животу – Топаем до родной кляксы? По пищевому брикету и паре глотков воды, чтобы спалось сладко – и в капсулы часов до пяти утра.

– До пяти? – ахнула Йорка – Да мы пока до кляксы доберемся будет почти полночь, Оди! Перекусим, сполоснемся – и сколько нам останется поспать?

– В пять утра подъем – я остался безжалостен – Выполним рабочие задания – и после завтрака перехватим пару часов сна. Баск. У тебя самое серьезное ранение. Ты можешь…

– Нет! – отрезал зомби – В пять утра я с вами!

– Принято, боец – удовлетворенно сказал я – Ну, пошли.

– Тогда предложение! – подскочила девушка.

– Озвучивай.

– Рядом с Веселым Плуксом ведь есть жилая зона с «иглами». Вдруг отыщется три свободные капсулы? А нам все равно по пути.

– И ароматом жареного мяса по пути насладимся – хмыкнул я – Попробовать стоит. Принято. Веди нас, Баск.

– Понял. Уточню – мы на сороковом участке двадцать девятого магистрального? Слева, по этой стене, шагах в пяти поворот на сороковую тропу?

– Все верно – ответил я, не скрывая звучащие в голосе уважительные нотки.

У этого парня голова работает как компьютер. Тикает и щелкает постоянно. Даже в разговорах и спорах, даже с залитой клеем раной в животе и рассказывая длинную смешную историю про конец света, он продолжал считать шаги, продолжал отслеживать свое местоположение в лабиринте коридоров.

– Нам в ту сторону – зомби взмахнул рукой – До поворота на тридцать третью тропу. Если успеем добраться за десять минут – там как раз будет ехать полусфера и пройдем не по сумраку.

– Чуток поторопимся – подытожил я и мы слегка ускорили шаг.

Натруженные ноги протестующе застонали. На этот раз стонали не колени, а стопы. Все же кеды с тонкой резиновой подошвой и тонким носком – не лучший вариант для частой и долгой ходьбы. Ничего. Скоро этот длинный день завершится и я, перекусив, вытянусь в капсуле и отрублюсь на целых пять часов. Мы почти добрались до нужного поворота, осталось метров пять, когда я остановился как вкопанный, читая тревожно засветившиеся перед глазами подчеркнуто яркие строчки:

Задание: Бой.

Описание: Уничтожить трех серых плунарных ксарлов.

Место выполнения: 30-ый магистральный коридор!

Время выполнения: немедленно.

Награда: 30 солов.

Подтверждение принятия задания

Да. Нет.

– Вот черт! – высказался я, опуская взгляд чуть ниже.

Задание: Защита.

Описание: Отбить четыреста пятьдесят седьмого или его тело от четырех серых плунарных ксарлов.

Место выполнения: 30-ый магистральный коридор!

Время выполнения: немедленно.
Награда: 30 солов.
Подтверждение принятия задания
Да. Нет.

– Что там, Оди? Система? Что пишет?

– Отчитаться о силах, отряд! – рыкнул я – Немедленно! Есть силы на короткий бой? Цель – три-четыре серых плукса. Почти уверен – некоторых из них подранки. Баск?

– Пошли! – в руке зомби появилось шило.

– Йорка?

– Черт…

– Ну! Решай!

– Идем!

– За мной! – повернувшись, я перешел на бег, нещадно напрягая усталые израненные ноги.

Не оборачиваясь, бросал через плечо пояснения и инструкции, попутно подтверждая принятие заданий.

– Не переживайте, бойцы. Справимся. Йорка, у тебя дубина. Помнишь, как бить?

– Да! Но там три плукса! Или четыре! А дубина одна?

– Может и не одна – ответил я – Сейчас разберемся. Плуксы прут от Гиблого Моста. Два часа назад туда ушла группа из пяти орков. Баск!

– Да?

Он хоть и слепой, но не отставал ни на шаг, легко следуя за нами. Коротко обернувшись, глянул на его сосредоточенное напряженное лицо полускрытое бейсболкой.

– На тебе четыреста пятьдесят седьмой. Система сначала сказала о трех плуксах, во втором задании сказала о четыреста пятьдесят седьмом и еще одном плуксе. Понял?

– Плукс на нем. Понял.

– Эта присосавшаяся тварь – на тебе. Я скажу куда именно она присосалась. Справишься?

– Да!

– Вперед! – выдохнул я и круто свернул в тридцатый магистральный.

В лицо и грудь ударил ветер, по ушам хлестнул перепуганный долгий крик, метрах в шестидесяти, нам навстречу бежал окровавленный орк. Один из той вальяжной группы. Бежит что есть сил, на левой голени несет мерзкий серый «гостинец».

Мы подождем, пожалуй. Я остановился, принял правым плечом не успевшую затормозить Йорку, в нее врезался Баск. Устояли.

– Стоим! – велел я – Йорка шаг вперед и к правой стене. Я к левой. Йорка! Бегуна пропускаешь. Бьешь дубиной первого же плукса идущего следом. Не промахнись! Нет! Убери вторую руку от дубины! Одной рукой!

– Но…

– Слышала меня?

– Да! Одной рукой!

– Баск, готовься. Я повалю его. Вслушивайся.

– Понял.

– Спаси-и-и-ите-е-е! Спаси-и-и-ите-е-е!

И снова хриплый вибрирующий вой забивающий уши бесполезным шумом.

Долбаный крикун! Заткнись!

Если ты новичок – этот вой наполнит твою душу ненужным волнением, а может и паникой. Я бы таким крикунам сразу глотки резал. Но система просила о другом…

Мелькнула тень. Быстрая! На правой голени ноге визгливого орка повис еще один плукс. Крик, хотя это казалось невозможным, стал громче. Поморщившись, я скрипнул зубами, борясь с желанием потереть звенящие уши ладонями. Мудила! Выживай молча! Или дохни молча! Не мешай!

– На правой тоже плукс. Баск!

– Понял!

– Два удара на каждого плукса! Нащупал – бей. Нащупал – бей. Потом повтори.

– Ясно!

– Начали!

Бегун очень хотел жить. Поэтому в беге бил все рекорды скорости. Тем легче было его остановить. Отойдя с его пути, пнул в колено, и орк рухнул, сильно ударившись о пол. Кричать не перестал. Перешел на ультразвуковой визг режущий уши. Подшагнув безжалостно пнул орка в лицо. Прямо по губам, разбивая их, а заодно и расплющивая нос. Крик оборвался, сменившись мычанием. Истерзанные ладони – нет нескольких пальцев, плещет кровь – закрыли лицо. Нагнувшись, сорвал с его пояса чистенькую дубинку с шипами и шагнул дальше по коридору, смыкая линию обороны с Йоркой и оставляя за спиной орка, двух плуксов и слепого зомби.

Враг в тылу. Плохо. Вся надежда на Баска.

И зомби не подвел. Нащупав ногой бедро орка, он чуть повернулся и уселся на его задницу, придавливая паникера к полу. Подался вперед, нащупал бронированную «опухоль» на правой голени. Дважды ударил шилом. Раз! Два! Свободная рука уже нащупала второй клубок. Раз! Два!

Я успокоено отвернулся и поудобней перехватил дубину. Глянул в коридор. И велел:

– Первый твой. Пошла!

Выдохнув, Йорка шагнула вперед, взмахнула дубиной.

Бегущий к нам третий плукс припадал на задние лапы. Что-то с позвоночником – зацепили его чем-то неплохо. Скорость замедлена, маневренность тоже. Идеальный враг для новичка.

Йорка не промахнулась. Обрушила дубину точно на середину серой чешуйчатой спины. Стальные стержни пробили чешую, плоть, вошли в кости, плукса прибило к полу.

– Держи крепко!

– Держу! Держу!

– Одной рукой, гоблин! Одной рукой!

– Но!

– Одной рукой! – рявкнул я.

– Да!

– Держи! – втиснул в ее свободную татуированную руку рукоять шила – Не отпуская дубину подайся вперед и вбей падле шило в хребет! Раз пять! Давай!

Уже не смотря, шагнул дальше и взмахнул дубиной. Ударил не сверху вниз – увидел, как удивительно крупный плукс подобрал лапы, готовясь к стремительному броску. Я нанес боковой удар. Четыре шипа вошли в бок плукса, следом добавила дубина. Пронзенный плукс прыгнул, мощно оттолкнувшись всеми лапами. Дубину едва не вырвало из руки, я подался всем телом в сторону, затем надавил на оружие, толкая противника к стене. Придавил, налег сильнее, глянул по сторонам.

Йорка остервенело бьет и бьет шилом по уже не подающему признаков жизни плуксу.

– Йорка!

Ноль реакции…

– Гоблин! Хватит!

Вздрогнула, глянула на меня расширенными глазами. Она вообще в курсе, что ее губы растянуты в безумной скалящейся усмешке истинного берсерка?

– Добей и этого! – указал на скребущего когтями крупного плукса.

Мог бы забрать шило и добить сам. Но нет. Пусть учится девчонка. А я подержу. И погляжу на Баска. Хотя что там смотреть? Тихо дергается и скулит на полу орк, с его ног хлещет кровь, рядом лежат на боках отцепившиеся дохлые плуксы. Сам Баск вытянул из поясной сумки тряпичную ленту и ощупывает ногу орка, ища место для наложения жгута. Орк пытается куда-то ползти, паника его не отпустила, отчетливый запах дерьма и

мочи только подтверждают это. Морщащийся зомби то и дело бьет обделавшегося ползуна ребром ладони по спине и шипит:

– Замри, сука! Не ползи, сука!

Хватает его слов ненадолго. Так у Баска хрен получится наложить жгут, и долбанный крикун истечет кровью. Я зло рявкаю, наполнив голос сталью:

– Замер, мудило! Лежать, мля! Распластаться, с-сука! Еще раз дернешься – я тебе голову отрежу, ушлепок трусливый! Нам система велела или тебя или только твой труп от плуксов спасти – сам выбирай как дальше будет! Замер!

Орк распластался на мокром от крови полу. Красная кровь смешалась с зеленой. Вспомнив, глянул на пригвожденного к стене крупного плукса. Йорка продолжала перфорировать вроде как уже дохлое мясо. Схватив ее за плечо, дернул на себя, охнув от боли в локте. Эта девчонка радует меня все больше и больше! Как и Баск. Глянув на продолжающую освещать ее лицо безумную ухмылку, велел:

– Помоги Баску с трусливым мудилой.

– Х-хорошо – выдохнула Йорка.

Господи… такое впечатление, что она только что получила сильнейший оргазм в своей жизни, оттого и выглядит такой счастливой, машинально вытирая тыльной стороной ладонью окропленные зеленой кровью щеки. Зеленой и красной. Быстрый взгляд на обмякшего плукса подтвердил – этот истекал красной кровушкой.

– Просто не шевелись, парень – хриплый голос пошатывающейся Йорки попытался подбодрить раненого орка.

Глянув в сторону Гиблого Моста, убедился, что тридцатый магистральный пуст. Оттащил плукса ближе к раненому, высвободил дубину. Покосившись на орка, мрачно сказал:

– Не сюсюкайте с этим мусором. Он трус! Предатель! Бросил своих и бежал!

– Я… – орк оторвал лоб от лужи крови – Я… они все погибли! Все погибли! Потому и бежал!

Вот теперь он пришел в себя. Надо же как быстро очухался. Жизни ведь ничто не угрожает, можно теперь вспомнить и о моральном облике брутального мужика. Надо срочно спасать репутацию.

– Заткнись! – лязгнул я – Долбаный лжец! Когда я заткнул тебя пинком по лицу и прервал твой перепуганный вой, со стороны Гиблого Моста донеслись крики! Там еще кто-то был жив и судя по крикам – они сражались! Что? Думал никто не узнает, мразь? Ты не учел – ветер переносит звуки очень далеко. Ты бросил своих друзей! Бросил тех, кто доверил тебе свою жизнь!

Гребаный ушлепок! Поверь – если бы мы были сейчас подальше, где-нибудь на сумрачной тропе – я бы срезал твою вонючую голову с плеч! И утопил бы ее в ближайшем сортире!

Тишина…

Йорка с Баском молча затягивают жгуты. Подрагивает лапой дохлый плукс. Снова уткнулся лбом в пол орк, закрыл ладонями уши и затих. Махнув рукой, бросил чужую дубину рядом с его плечом. Трус вздрогнул, сжался. Надо будет руки вымыть хорошенько.

Получение групповых боевых (обязательных к исполнению) заданий?

Да. Нет.

Отвечу позже.

Выдохнув, поднял с пола шило, брошенное Йоркой. А вот дубину она повесила на пояс – появился автоматизм.

Проверил интерфейс. Финансы показали, что система уже раздолжилась с нами.

Баланс: 50.

По десять солов за каждое задание.

Награда за уничтожение?

– Гоблины! Зомби! Награду выдали за уничтожение? – я покосился в сторону двадцать девятого и сразу увидел висящую на перекрестке полусферу.

– Мне за двух! – отреагировал Баск – По пятнадцать.

– И мне за двух! Пятнадцать и двадцать!

– Отлично – удовлетворенно сказал я – Чтобы завтра все щеголяли в штанах. Йорка, поможешь купить Баску.

– Йес! А можно мне желтые штаны?

– Нет. Серый или черный. Личные вещи – хоть отвратно розовые носи.

– Почему отвратно-то?

– Нам еще задание.

– Лопнуть и сдохнуть! – Йорка подпрыгнула, схватилась за дубинку, уставилась на пустой коридор. Баск замер с выставленным шилом.

– Расслабиться. Задание мирное, но противное. Надо вот это вот – я ткнул носком кеда в бок лежащего у моих ног орка – сопроводить к ближайшему медблоку. Задание групповое, дешевенькое, необязательное. Награда девять солов на всех. Возьмемся? Или бросим этот кусок дерьма здесь же, прямо в луже?

Тишина… я с интересом оглядываю лица членов команды. Первой сдается Йорка и, пряча от меня взгляд, бубнит:

– Да дотащим потихоньку, чего там.

Кашлянув, опускает лицо Баск:

– Поможем.

– А я бы оставил этот мусор здесь – искренне говорю я – И перевязку бы ему не делал. Ладно. Поможем. Эй! Слышишь меня.

Молчание, орка трясет.

– Эй!

– Слышу, слышу…

– Встать!

– Мои ноги…

– Встать, ушлепок! Встать, сука, пока я тебе твою дубину тебе в вонючую задницу не заколотил! Встать!

Стонущий орк с огромным трудом поднялся, его повело, на свои ноги он старался не глядеть – а неприкрытые раны выглядели ужасающе.

– Бегом вперед! – рявкнул я, толкая его ладонью в спину – Бегать ты отлично умеешь! Бегом! ВПЕРЕД!

И качающийся орк побежал, скользя ладонью по стене, оставляя на ней длинный красный след.

– Он же раненый – тихо-тихо сказала Йорка.

Повернувшись к ней, спросил:

– Видела, как он бежал минут пять назад? Несся как спринтер! И раны ему не мешали.

– Ну…

– И крики погибающих за спиной друзей ему не мешали, даже не замедлили! Два плукса на ногах висели, клыками его мясо вживую крошили – а он бежал! Пусть и дальше бежит! Наше задание – сопроводить, а не донести. Цепляем плуксов. Я тащу двух. Йорка одного. Баск одного. И следом за трусливым мудилой шагом марш!

– А… – Баск качнул головой в сторону Гиблого Моста.

Где-то там полегло четверо орков. Где-то там пируют сейчас плуксы.

– Ну нет – усмехнулся я – Мы на убой не пойдем. Двинулись!

Орк сдулся, не добредя метров тридцати до дверей ближайшего медблока. Сначала бежал, потом шел, потом брел… и вот застыл покачивающимся истуканом. Пришлось все же ему слегка помочь, дотащить до медблока и впихнуть внутрь. Дверь закрылась за спиной обделавшегося труса.

Баланс: 53.

Оглядел членов команды и понимающе хмыкнул – куда

только делась сонливость. Ну да. В ближайшие пару часов не уснуть – тем, кто не привык к подобному.

– Баск!

– Да?

– А проложи-ка нам кратчайший маршрут к Веселому Плуксу! Сегодня мы с вами ужинаем по-царски!

– Мясо – сглотнул слюну зомби.

– Мясо – торопливо провела ладонью по повлажневшим губам Йорка.

– Мясо – улыбнулся я, хватая за лапу дохлого плукса…

* * *

В Веселом Плуксе нас встретили… с молчаливым уважением.

Стоящая на входе охрана расступилась, пропуска внутрь. Подскочившие два парня приняли плуксов, задали пару вопросов и убежали. Подошел мужик постарше, я с ним коротко переговорил, и мы пришли к согласию. Йорка с Баском уселись на свободный стенной выступ, припали к мигом принесенным бокалам с компотом. А я наведался к банкомату – рядом все так же сидел золотоволосый искалеченный парень – и получил денежный перевод в семнадцать солов. Мне на счет упало пятнадцать.

Баланс: 68.

Ну и каждому сейчас подадут по порции жареного мяса. Я не забыл упомянуть имени Энгри и служащий пообещал все сделать надлежащим образом. Перекинувшись с ним еще парой слов, чуть надавил, пообещал и впредь не забывать славное заведение, если добудем свежего мяса. И добился своего. Короткий кивок, понимающий взгляд на меня и моих напарников. Мы в крови. Йорку потряхивает. Отходняк после боя. Так что можно и пойти навстречу в этой мелочи. Усевшись рядом со своими, махом ополовинил бокал компота. С шумом выдохнул, прикрыл глаза…

Хорошо. Жить хорошо…

Негромкий тройной стук дал знать – обещанное прибыло. Первая его часть. Глянув на стол, убедился в этом – улыбчивая девушка поставила три небольших пластиковых стаканчика почти до краев полных мутноватым напитком.

– Это же… – принюхался Баск.

– Ух ты! Нам? – Йорка осторожно подтянула к себе одну стопку.

Взявшись за свою, сказал:

– Баск. Берись.

Когда у каждого стопки были подняты, оглядев каждого, спросил:

– Прежде чем выпить – у меня тут висит предложение настырной. Насчет постоянных боевых. Примем? Жизнь наша изменится круто – сразу предупреждаю. Баск? Переходим на боевой статус?

– Я за!

– Йорка?

– Лопнуть и сдохнуть… переходим!

– Принято – улыбнулся я.

Получение групповых боевых (обязательных к исполнению) заданий?

Да. Нет.

Да. Запрос исчез. Система получила еще трех официальных бойцов не могущих игнорировать ее приказы.

– Поздравляю с новым статусом, бойцы! Пьем разом и до дна! И чтобы не кашлять!

Стопки щелкнули друг о друга, мы махом опрокинули в себя обжегший горло самогон.

– Ух! – сказал я, чувствуя, как пылающий сгусток летит к желудку.

По лицу зомби растекалось блаженство. Тряслась Йорка, поспешно запивая компотом.

– Завтра подъем не в пять утра – вспомнил я – Раз уж такая ситуация – встаем на час позже. В шесть!

– В семь, гоблин! Ну давай в семь – заныла Йорка.

– В шесть – отрезал я.

А себе мысленно напомнил – теперь мне надо все время отслеживать местоположение группы. Держаться подальше от опасных зон – на экскурсию к Гиблому Мосту вот так запросто как сегодня лучше не соваться.

Завтра же – хотя уже почти сегодня – надо наведаться к торспотам. Приобрести еще одну дубинку, пару стержней, прицениться к ножной защите, изучить ассортимент энергетиков, изотоников и…

– Мясо несут! – зашептала Йорка – И кажется нам несут! Нам! Лопнуть и сдохнуть!

Баск молчал, но его раздувающиеся ноздри и дергающийся кадык говорили сами за себя.

Несли и впрямь нам. Со стуком опустились на стол три тарелки с солидными порциями румяного жареного мяса. Невероятный запах удесятерил скорость выделения слюны,

показалось, что либо сейчас захлебнусь этим потоком, либо же залью стол.

Схватившись за вилку, скомандовал:

– Налетаем! Не ждем!

И первым впился в пронзенный вилкой шмат мяса. Впился, дернул головой, отрывая солидный кусок и яростно заработал челюстями, чувствуя, как по языку растекается густой мясной сок… Испустила протяжный стон зажмурившаяся Йорка, часто шмыгал носом жующий Баск. Команда насыщалась достойным бойцов ужином.

Глянув на официантку, указал на стопки и бокалы. Кивнув, та поспешила к нам, неся бутылку и кувшин. Поймав взгляд старшего служащего, жестом показал, что расплачусь чуть позже. Так же жестом меня тут же успокоили – даже мол не волнуйтесь уважаемый гоблин, в нашем заведении к вам имеется лимит доверия.

– Кто бы знал! – сказала вдруг Йорка, смерив меня взглядом – Кто бы знал, что все так обернется! Кого я разбудила, Оди? Кто ты такой?

– Я гоблин – усмехнулся я, беря вторую стопку – Просто гоблин. Пьем! За нас!

– За нас!

– Лопнуть и сдохнуть! За нас!